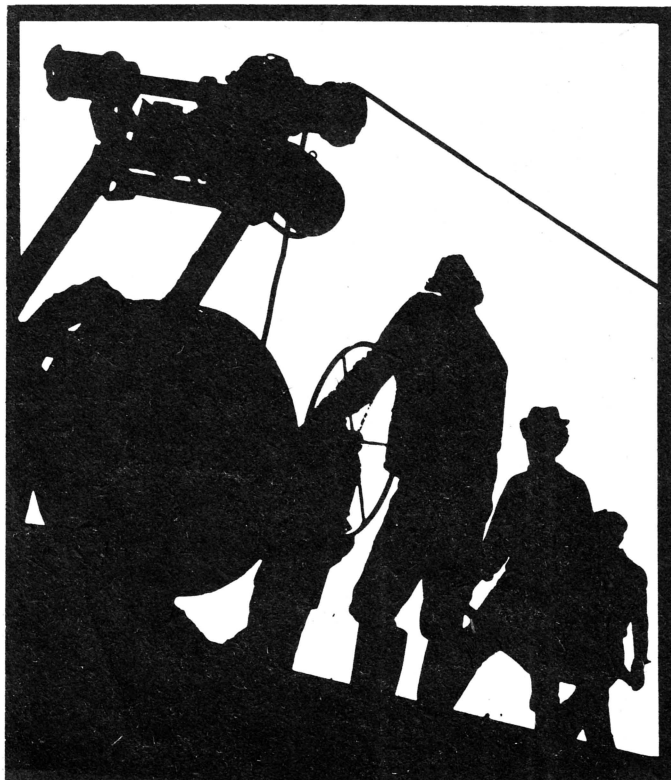

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

7 ИЮЛЬ

«Спартаковец» — так называется эта школа, популярная у мальчишек Свердловска, хорошо известная в республике и стране. Ее популярность, известность — от интересных, во многом необычных форм работы. Дело в том, что школа эта — спортивно-трудовая. Когда-то такой подход к задачам «Спартаковца» задумывался как эксперимент. Теперь можно говорить о большом, важном, интересном опыте. Эксперимент оправдал себя конкретным результатом, чем, собственно, и ценна всякая работа. Сегодня у «Спартаковца» есть специализированный хоккейный стадион под крышей. Есть ученики, которыми по праву гордится школа. Здесь хорошо помнят указание июньского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС о том, что надо твердо проводить курс на то, чтобы прививать школьнику привычку и любовь к полезному труду.

ШКОЛА СПОРТА И ТРУДА

На снимках: в центре — встреча с «академиком» хоккея А. Тарасовым; слева — «в хоккей играют настоящие девчонки» (участница одной из детских команд, выступавших на льду «Спартаковца»).

Читайте стр. 74—77.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-84

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВИН

Редакционная коллегия:

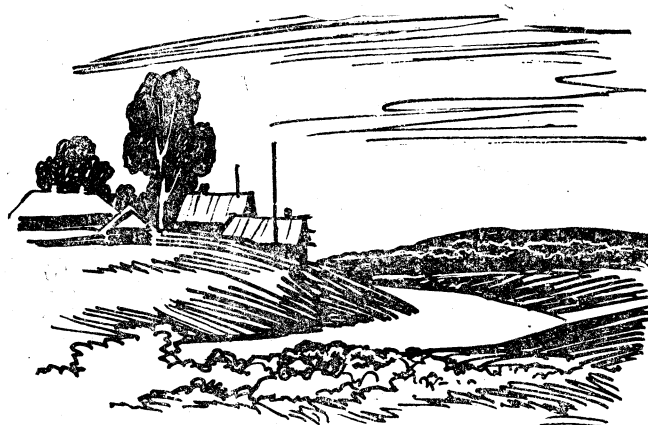
Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Теннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 7 ИЮЛЬ

Максимка, сын директора

Вера
КУДРЯВЦЕВА

Рисунки
А. Гуманова

В течение многих лет я живу как бы неотрывно от дел, забот, горестей и радостей старинного села Черемисского. Фотографиями вошли в память и сердце пейзажи тех мест: деревеньки с раскинутыми крыльями улиц, черемуховые берега реки Реж, округлые, будто пшеничные караваи, поля, разрезанные проселочными дорогами на равные краюхи, неброское желтенько-синее цветение лесных опушек...

Многие впечатления хранятся в душе, ждут своего часа. Так, в долгу я по сей день перед большим моим другом, теперь уже навсегда ушедшим, Еленой Егоровной Потоскуевой. Это она провела меня по всем своим заповедным ягодным и грибным местам, будто заставляя не забывать их, навещать. Если удастся вырваться в те края, прохожу я по знакомым лесным тропинкам и словно слышу рядом с собой шорох торопливой старческой походки, окаящий смешливый говорок. И с немymi укором смотрят на меня из поредевшей спутанной травы целые острова переросших, иногда уже подстывших от ранних заморозков груздей, никем не собранных. Перезревшие ягоды черники опадают с кустов, едва дотронешься до них. А осиново-березовая, любимая Еленой Егоровной роща встречает шелестом отживающей красоты, горьковато-терпким привкусом осени.

...А еще было знакомство с Максимкой. Максимка — сын директора совхоза имени Ворошилова Александра Ивановича Назимкина.

Директором Александр Иванович стал недавно, два года назад. Когда я ехала в то лето туда, чтобы поговорить с директором совхоза Кукарцевым Валентином Васильевичем, я еще не знала, что Валентин Васильевич умер скоропостижно и что директор теперь новый, тоже свой, доморощенный...

Секретарь директора, пожилая женщина, сказала:

— А вы с Сашей поговорите, он человек толковый,— и вспыхнула: трудно ей привыкнуть называть нового директора по имени-отчеству — сызмальства ведь на глазах: Саша да Саша. Показала в окно: — Вон его машина... Идите, пока не укатили они куда.

Почему она сказала «они», — поняла я, подойдя к высоконожкой новой «Ниве»: за рулем сидел мальчишка, светлоголовый, голубоглазый. Вскоре подошел и отец.

Новый директор ни обликом, ни манерами и отдаленно не напоминал деревенского, в обычном понимании, руководителя. Подтянутый, красивый, с умными синими глазами, с ухоженной бородкой, необыкновенно облагораживающей его, в современной спортивной одежде. Молодой ученый, а то и киноартист — еще точнее будет!

Это я и сказала ему:

— Вам бы в кино сниматься...

— Не против бы, да не зовут...— А говор-то его, уральский, и выдал: точно — свой, домо-рощенный.

— Какие у нас с тобой дальше дела? — спросил он у мальчишки. — Сын мой, Максимка, знакомьтесь.

— На ферму ты говорил, — деловито отозвался Максимка, — потом на АИСТ, потом на заправку, потом у тебя летучка...

— Ясно! — отец включил зажигание, и мы покатали за село. — Живая записная книжка!.. — улыбнулся Александр Иванович.

— Тебе сколько? — я никак не могла сообразить, сколько мальчишке лет.

— Девять, — сказал Максимка.

— Значит, в третий перешел?

— В четвертый...

— Как в четвертый? С шести лет, что ли, в школу пошел?

— Нет, с семи. Просто я из второго класса сразу в четвертый перешел.

— Как это?

— Прошел программу за третий, зачем лишний год сидеть? Пригодится!

— Какой ты однако — хозяйственный!

— Ну? — согласился он, и мы засмеялись. — Я и машину водить умею, хоть «Ниву», хоть «Волгу»...

— Правда?!

— Хлебом не корми — дай за рулем посидеть, — подтвердил отец.

Уже на второе лето своего директорства ощутил Александр Иванович настоящую помощь сына. Доверял он Максимке машину без опаски — на полевых, конечно, дорогах.

Пыль за «Нивой» столбом. Полуденное солнце прогревает кабину. Никнут головками друг к другу колосья зреющей пшеницы по сторонам. А впереди голубой просвет дали, покорно стелющаяся под колеса, пока узенькая, не

очень торная, но уже его, Максимкина, дорога...

Но это будет через год. А тогда, в то первое лето, невольно думалось: выдержит ли молодой директор? Хозяйство принял убыточное, обессиленное несоразмерностью задач и возможностей, обремененное проблемами, для разрешения которых и было спустя год принято партией и правительством специальное постановление, получившее название — «Продовольственная программа».

И вот прошло два года. Совхоз перестал именоваться убыточным. Урожай зерновых достиг 24,4 центнера с гектара, а кукурузы собрали по 462 центнера с гектара. У совхоза большая строительная программа. Скоро появится в селе еще одна улица двухквартирных коттеджей. Начата реконструкция МТМ, введены в строй сушилка КЗС-20, склад активного вентилирования. Мечтает молодой директор и о новом клубе. Словом, один из шустрых местных журналистов уже успел написать об Александре Ивановиче очерк, назвав его не то «Восхождение», не то «Возрождение».

Самое привлекательное в Назимкине-старшем — в нем совершенно отсутствует принижающее даже одаренных и талантливых людей чувство тщеславия, суетности. И наоборот, обостренное, не дающее покоя чувство ответственности, чувство долга в сочетании со справедливой добротой — главные его помощники и главные способы общения с людьми.

...В самом разгаре уборки. Назимкина едва можно узнать: похудевший, уставший — как будто не два года прошло с тех пор, когда он выглядел киноартистом, а все двадцать.

— По три-четыре часа сплю с самой весны, — объяснил он мне мое удивление и добавил: — Ничего, отдохнем. Вот уберем все... Урожай нынче большой — только бы справиться, — радовались его измученные хроническим недосыпанием глаза.

Максимка еще больше вытянулся за это время, но лицо все такое же, детски просто-душное.

— Ну, как шестой класс? — спрашиваю его.

— По геометрии трудно, но все равно на четверку вытянул. Физику люблю, астрономию особенно... А больше всего люблю что-нибудь разбирать да собирать. Недавно электродрель разобрал, а собрать не смог, — смеется. — Все свои детские машины раскурочил. Мы с младшим братишкой, с двоюродным, любим из старых машинешек что-нибудь новое сооружать, — и он показал мне тележку-прицеп для перевозки картошки, силоса.

— Вот бы научиться собирать настоящие машины, какие Миша Лоскутов мастерит! Он, в восьмом когда учился, в прошлом году, настоящую маленькую автомашину собрал! Мне

давал на ней ездить. Мы его бабушке дрова возили. А нынче он трактор маленький собирает, чтобы пахать на нем, косить... Счастливей!

Но и без того дел у Максимки столько, что удивляешься. О сестренке младшей заботится. Корову поит и кормит. Бабушке по дому помогает — она одна теперь живет в доме, где вырос папа Максимки. В хоккейной школьной команде он теперь нападающий. К лыжным районным соревнованиям подготовиться надо... Да и почитать каждый вечер хочется.

Самая интересная и насыщенная жизнь у Максимки начинается летом. Тут уж он, как и отец, от зари до зари на ногах. То верхом на лошади пасет коров, то с отцом ездит. Ягоды, грибы — тоже страсть. А там, глядишь, в огороде работа. Прополка, окучивание. Максимка один весь огород может обработать.

— Кем же ты мечтаешь стать, Максимка? — задаю я главный свой вопрос и с надеждой жду, вот сейчас скажет: «Буду трактористом или комбайнером». Но Максимка говорит:

— Воздушным десантником. Или восемь классов кончу и в суворовское училище пойду! Или астрономом буду. Еще не знаю...

— А почему именно десантником?

— Как папа. Папа в армии воздушным десантником служил.

Все-таки — «как папа...»

— А разве не хотел бы жить, работать в совхозе? Ведь ты любишь свое село?

— Люблю, конечно! — удивлению его нет предела. — Но все равно — в суворовское училище... Или астрономом. Или десантником. Воздушным...

Впрочем, папа в его возрасте мечтал о другом — стать инженером-конструктором. Недаром лет в семнадцать смастерили они с другом аэросани и «летали» на них по снежным морям птицами. «Ни с чем не сравнимое чувство!» — и сейчас вспоминает Александр Иванович. А после армии поступил в сельскохозяйственный институт на факультет механизации сельского хозяйства. Закончив вуз, имел возможность остаться в городе, даже в институте. Но... вернулся домой.

Социологи, занимающиеся особенностями жизни современного села, наблюдают хоть и мало заметное, но начало обратной миграции. Возвращаются в село прежде всего люди, способные осознать свою необходимость дома, способные понять, что осуществить себя и как граждане и как специалисты они могут там, где наиболее необходимы их знания, их умения. Чаще всего это люди с высшим образованием.

Александр Иванович Назимкин — типичный представитель «первых ласточек» обратной миграции.

Он не мог не вернуться, потому что его так воспитали. Его с детства готовили к жизни, труду на селе. Готовили в семье, в школе, всей атмосферой жизни совхоза.

Судьба человека начинается, складывается в пору детства.

Отец у Саши Назимкина умер рано. Двое сыновей остались и дочка. Мать, Варвара Георгиевна, учительница начальных классов, понимала, что важнее для мальчишек: лишняя рубашонка, лишняя пара обуви или «Конструктор», например. У сыновей было все необходимое для выпиливания, выжигания, конструирования — все то, что развивает фантазию, заражает творчеством, что дает возможность почувствовать, пережить радость созидания.

Бережно хранит Варвара Георгиевна вместе с похвальными грамотами Саши и вырезки из районной газеты о его первых работах, с которыми он участвовал на школьных выставках, о его успехах как первого бригадира первой ученической бригады. С волнением и гордостью показывает она детские работы сыновей, которые они мастерили когда-то в подарок маме или бабушке: резную иглолчицу, рамки для фотографии...

Доброте, трудолюбию, неиссякаемому оптимизму учились дети и у бабушки, Анастасии Лазаревны. А уж о влиянии дедушки, Егора Екимовича, краснодеревщика, мастера на все руки, долгие годы проработавшего в школе учителем труда, и говорить не приходится.

Живя в атмосфере семьи, где каждый чем-то интересен, чем-то, как сказала бы бабушка Анастасия Лазаревна, «не прост», без понуканий, легко брались и ребятишки за любое дело.

И, конечно, была еще школа. Слава черемисской школы зарождалась именно в те годы, когда Саша Назимкин ходил в начальные классы.

Даже мимолетная встреча с чем-то необычным, сильно потрясшим воображение, оставившим глубокий след в душе, случается, меняет судьбу подростка. А уж встреча с людьми, страстно увлеченными своим делом, никогда не проходит бесследно для того, кто вступает в жизнь.

Для многих и многих поколений черемисских школьников счастливейшим обстоятельством явился приезд в село Валентины Максимовны и Николая Александровича Бесовых. А точнее сказать, — возвращение на родину Николая Александровича с молодой женой, учительницей русского языка и литературы. Это было в середине пятидесятых годов, а в шестидесятом Валентину Максимовну назначили директором школы. Николай Александрович, истинный педагог не по образованию, а по призванию, милостью, как говорится, божьей, тоже оформился работать в школе. Официально —

инструктором по автоделу, а неофициально — мастером на все руки. Именно в те годы загорелся коллектив педагогов мечтой: пусть их школа станет настоящей школой жизни, школой, из которой бы выходили не просто молодые люди, усвоившие школьную программу, а настоящие граждане, готовые сознательно остаться и работать в родном селе. Призывами, кампаниями — «Всем классом — на трактора!» или «Всем классом — на фермы!» — ничего не решить. Тут нужна хорошо продуманная система работы, рассчитанная не на годы даже — на десятилетия. Система воспитания чувств, прежде всего, любви к родному краю — это во-первых. А во-вторых, надо было начинать практически готовить школьников к работе в сельском производстве, то есть учить их профессиям, необходимым селу.

Валентина Максимовна уповала, надеялась на помощь и силу искусства, литературы, поэзии. Николай Александрович, прошедший хорошую школу, работая до этого техником в авиации, — на свой жизненный опыт и универсальные технические знания, до которых у ребят всегда есть охота.

Но мечта мечтой, а как дошло до дела, до первого, то есть, похода по родному краю, тут и оказалось — идти с ребятами некому: у одной учительницы маленький ребенок, у другой — дома заботы. И тогда в первый краеведческий поход повел ребят Николай Александрович. Почти весь район вдоль реки Реж прошел тогда отряд черемисских следопытов. Материал, собранный ими — исторический, геологический, фольклорный, этнографический, — и лег в основу будущего школьного музея.

Теперь в музее насчитывается свыше 10 000 экспонатов. Совхоз выстроил специально для него целый дом.

Богатейшая, уникальная библиотека из книг советских писателей, каждая из которых — с дарственной надписью автора, составляет гордость и украшение деревенского музея.

Вот одна из последних книг, подаренных музеем и клубу «Лира», «Вечные березы» литовского писателя Альбертаса Лауринчюкаса, который приезжал к ним в гости, а потом написал о них в своей книге:

«...В Лондоне, из дворца, где находятся коллекции Британского музея, я вышел пораженный множеством редчайших, доставленных сюда из всех уголков мира ценностей. В музее «Золота» в Боготе восхищался искусством древних инкских мастеров. Посещение музея Джека Лондона в Калифорнии помогло мне понять, почему герои его книг так могучи. Из черемисской сельской школы я вышел восхищенный любовью ребят к книге...»

В течение двадцати пяти лет руководит клубом «Лира» директор школы, заслуженная

учительница школы РСФСР Валентина Максимовна Бесова.

В течение всех этих двадцати пяти лет каждый свой урок она начинает с чтения стихов. И если бы кто-нибудь вздумал упрекнуть ее в нарушении школьной программы, она, наверное, отстаивала бы свое право на свой метод так же страстно, как это делает героиня романа Даниила Гранина «Картина» Татьяна Леонтьевна Тучкова: «...математику, биологию они будут изучать в своих вузах, техникумах, на разных курсах — там о специальности позаботятся. Искусство же — наше дело. Поймите, то, что мы успеем дать им в школе, с тем они и останутся. На всю жизнь. Этому, кроме нас, никто не научит... Только если они сами. Но для этого надо в них вселить любовь. Успеть! Хотя бы интерес зажечь. В зрелости уже поздно. Это так важно!»

Да, это так важно...

Спрашиваю у Александра Ивановича Назимкина, помнит ли он урок Валентины Максимовны. А он мне в ответ:

...Ветер под окошками,
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...

Представьте класс так пятый, шестой. Звонок на урок. Достаете с неохотой ручку, тетрадь, линейку... Скучнейшее занятие — разбор по членам предложения да по частям речи. И вот входит в класс красивая нарядная учительница, и мы, как замороженные, слушаем:

...Ветер под окошками,
тихий, как мечтание...

Уроки Валентины Максимовны — прикосновение к поэзии. Уроки Николая Александровича — уроки мужания. Увлеченно, забыв о теперешнем своем положении директора, захлеб рассказывает Александр Иванович о том, как разбирали, раскурочивали они на уроках по автоделу старый мотоцикл или старую полторку, чтобы потрогать каждый винтик своими руками, а потом собирали новую машину и возили на ней, крепко сжимая баранку, из карьера строительный материал. Строили тогда школьный гараж. Уедут в лес, к карьере, работают там, сварят на костре обед. Строили и свои школьные мастерские, столовую, ремонтировали в мастерских старую, списанную совхозную технику. К девятому классу уже сидели уверенно хоть на трактор, хоть на автомашину.

— Мы очень рано чувствовали себя взрос-

лыми, самостоятельными, — вспоминает Александр Иванович. — Это потому, что нам доверяли настоящие взрослые дела...

То же могут сказать и теперешние ученики школы, ведь только за последние два года они заработали в совхозе 11673 рубля. Работают летом доярками, пастухами, заготавливают сено и травяную муку для ферм, выращивают на пришкольном участке овощи для своей столовой, ремонтируют школу.

Спустя десятилетия кропотливейшей и последовательнейшей работы проявился результат: из шестисот с небольшим рабочих совхоза около пятисот человек — выпускники школы. Эта цифра о многом говорит.

Так мог ли выпускник черемисской школы, и сын своих родителей, и внук своих дедов Назимкин Александр Иванович не вернуться в родное село и не возглавить работу хозяйства, когда это стало необходимо?

...И пусть сын его Максимка мечтает о звездах да парашютах — пусть мечтает.

А пока он, перешагнув через класс-ступеньку, учится в той же школе, у тех же учителей; детски-хрупкими, но ловкими руками крепко сжимает черенок лопаты, одинаково усердно работая и на своем огороде, и на пришкольном участке, и на совхозном поле.

А пока он с нетерпением и жаждой мастерит авиапланер и мечтает собрать маленький трактор, чтобы можно было хоть пахать на нем, хоть косить...

А пока он, припадая к жесткой гриве лошади, мчится по родным лесным просторам, бесстрашно и привычно подставляя выгоревшую льянную голову грозовым летним ливням...

И может быть, именно в эти мгновения зреет в его душе незримо то чувство, которое мы называем чувством Родины.

...Если кто-нибудь из вас, товарищи работники ГАИ, увидит на летней проселочной дороге или близ села Черемисского светлую, далеко не новую «Ниву», за рулем которой сидит сосредоточенно и строго голубоглазый мальчишка — не торопитесь бить тревогу, останавливать машину. Это — Максимка, сын директора. Ему можно доверять. Он многое умеет. Он едет по делу...

ДВЕ ЖИЗНИ СОЛДАТА ГРИГОРОВА

Владимир
ОЛЕШКО

Утром тот день выдалось ясное и не по-осеннему солнечное. Это он точно помнит. Он проснулся от спящих даже сквозь прикрытые веки солнечных лучей. Открыл глаза, зажмурился и долго не мог понять: что сон, что явь? В ночном ли пасет с гарнизонными мальчишками лошадей да нечаянно прикимарил под утро у костра? Или из окопа, словно из колодца, глянул на высокое небо в облаках и по фронтовой привычке тут же зашарил руками — на месте ли автомат?.. Потом, окончательно проснувшись, помнит, лежал он и размышлял. Высокое небо, как и огонь, если смотреть на них долго, наводят мысли о вечном — о жизни, о смерти...

Шел ему только семнадцатый год. Но и о смерти имел он тогда право рассуждать как о реальности: как-никак за плечами был почти год войны на передовой. Всякое повидал. Хотя, как любому мальчишке, ему, наверное, верилось в бессмертие...

В сводках Информбюро о том сентябрьском дне 1942 года будет сказано, что на их фронте, под Сталинградом, прошли бои местного значения. Так оно и было. 168-й стрелковый полк должен был во что бы то ни стало отбить у фашистов высоту «Черный курган». Задача локальная. Но выполнение таких задач позволило потом нашему командованию стратегически подготовить знаменитый сталинградский «котел». Сражения проигрывают солдаты, а выигрывают генералы. Все верно... День за днем атаковали бойцы высоту, не особенно задумываясь над тем, что она там такое значит с точки зрения большой стратегии. Зато каждый солдат знал: все их позиции видны с нее, как на ладони, и ожесточенно простреливаются немцами. День за днем шла уже вторая неделя яростного наступления на неприступную пока высоту.

Перед атакой в отделение, которым командовал Жора Григоров, пришел начальник штаба:

— Ваш взвод идет первым. Будь внимателен, командир. Не вырывайтесь вперед. Я пойду в отделение справа. Если что — прикроем...

От взрывов вздыбилась земля. Георгий действовал словно автоматически. Бежать не прямо, а змейкой. Не вырываться вперед. За ориентир взять бруствер окопа противника. Откуда-то слева ударил пулемет. В ту же минуту туда полетела граната — пулемет замолк. Георгий обернулся, взгляд скользнул вправо, и внутри что-то оборвалось: невдалеке, неудобно вывернув руку, с неестественно откинутой назад головой лежал начальник штаба полка. Жора оказался там в несколько прыжков:

— Отец!..

На мгновение прикинул к груди отца, увидев подбегающих санитаров, резко повернулся и кинулся догонять атакующую цепь.

Высоту «Черный курган» полк взял спустя две недели. Эти дни слились в сплошную цепь, повторяя в точности друг друга. В этих атаках пали смертью храбрых замполит, начальник штаба, более половины личного состава 168-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской дивизии. В этих атаках командир отделения роты автоматчиков Жора Григоров потерял самого близкого для него на свете человека — отца...

В свои пятнадцать лет Жора немало поездил по стране. Украина, Средняя Азия, Поволжье... А как иначе, если отец, Василий Семенович, — кадровый военный еще со времен гражданской войны. Июнь сорок первого года застал их в северном гарнизоне, в Прилуках. У мальчишек как-то сразу прекратились игры в войну: им, сыновьям военных, известно было, что «всамделишная» война — совсем другое дело. Они теперь больше крутились у мест чистки боевого оружия, издали следили за учебными атаками на тактическом поле; за счастье считали промчатся на строевом коне — веря, что исход этой войны решит именно кавалерия, и мысленно видя себя в строю конницы, атакующей врага уже на его территории... У Жоры была еще одна причина сразу повзрослеть. Отец, всегда говоривший с ним начистоту и на равных, сказал: «Бомбили Харьков, от оставшейся там матери

известий никаких. Где она — пока не установить...»

В августе отец был откомандирован в соседний город, там находилась на переформировании дивизия, только что вышедшая из окружения. Отца назначили начштабом полка.

— Видишь, как стало... Кончилось твое детство. Устраивайся на завод, — сказал на прощанье Василий Семенович. — Рабочий люд обновительный — в обиду не дадут.

Только иначе дело повернулось. Узнал Жора, что товарищи отца по гарнизону собрались к нему съездить. Славного прилуцкого самосаду обещали привезти, кто в боях был, хотели порасспрашивать. Втинулся в легковушку и Жора.

Разговор между сыном и отцом был жесткий.

— Ты знаешь, что я не на гулянку готовлюсь! — Таким рассерженным Жора отца еще никогда не видел. — Взять сюда не могу. Там — наши знакомые, твои друзья, будешь ждать известий от матери. Все... Последнее мое слово.

— Тогда и я скажу последнее свое слово: или я буду с тобой, или завтра же пойду пробираться на фронт один... — Не удержался от тайного признания: — У меня уже и граната есть...

Им всегда говорили, что внешне Жора больше похож на мать. Но вот эти сдвинутые брови, решительность во взгляде, чуть прикушенная нижняя губа, сбившийся чуб сделали вдруг удивительно схожими отца и сына. Василий Семенович даже на какое-то мгновение забыл, о чем они говорят: напротив, словно с давней фотокарточки, глядел он сам, снявшийся в свои неполные семнадцать лет в далеком городишке, где громили белобандитов...

Перечил сын воле отца впервые, впервые в жизни изменил свое решение и отец.

..Кем Жора был в полку? Вначале просто пятнадцатилетним мальчишкой: поднести, отнести, погрузить. А когда одна рота получила взамен винтовок новенькие ППШ, бывшие тогда в новинку и для многих командиров, то нашлось дело и по-серьезней. Он ведь эти автоматы еще в гарнизоне изучил «от» и «до».

Стоит раз, объясняет устройство и принцип действия автомата, а сам, словно играючи, контрольные нормативы по его разборке и сборке выполняет. А тут командир роты Толя Токарев, всего-то года на три постарше:

— А стрелять из автомата умеешь?

— Приходилось.

— Вот что, я сейчас договорюсь, будешь пока за «комода» у меня. Мне спецы по автомату — во как нужны!..

...Сейчас иногда на встречах с молодежью Григорова спрашивают: «Выходит, было делом случая — что стал командиром отделения?» Как ответить? Может, и так, но ведь, с другой стороны, к этой своей первой командирской должности он подготовлен был. Отец строг-строг, но когда Жора показал ему новенький, только что полученный значок «Ворошиловского стрелка», сам в гарнизоне дал в руки автомат — «изучай», стал брать иногда на стрельбище — «пригодится».

В Осоавиахиме он воспитывал в себе смелость и мужество, занимаясь планерным спортом. В тридцать восьмом в Харькове получил удостоверение помощника машиниста паровоза на детской железной дороге, занимался в автомобильном кружке... Все эти знания пригодились потом, когда на фронтовых дорогах всегда мог заменить уставшего шофера, быстро восстановить захваченную трофейную технику. Занятия боксом, гириями, лыжным спортом сделали сильным и выносливым. Может, потому и стал командиром, что выглядел внешне вовсе не пятнадцатилетним сыном полка, а, по крайней мере, «солдатом первого года доверенной срочной службы» — так говорил отец, скуповатый на похвалу.

Дивизия в ноябре заняла линию обороны на Калининском фронте. Все было буднично. Он думал, что линия фронта — это стена огня, где, устав от беспрестанных атак, бойцы в короткие минуты передышки засыпают тут же, в окопе, не обращая внимания на рвущиеся снаряды... Так в кино было.

А тут — подошли ночью, сменили стоявшее в обороне подразделение и... досыпало отделение ночь в блиндаже, как ни в чем не бывало. Лишь вспыхивавшие время от времени ракеты напоминали в ту первую фронтовую ночь, что они на передовой.

Куда страшнее тремя днями раньше была бомбежка в эшелоне. Зловещий вой самолетов, близкие разрывы бомб, а их роту из вагонов не выпускают... Верное решение командир принял: видел, что фашисты уже отбомбились. А мно-

гих солдат, что по неопытности и от страха из вагонов повыскакивали и разбегаться начали, настигли пулеметные очереди самолетов, «утюживших» на бреющем полете местность. Лишь в их роте не было потерь. Жора впервые увидел смерть и отчетливо понял простую истину: ему, командиру отделения, не просто должность — жизни человеческие доверены.

Утром взводу поставили задачу: отбить ближнюю высоту, где расположен был немецкий дот. И тоже каким-то будничным вышел этот первый бой. К доту подойти сложно — местность открытая; так их командир танк попросил. Отделение Григорова расположилось на нем десантом, на высокой скорости подкатило к вышке и — пока немцы вчухались — прямо с машины забросали гранатами все три амбразуры, закрыли мешками с песком. Остальное нетрудным делом оказалось: десять фашистов было убито, семь в плен взято.

Георгий восторженно пересказал бой в роте.

— А ты постой, паря, не ершишь, — остановил его пятидесятилетний солдат Иван Сидорович Григорьев. — Лучше лишний раз через плечо плюнуть... Считаю, что повезло.

А потом война превратилась в работу. Непомерно тяжелую, жестокую, но работу, с ее чередой будней. Три безуспешные попытки форсирования поздней осенью реки, когда трое суток обмундирование сушилось только от тепла тела. Оборона безвестного села, когда солдаты, отрезанные от тыловых подразделений, истратив все боеприпасы, готовились к последнему рукопашному бою. Гибель близких товарищей в боях местного значения, не зафиксированных в военных энциклопедиях. Километры фронтовых дорог в распутицу... Трудно даже и вспомнить — где это, когда точно было. Отчаянная смелость проявлялась лишь в безвыходных ситуациях. Выжить старался каждый — чтобы войну выдержать, победить в ней...

Июнь 1942 года. 24-ю дивизию перебросили под Сталинград. В октябре командование дивизии, несмотря на яростное наступление фашистов, готовилось, согласно приказу, к прорыву. А за день до этой операции Григорова вызвали в блиндаж комдива.

От стола с расстеленной картой отошел военный с воспаленными от бессонницы глазами:

— Так вот ты какой, «Жорка-пацан»!

Георгий глянул на кубари в петлицах и растерялся: сам командарм 65-й Батов...

— Вот что, командир, через два дня отправляешься в военное училище. И без разговоров. — Поняв все по глазам юного солдата, Павел Иванович Батов положил руку на плечо Жоре, добавил тихо: — За отца успеешь еще отомстить? Война, брат, не сегодня кончается...

Артиллерийское училище в далеком тыловом городе. Ускоренный выпуск, когда занятия все три месяца прерываются лишь для того, чтобы поесть и поспать. Фронту очень нужны младшие офицеры, но неподготовленности война не прощает.

Потом Григоров, командир учебного взвода, сделал три выпуска командиров минометных и артиллерийских расчетов в полковой школе. На его заявления отправить на фронт вместе с воспитанниками командир накладывал одну и ту же резолюцию: «Твой фронт здесь». Тогда Жора, по совету опытных людей, отправился прямо к комбригу формирующейся из их учеников 2-й отдельной истребительной противотанковой бригады Тарасову. Тот посмотрел документы и задал только один вопрос:

— Почему медали боевые не носите?

Григоров взглянул искоса, пробурчал:

— Каждому объяснять — почему я здесь, такой хороший, а не на фронте...

Писарь потом рассказывал, как Тарасов решил судьбу Григорова в разговоре с начальником школы двумя фразами:

— Вы согласны, что мне нужнее боевые кадры? А что молод — так быстрее до генерала дослужится...

С мая 1943 года он со своим огненным взводом 57-миллиметровых противотанковых орудий участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии. О Корсунь-Шевченковской операции много написано — как свыше десяти фашистских дивизий разгромили; а ему памятно, как почти шестьдесят километров в прорыв шли до самого города Шпола; одно орудие стреляет налево, другое — направо, в пятистах-восьмистах метрах немцы... Выдержали.

Пам'ятен и тот последний бой под Яссами. Замок еще старинный на берегу Прута стоял. Жора все по-мальчишески восторженно удивлялся: вот ведь строили — как в сказке, замок весь какой-то игрушечный...

4 июня 1944 года фашисты перешли в контрнаступление, стремясь отбросить советские войска за Прут. Счет атакам уже был потерян, из взвода их осталось пятеро... И последнее, что помнит Григоров о войне, — как выстрелили прямой наводкой по танку. Тут же, секундой спустя, рядом разорвался вра-

жеский снаряд. И для него наступила ночь: темная, душная, безмолвная...

Атаку ту, видно, отбили, раз откопала его пехота.

В медсанбате трое суток Георгий был в бреду.

«...Они подошли. Кто? Лежит, засыпанный землей. Начинает шевелиться могильный холмик. Это не я. Почему же и мне темно? Они сели на холмик — тяжело дышать. Руку жжет уголек. Зачем держу? — прикурить. Дед: «А руки нежные, не в мозолях — так и жениться рано. Прикуривай...» «А ты забудь, что ты командирский сын», — это отец. Почему он в черном? Я бегу по цветущему лугу... Озеро. Прохладно стало. Как трудно дышать — я глубоко нырнул, вода давит на виски. «Ты, молодец, парень знающий, да и снисходительный не принимаешь — мы ведь тебя сначала как командира не приняли всерьез...» Володя Родионов? Где отделение? Быстрее заряжайте!.. Надо спешить... Огонь... Огонь!»

Если бы о Григорове снимали фильм, то в одном месте, после цветущего луга, надо было смонтировать без перехода крошечную темноту и безмолвие...

В прифронтовом госпитале в полусне, в полубреду лежал человек, полностью лишенный зрения, слуха, речи, с переломанными руками, с многочисленными ранениями, с багровой маской вместо лица. Требовались сложные операции, а раненый был, как врачи говорят, нетранспортабельный — очень тяжелый раненый был... Ожидали самого худшего, но организм выдержал.

Затем был госпиталь в Москве. Он не говорил, не видел, слышал едва. Чтобы хоть как-то общался с ним, сосед по палате безногий штурман начал обучать Георгия азбуке Морзе. «Точка-тире-тире-точка... Держись, браток! Подлечат нас, и еще на свадьбе друг у друга отгуляем...» Через много-много лет безногий штурман напишет ему в письме: «Женил сына. Начал тягаться с молодыми — кто кого перепляшет, да уступил... Что и говорить: годы уже не те!»

После операций Георгий по месяцу и более лежал в гипсе. Григоров — человек военный: раз надо лежать — буду лежать. Но, превозмогая боль, учился поворачивать голову, сгибать пальцы, ногами шевелить. Лишь однажды он мысленно проклинал свое состояние — в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. «Стреляют...» — отстучал сосед. Георгий весь напрягся. Пугая знаки от радости, штурман продолжал отстукивать: «Победа... Победа... Победа...»

Дальше были госпитали Ир-

кутска, Казани — для тех, кто никогда не выздоровеет. Фашизм был побежден, но с недугом у Григорова настоящая война только начиналась. Сделали еще восемь операций. Часами, сутками, месяцами боролся он за жизнь, — несмотря ни на что, ни на секунду не сомневаясь, что это его состояние — временное. Верил в это, ждал.

«Тикают... Как оглушительно тикают ходики», — подумал он в тот день, когда словно вынырнул с глубины озера наверх. Окончательно вернулся слух. И он впервые спокойно заснул.

Постепенно возвращалось и зрение. Первую послевоенную весну он увидел в окно. Так захотелось пробежать босиком по траве, наломать букет черемухи, умыть лицо в речной воде... Ему сделали еще две операции, прежде чем разрешили садиться. А потом он начал учиться ходить. Как младенцы учатся — сначала стоять, держась за кровать, потом по стеночке, а потом и по шажкам. Раз-два-три — и отдохнуть... Слабость страшная, в глазах темно, голова закидывается, весь мокрый, и боль, боль в каждой косточке...

Лечащий врач, профессор Михаил Иванович Утробин, сам стал выводить его каждый день во двор — то кирпич заставит поднять с земли, то полено передвинуть. Еще подначивал:

— Что, командир, слабо?

— Знал, чем поддеть...

— Трудно, больно? — не унижался Утробин. — А ты считай, что ты счастливчик: с руками, ногами. Все от тебя зависит теперь.

Ходить более-менее уверенно начал, окреп немного, — понадобились новые операции.

— Если не хочешь быть инвалидом, — говорили врачи, — еще нужно сделать одну, последнюю...

Сколько их было, этих «последних»... Устал боль подавлять. Но и инвалидом в двадцать лет быть не хотелось — давал согласие. Все чаще, пуще более донимали мысли: «Как же дальше-то жить? Специальности никакой, даже школу не закончил...» Попросил принести школьные учебники. Занимался, читал запоем.

В потайном месте госпитального двора устроил своеобразный спортгородок: турник — кусок трубы меж деревьев, камни вместо гантелей...

В 1946 году, когда Георгий поступил на дневное отделение Казанского финансово-экономического института, операции продолжались. Между операциями ходил на лекции. Некоторые зачеты и экзамены сдавал преподавателям прямо на госпитальной койке.

Спустя три года принял участие во всех видах легкоатлетических соревнований на первенство института. Врачи устроили скандал. А он:

— Повязки — ерунда. Давайте я вам фору на стометровку две секунды дам? А хотите, салты назад сделаю?! Не верите?

От салты удержали. Но в соревнованиях выступать разрешили. В пятидесятом году он бежал за институт стометровку — 11,2, второе место по Казани! Потом еще и тренером-общественником по конькам стал. Женился!

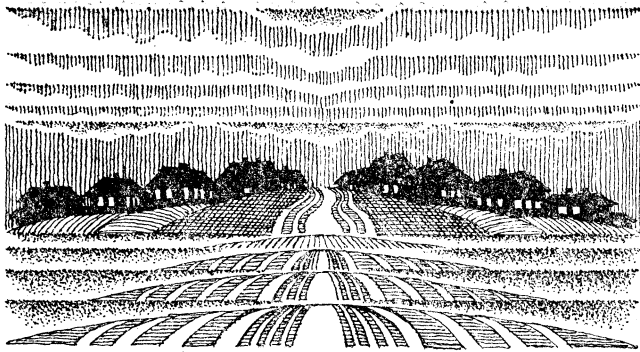
В том же году, окончив институт, получил с женой направление в Свердловск. Здесь сделали Георгию Григорову сорок седьмую по счету операцию — коррекцию лица. Свердловск стал ему родным городом. Здесь родились дети. Здесь нашел себя в работе: вначале в областном контрольно-ревизорском управлении трудился, затем — в управлении торговли УралВО. С 1978 года Георгий Васильевич Григоров — заместитель начальника областного управления Госстраха. Помогает людям справиться с внезапно свалившейся бедой.

Такая вот непростая судьба. Пытаешься жизнь этого человека разом охватить — и невозможно. Не укладывается она в рамки обычных представлений о судьбе человека. Тем более что понимаешь: все во много раз сложнее, драматичнее, горше было... Возможности нравственной силы человека, воли его воистину беспредельны.

Это к нему, простому солдату Великой Отечественной войны, обращается в письмах «с глубоким уважением и признательностью» генерал армии, дважды Герой Советского Союза, председатель Советского комитета ветеранов войны П. И. Батов. А разве один Григоров был солдатом? Сколько их проявило героизм, стойкость и силу духа — известных и неизвестных пока... Эта сила каждого в отдельности давала силу всем нам вместе.

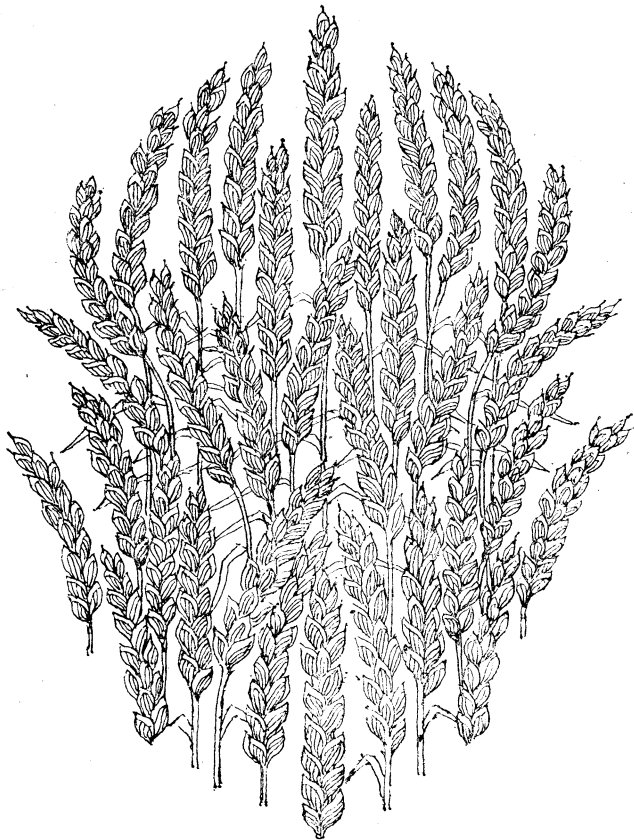
Как-то Григоров получил повестку явиться в военкомат. Через тридцать девять лет нашел его орден Славы III степени. За тот, последний бой... Тогда, тридцать девять лет назад, в полковых списках значилось: «Пал смертью храбрых...»

Обманул судьбу солдат. Отвоевал себе вторую жизнь,

И ВСЕ СЕЛО ОТОЗВАЛОСЬ...

Николай
МЕРЕЖНИКОВ

Последний вечер страды

Уступами врезаюсь в спелый хлеб,
Друг другу вслед подвинулись машины,
Как будто тень
от цепи журавлиной,
Комбайновая шла
По ниве цепь.

А на пригорке
Сгрудилось село
И во все окна в поле загляделось.
Оно так жарко
фарами цвело,
Как будто от подсолнухов светлело.

Все ближе, ближе подавался цуг.
Машины шли и дружно, и согласно.
И вот —

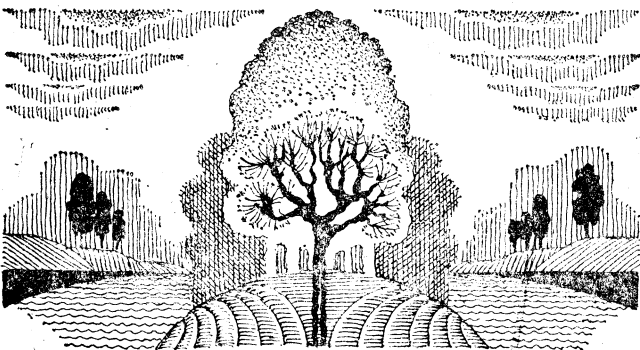
слились огни
в один,

И вдруг погасли,
И звезды неба
Проступили вдруг.

Вот пять или шесть, горячих звезд-
горошин
Взблеснули над щетиною бугра.
И кто-то вверх взлетел меж них,
подброшен

Пружинисто-раскачиваемым
«Ура-а!».

И все село
Отозвалось на крик,
Как будто в ряд
с комбайнерами встали.
И, тоже вверх взлетев
На краткий миг,
Окинуть поле взглядом
успевали.

Пелагея

Пелагея... Палага... Палашка...
Остроскулая, с блескостью глаз.
Шла ли с поля тропкою всегдашней,
Шла ли из лесу —
Голос не гас.

Сдвинет брови,
Сведет к переносью,
Тяжко голову склонит на грудь...
И поет,
Словно плачет!
Авось ей
Легче станет хоть сколько-нибудь.

Вой не вой, плач не плач —
и казалось:
Уж такая пристигла беда,
Словно с телом душа расставалась,
Покидала его навсегда.

Сколько раз ее бабы просили:
— Ты, такая-то, чай, не одна.
Мы вот тоже бы все голосили,
Да ведь как-то крепимся —
война!

И она день-другой не поет.
Молча полет с утра или косит,
А потом ее словно прорвет —
Хлынет песня
в сплошном проголосье.

Снова бабы с собой не в ладу
И, таясь, сторожат почтальонку.
— Чует, видно, Палага беду...
— Жди, выходит, опять похоронку...

Что ей сделать?
Куда-то уехать?
Кануть каплей незнамой
в народ?
Но всеобщего бедствия эхо
Все равно ее всюду
Найдет.

И Палага опять уходила
В лес — поглубже,
Подальше — в поля.
Уходила и там голосила,
Чтобы только она —
и земля.

Первый поезд

О, как рельсы горят,
зажжены
Посреди снеговой огромности!
Дух захватывает от белизны,
От пушистости
И невесомости.

Как ажурна
И как тонка
Ветка —
светится, тает-стынет.
Останавливается рука —
Не задеть,
Не страшнуть бы иной.

Но проносится рядом гром —
Ветка вскинется облегченно
И расстанется
С серебром,
С сереброиньевым
капюшоном.
Словно искрами от костра,
Понесет на унты
И лица.
Как доверчив еще этот край!
Ничего еще не боится.

Когда бы сам я...

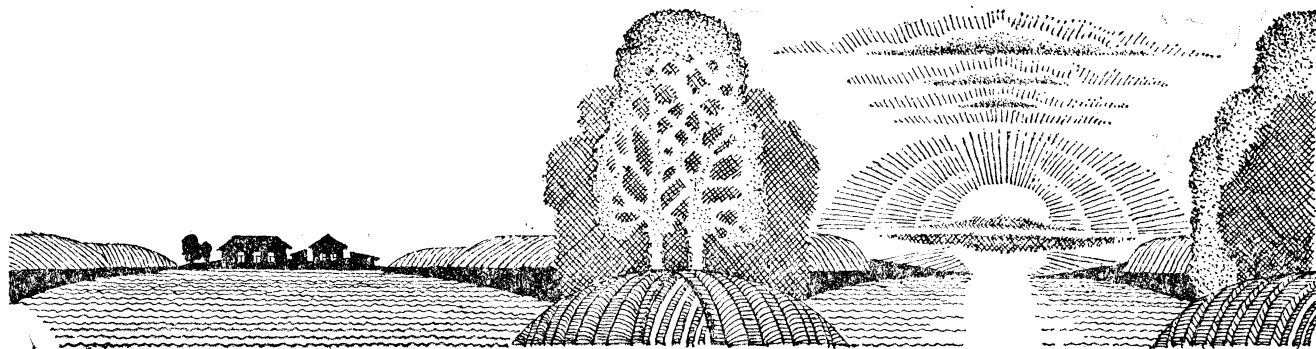
Когда бы сам я,
Так же как и ты,
Был полем от зари до темноты,
Был полем, молча ждущим
Тучу в гости,
Огромным полем,
Жажущим дождя,
Чтоб наливалась зернь
Моих колосьев,
Упружились
Встопорщенные ости;
Будь полем я, как ты,
Будь полем я,
Что втянуто
В игру стихий:
И ветра,
И рос обильных,

И жары, и света;
Будь полем я —
И быть бы мне в ответе
За зернышко —
Планету на планете,
За урожая полную сохранность,
За каравая пышную духмяность;
Будь полем я,
Таким же, как и ты,
Я б тоже бросил
Майку на кусты
И выбежал
Под реденький «дожджок»,
Чтоб он со мною
Подружиться мог,
Возликовать,
Что есть-де в мире все ж
Кого мочить,
И превратился б в дождь!
Дуй пуще, дождь!
Встань гуще, рожь!
Раскинись, поле,
Сутью бытия...
Когда б, как ты,
Быть полем мог
И я...

Солнце сентября

Это солнце сентября,
Неназойливое вроде.
Ходит,
Воды серебра,
Серебря деревья,
Ходит.
Все хлопочет,
Все хлопочет,
Все не хочет уходить.
Видно, любит,
Любит очень,
Любит воду
Серебрить.

Рисунки
В. Меринова

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

● Валериановская средняя школа под Качканаром славится своим краеведческим музеем. Здесь есть разделы природы, далекого прошлого поселка, раздел «Наши земляки на дорогах войны». Послевоенное время представлено материалами о строительстве и развитии Качканарского горно-обогатительного комбината.

● Музей милиции открылся в школе № 46 города Бузулука. Многие ученики этой школы участвуют в отрядах «Юный инспектор движения», «Юный друг милиции». Большую помощь в создании музея оказали школьникам сотрудники городского отдела внутренних дел.

● Ребята из краеведческого кружка «Поиск» школы № 1 города Миньяра Челябинской области по заданию народного музея собирают сведения о воспитанниках детского дома, который существовал в городе двадцать лет — с 1933 по 1953 год. В 1941 году в детский дом привезли 90 детей-сирот из Курской области. Следопыты просят откликнуться тех, кто воспитывался в войну и послевоенные годы в детском доме города Миньяра.

● «Непобедимый Гангут» — так называется музей свердловской школы № 51. Следопыты посвятили его доблестным советским морякам. В школе также собран богатый материал о юнгах Северного флота.

● Двадцать два года литературно - краеведческому кружку при свердловском областном Доме работников просвещения. Участников его объединил интерес к истории Урала. Здесь созданы альманахи «Урал и декабристы», собраны целая рукописная библиотека из

рефератов членов кружка, коллекция уральских загадок.

● Интересный документ хранится в музее средней школы № 6 Красноуральска. Он выдан первому пионервожатому города Капитону Ивановичу Махневу. В нем говорится, что группа школьников — 23 человека — едет на экскурсию в Москву и Ленинград. Надпись на обратной стороне: «талоны на хлеб — 225 штук, талоны на сахар — 7 штук...» Документ относится к тридцатым годам.

● В селе Кетово Курганской области в память о погибших в Отечественную войну посажены молоденькие липы. В этих местах растут только сосны и березы, а кетовцы посадили липы... Местные следопыты положили начало липовой аллее в 92 дерева — по числу имен, увековеченных на памятнике.

● В челябинской школе № 69 есть музей 87-й Перекопской дивизии. Ребята ведут активную переписку с ветеранами, собирают материалы о боевом пути дивизии.

● Первый звонок в 118-й челябинской школе не просто открывает новый учебный год — он звучит как салют разведчику Герою Советского Союза Н. И. Кузнецову. Учащиеся школы прошли весь боевой путь героя-разведчика. Заработав в трудовом лагере необходимые средства, школьники поставили памятник легендарному уральцу.

● Маршальский китель

Маршальский китель с дубликатом Звезды Героя Советского Союза — вот это экспонат! А он действительно есть — в музее свердловской школы № 24. Хозяин кителя, подаривший его в школьный музей, — давний ее выпускник, Герой Советского Союза, Маршал авиации Александр Петрович Силантьев.

Школа в поселке Шарташ очень старая. Здесь, в поселке, по улице Норильской, 15 и жил в детстве Саша Силантьев. Здесь рыбачил, купался, загорал. Школу Саша окончил в 1928 году. После учился в Свердловском аэроклубе, потом в Пермском летном училище. В Сталинградском авиационном училище был аттестован в истребительную авиацию.

На второй день войны младший лейтенант Силантьев уже воевал с фашистами. Он совершил 359 боевых вылетов, лично сбил восемь вражеских самолетов и десять — в групповых схватках.

Впервые маршал пришел на встречу со школьниками в 1979 году, привел с собой старенькую мать. Он написал тогда в книге почетных гостей:

«Дорогие мои земляки, выпускники школы 1978/79 учебного года! Желаю вам успешного завершения первого этапа и счастливого самостоятельного жизненного пути, а также доброго здоровья.

Выпускник школы № 24 1927/28 учебного года Маршал авиации А. Силантьев».

В следующий раз Александр Петрович приехал в родную школу 22 декабря 1983 года. Вот тогда-то он и подарил свой маршалский китель, летный костюм и другие вещи.

По совету маршала школьные следопыты начали поиск — они установили фамилии всех жителей поселка, не вернувшихся с фронта. Их — 170, только в одном небольшом поселке Шарташ... Школьники под руководством своего военрука Антона Алексеевича Бондаренко, тоже бывшего фронтовика, не только провели поиск, но и поставили памятник погибшим землякам.

Антон Алексеевич Бондаренко проработал в школе двадцать два года, сначала — директором, затем — военным руководителем. И все эти годы он вел и возглавлял следопытскую работу. Итог ее — прекрасный музей, в котором добрая тысяча экспонатов. Одних только фотографий — 2500 штук, все они сделаны Антоном Алексеевичем.

На снимке: военрук А. А. Бондаренко и Маршал авиации Герой Советского Союза А. П. Силантьев в музее школы № 24.

Л. ГОЛУБЕВ

• Все — о Бажове

...Вот эта стеклянная керосиновая лампа стояла на рабочем столе Павла Петровича Бажова. Тогда, в середине тридцатых годов, он еще не был автором знаменитых уральских сказов. Приехал в наши края, чтобы написать о строителях целлюлозно-бумажного комбината. Там, в рабочем поселке бумстроя, стоявшего на месте современного Краснокамска, и жил писатель, поселившись в одном из бараков, бок о бок со своими будущими героями.

Как-то отсюда он выбрался по делам в Пермь. Управившись с делами, зашел к своему старому приятелю — заместителю директора индустриального техникума Александру Кузьмичу Шарду. «Как у вас тут светло, — вдруг сказал писатель, проходя по просторным коридорам техникума. — А мне в бараке приходится писать при свечах».

Невольная жалоба его имела неожиданный результат: в бараке появилось сразу несколько ламп... Уезжая потом в Свердловск, он их вернул, как всегда, не поспутившись на благодарность...

Теперь, через полвека, одна лампа попала в школьный мемориально-художественный музей имени П. П. Бажова. А позаботились об этом сверстники тех нечаянных знакомцев Бажова — следопыты-краеведы пермской школы № 14. Они собрали коллекцию вещей из обихода писателя, воспоминания о нем, редкие издания книг («Живинка в деле», Пермь, Огиз, 1944 год — и кончая самыми последними изданиями сказов), архивные фотографии, в том числе и юношеского, пермского, периода жизни Бажова.

Особый интерес представляют изделия народных мастеров-умельцев, которых прославил Бажов в знаменитой «Малахитовой шкатулке» и других сказах. Здесь каслинское и кусинское литье, цветное стекло из Киргизии, керамика Гжели, лаки Палеха и Федоскино, вслогодские кружева, резьба по камню из Красного Ясыла, сувениры пермских заводов...

Ю. НАДЕЖДИН

• Музей в пионерлагере

В живописном бору, на берегу реки Синары, что под городом Каменском-Уральском, расположен пионерский лагерь «Огонек», где отдыхает ежегодно более тысячи детей строителей треста «Уралалюминстрой».

Во многих ли пионерских лагерях есть музей? А в «Огоньке» есть. Он создан в 1970 году. В нем есть разделы минералогии, археологии. Собраны ребятами богатые коллекции и гербарии. Отдельно представлен быт, сельскохозяйственные орудия и орудия производства крестьян окрестных деревень — Окулово, Потаскуево, Кройчиково, Барабаново, а также рабочих Каменского завода прошлого века.

Оформлены стенды, посвященные истории создания и боевому пути полка «Красные Орлы», который принимал участие в освобождении города в 1919 году от белогвардейцев. Следопытами собраны материалы о селе Зырянка — родине одного из первых знаменосцев полка «Красные Орлы», бывшего Маршала Советского Союза Филиппа Ивановича Голикова. Есть уникальные фотографии каменных партизан 1921 года.

Ребята, отдыхающие в пионерлагере, составили и списки с описанием боевого пути и подвига всех погибших солдат из окрестных деревень.

По окончании работы лагеря лучшие поделки тоже сдаются в музей.

В. ОБУХОВА

• От Таякограда — Сталинграду

Школа № 1 имени Ф. Энгельса в Челябинске существует уже сорок семь лет. И каждый год, первого сентября, спешат к ней ученики. Потом они уходят, но всегда помнят ее. И школа помнит всех своих выпускников — особенно тех, кто ушел защищать Родину и не вернулся.

Их было восемьдесят. Выпуска сорокового — сорок первого года. Их фамилии высечены на плитах перед школой. Уже больше десяти лет отмечает первая школа День погибшего выпускника — день открытия монумента «Подвиг». 19 сентября собираются около него ученики и выпускники, учителя, родители и, конечно, матери погибших. С каждым годом их приходит все меньше, все больше морщин на их лицах, всё белее волосы... Они приходят к сыновьям, лежащим навечно далеко от уральской земли.

Борис Скрипка погиб под Сталинградом. Был обычный боевой вылет. Отбомбив, Борис уже повернул самолет обратно, как вдруг на горизонте показались два «мессера». Вступив в неравный бой, Скрипка сбил один «мессер», но был подожжен другим. И тогда летчик направил горящую машину на вражеский аэродром...

...Ученики первой школы трудились на полях, работали под солнцем и дождем, в жару и холод. Зарабо-

танные деньги они решили сдать в Фонд мира и сделать это в великом городе на Волге. Вручая их в волгоградском отделении Фонда мира, посланцы с Урала сказали: «От Танкограда — Сталинграду». Так снова оказались связанными эти города — Танкоград и Сталинград, Челябинск и Волгоград, как в те далекие сороковые годы. На Мамаёвом кургане ребята торжественно вручили дирекции мемориала горсть родной земли — земли, где родился и жил один из героев Сталинградской битвы.

В. КОКУРИН

• Горит факел памяти

Клуб интернациональной дружбы в свердловской музыкальной школе-интернате № 1 называется «Факел», а каждого его участника называют «факеленком».

Ребята ведут большую переписку по поиску героев, погибших во время Отечественной войны.

...Пришла весточка из Белоруссии, где проживает сестра юного партизана Марата Казея — Ариадна Ивановна Казей. А вот письмо от Молдавии. В Кишиневе работает врач-хирург Б. И. Гендлер, двоюродный брат расстрелянного фашистами пионера-героя Муси Пинкензона. У юного патриота было одно оружие — скрипка. Когда очередную партию обреченных, среди которых был и Муся, фашисты повели на расстрел, мальчик заиграл «Интернационал»...

В клубе рождаются альбомы, рисунки, раскладные планшеты, рассказывающие об интернационалистах всех стран: о летописце Октября Джоне Риде, солдате революции Бела Куне, бесстрашном Эрнсте Тельмане, о Сухэ Баторе, Пальмиро Тольятти, Морисе Торезе...

КИД носит имя Фрица Шменкеля. Впервые «факелята» услышали это имя много лет назад, когда в интернате проходил «суд над фашизмом». На суде как обвинитель и свидетель выступала педагог школы-интерната А. М. Певзнер, которая в годы войны сражалась на Смоленщине, в партизанском отряде. Там Ася Михайловна и встретилась с легендарным разведчиком Иваном Ивановичем — под этим именем действовал немецкий антифашист Фриц Шменкель, сын коммуниста. Осенью 1941 года ефрейтор Шменкель бежал из гитлеровской армии, скитался по лесам, нашел партизан и вступил в отряд «Смерть фашизму!». Отважный разведчик совершил не один подвиг. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ежегодно в день гибели героя в школе проводится торжественная линейка, сменяется почетный караул у флагов двух стран — СССР и ГДР, зажигается факел дружбы и памяти.

Л. АЛЕКСАНДРОВ

• «Прошу записать первым!»

Ольга Алексеевна Савельева — бывшая учительница одной из школ города Верхний Уфалей — рассказала мне о своем брате: что работал секретарем райкома, остался на оккупированной территории, в подполье, выдан предателем. Я написала письмо в Ровенский обком партии, и вот что удалось узнать о Валерьяне Алексеевиче Сонине, имя которого еще не всем известно в Уфалее.

В первые дни войны бывший секретарь Клевовского райкома партии написал матери на Урал письмо: «Я вы-

полняю задание. Если что — справьтесь обо мне в Киевском ЦК. Семья без крова, жди, возможно, приедут». Это письмо было последним. Долгое время ничего не знала семья о Валерьяне. После войны стали разыскивать, узнали, что погиб, что подвиг его описан в книге секретаря Ровенского обкома партии В. А. Бегмы «Пути непокоренных».

...27 июня 1941 года фашисты начали наступление на Ровно. Обком партии переехал в местечко Гоща. Эвакуировали население. На созванном заседании бюро обкома партии секретарь Клевовского райкома, высокий широкоплечий черноусый мужчина, с огрубевшими руками шахтера, сказал:

— Я так понимаю, что кое-кто из нас должен остаться в тылу врага. Прошу первым записать меня.

На вопрос, знаком ли он с правилами конспирации, Сонин ответил: «Как сказать... Специально, конечно, не учился, знаю из книжек. Да это дело наживное».

— Вас же за километр видно... Да еще усы запорожские!.. — возразили ему.

Но Сонин настоял. Было отобрано несколько коммунистов.

Сонин выдавал себя за рабочего каменных карьеров. Находясь на нелегальном положении в Клевове, действовал решительно и смело, почти открыто ходил по улицам оккупированного города. Дерзко работала его подпольная группа.

Его опознал предатель. Гестаповцы выследили Валерьяна. Шесть человек набросились на него, стараясь взять живым, но под ударами тяжелых кулаков шахтера разлетелись по сторонам... Но подоспели еще лица...

Две недели пытали в комендатуре Сонины: «Ты — секретарь райкома коммунистов?!»

Сонин молчал. Полуживого, с перебитыми руками и сломанными ребрами, его повесили на площади.

...Жизнь нашего земляка стоит того, чтобы о нем узнали в школах, в отрядах, на заводе, где он работал.

Е. СИУНОВА

• Сюрпризы Ильменов

Десять лет юные геологи школы № 107 Челябинска ежегодно работают в Ильменском государственном заповеднике. Начинали они с расчистки и пересмотра отвалов Трубеевской топазовой копи; среди музейных образцов, отобранных ребятами для научных исследований, был обнаружен первый в Ильменах цезиевый минерал — поллуцит.

Потом юные геологи находили так же новые для здешних гор минералы — пироксмангит, тапиолит; впервые за всю историю заповедника найден принципиально новый минерал — ушковит, названный в честь естествоиспытателя, патриота Ильменского заповедника Сергея Львовича Ушкова. Новизна минерала и его название утверждены Международной комиссией в апреле 1982 года. Взятые ребятами при промывке отвалов бериллы использованы для определения формирования пегматитовых жил. Очень тщательно был выбран ими занорыш с кристаллами фенакита — в настоящее время это лучшие ильменские образцы.

В прошлом году при расчистке пегматитовых жил обнаружены ребятами кристаллы кварца — крупнейшие из найденных в Ильменах за последние 80—100 лет.

В экспозиции музея природного Ильменского заповедника 97 образцов найдены ребятами. Одиннадцать минералов, ранее не известных в Ильменских горах, и один совершенно новый обнаружены благодаря работам юных геологов.

В. ПОЛЯКОВ

РОБОТ МИША

Евгений
КОЛЕЗЕВ

Фото
В. Третьякова

Медведь широко улыбается, переступает с ноги на ногу, моргает пушистыми ресницами и вдруг говорит:

— Я — Миша Олимпийский, родился в Каменске-Уральском Свердловской области. И вот попал в гости к вам...

Это не сон и не сказка. Говорящий медведь поселился в новом учебном корпусе профтехучилища № 9. Вернее, он здесь уже старожил. Как вернулся из Москвы, так и обосновался в кабинете кружка технического творчества, между столами с паяльниками и канифолью, диодами и сопротивлениями.

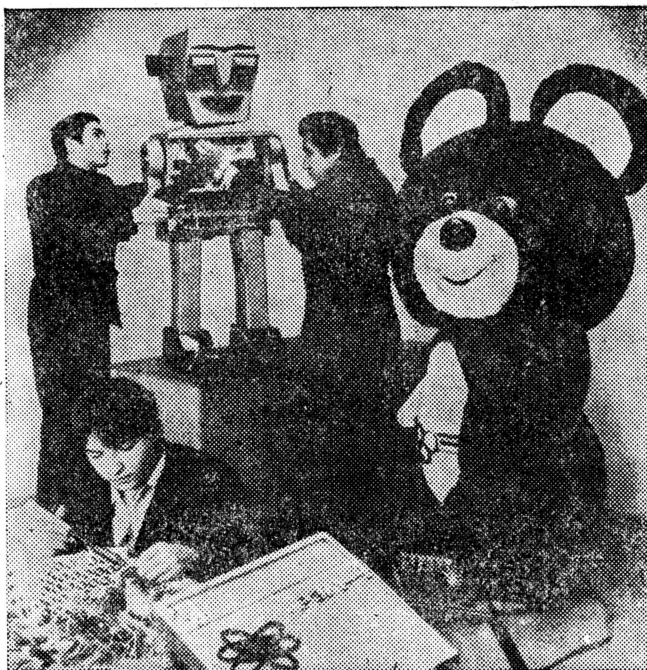
— На ВДНХ было много разговоров о нашем роботе, — вспоминает заведующий учебной частью училища Геннадий Иванович Бердников. — Взрослые, ребята, едва входили в павильон «Профтехобразование», спрашивали: «Где тут медведь, который говорит и пляшет?»

Слова Геннадия Ивановича тонут в зажигательной мелодии. Это Мишка пускается в пляс. Неуклюже, по-медвежьи, но не выбиваясь из музыкального ритма. Закончив танец, косолапый артист расшаркивается и приглашает заглядывать к нему в гости почаще.

Но вряд ли удастся нам повстречаться с Мишкой в ближайшее время. Уже сшита для него новая шуба, «учит» робот новые песни и танцы, готовясь к заграничному вояжу. Поделке уральских ребят выпала честь экспонироваться на Лейпцигской международной ярмарке.

Компанию Мишке составит РЭМ. РЭМ — это робот электромеханический. Пока мы любовались мишкиными проделками, учащиеся ПТУ Виктор Ращектаев и Сергей Васильев под руководством мастера Владимира Степановича Калужского продолжали «нянчиться» с малышом РЭМом. Он — четвертый из семейства электромеханических роботов. Первенец появился на свет в 1971 году. И сразу же получил всесоюзное признание. Последующие РЭМы гостили на международных выставках в Финляндии, Болгарии, Чехословакии, Федеративной Республике Германии. А один из братьев-РЭМов устроился «работать» во всесоюзную торговую фирму «Океан». И сейчас он, одетый в рыбацкую штормовку, рекламирует продукцию фирмы в одном из московских магазинов по проспекту Мира.

Пятьдесят воспитанников Каменск-Уральского СГПТУ-9 носят звание лауреатов ВДНХ. Но не это считают в училище главным итогом работы кружка технического творчества. Благодаря занятиям в кружке сотни ребят по-настоящему полюбили избранную профессию, стали рационализаторами и изобретателями.

А сегодняшних учащихся ПТУ уже не устраивают роботы-игрушки». В ближайших планах ребят — создание промышленного робота-манипулятора, который займет рабочее место в горячем цехе завода, заменит человека у плавильной печи, прокатного стана.

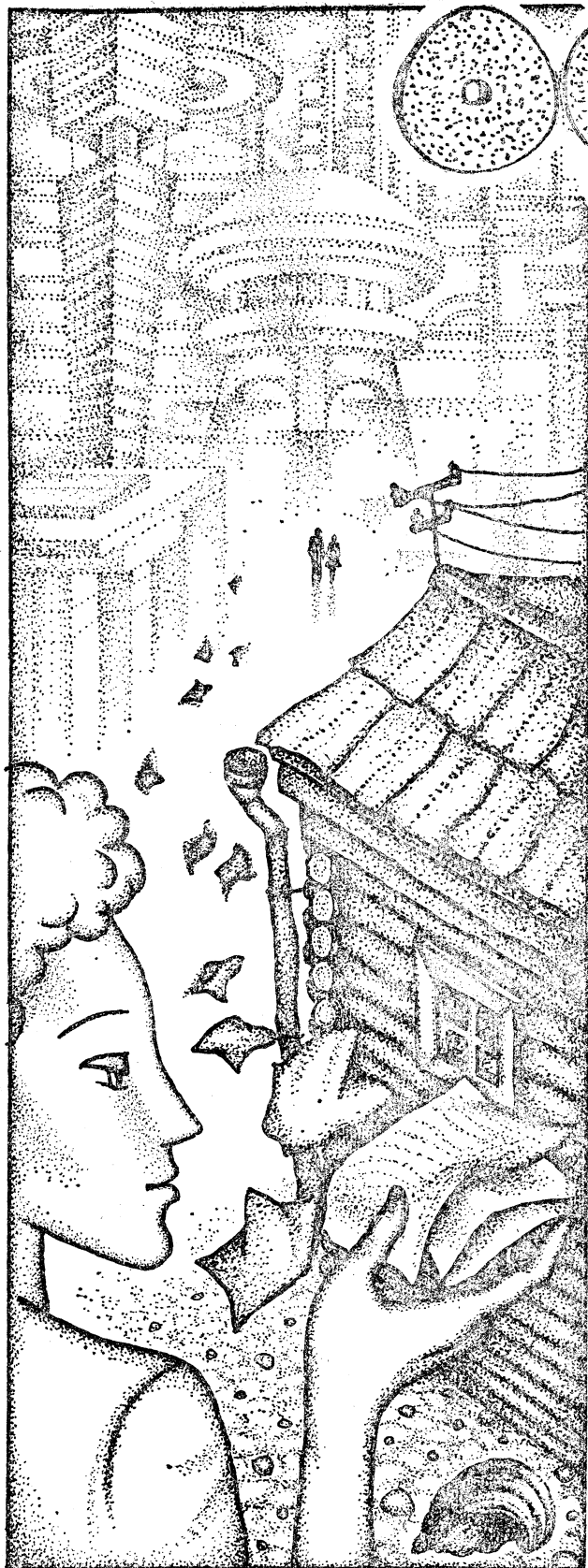
На снимке: РЭМа готовят в дорогу Виктор Ращектаев, Сергей Васильев и Владимир Степанович Калужский.

ОСТРОВ

Повесть

Елена
МАТВЕЕВА

Рисунки
В. Чеботарева

1.

Он проснулся и с неприязнью прислушивался, как мать спускает воду в уборной, возится в ванне и кухне. Ему бы переждать, пока она не уйдет на работу, но непонятное беспокойство гнало из дому. И вот в спину обычное, в последнее время неуверенное и нарочито ласковое:

— Ты куда, Олежек?

Еще недавно звала ненавистным — «Олешек». Тем более противно, что и впрямь было что-то оленье в его лице. А может, козье. Лет до тринадцати нежным личиком и светлыми кудрями был похож на девочку. И теперь лицо не слишком мужественно, но выручают рост и плечи. Отец, услышав его жалобу на внешность, сказал: «Ничего, заматереешь, ты в нашу породу. Я до двадцати лет вообще не брился». Олегу до двадцати осталось всего три года, а на вид он мальчишка.

Родители считают его ребенком. Они совсем не заметили, что он вырос, изменился, уже не тот. Они те же — он другой. И отношения с родителями в последнее время стали другими — хуже некуда.

У него своя комната, маленькая, но своя. Если к нему приходят друзья, родители почему-то заглядывают каждую минуту под самыми смехотворными предложениями. Потом обиженно говорят: «Когда к нам приходят гости, мы же не требуем, чтобы ты уходил?»

Если он идет к однокласснице на день рождения, его предупреждают: «Если будет вино — не больше рюмки сухого». А если нальют вторую, он должен сказать, что ему родители не разрешили?..

«Тебя видели во дворе со Славой, он беспутный парень». Так что же, Олег не вправе решать, с кем ему остановиться во дворе и поговорить?

«Куда ты идешь? К Гене?» Это значит, что за вечер мать раз или два позвонит к Гене, чтобы дознаться, что они делают и когда он вернется.

До недавних пор мать иногда ходила по квартире в рубашке. «Мне это неприятно. Я не ребенок», — сказал ей Олег. Мать удивленно засуетилась и сейчас же надела халат.

Они ведь интеллигентные люди, инженеры. Они никогда не позволяют себе вскрыть письмо, которое адресовано ему. Но они все равно хотят знать — что в письме. Они хотят знать каждый его шаг, всякую мелочь.

Профессию Олег выбрал для себя сам и через три недели поедет поступать в Ленинградский педагогический институт, на факультет графики. Будет учиться, жить в общежитии, денег из дому брать не будет. Не хватит стипендии — зарабатывает. Он хочет быть взрослым человеком, хочет, чтобы его уважали, а не подозревали, контролировали и опекали.

— Ты куда, Олежек?

Он и сам не знал — куда, поэтому не ответил, захлопнул дверь.

2.

Олег шагал без цели, пока не перешел мост. Открылись два квартала старых домиков и кладбище, которое начали сносить и уже отгеснили от проспекта. Дальше — новостройки. Дом, где живут художники, был замечен сразу, верхний этаж застеклен — мастерские. Олег шел к своему учителю.

В коридоре стоял свежий запах стружки. Дверь мастерской была не заперта. Иванов, голый по пояс, орудовал рубанком. За что бы ни брался Иванов, все у него получалось так, будто всю жизнь он только этим и занимался. Иванов протянул Олегу жесткую руку и сказал:

— Здорово!

Коренастый, круглогрудый, уверенный в себе, занятый делом человек. Вот таким хотелось быть и Олегу.

Иванов удовлетворенно окинул взглядом свое хозяйство.

— Нравится?.. Осталось сделать антресоли и столы.

У двери были навалены ящики с вещами, холсты, папки. Новое соломенное кресло. На подоконнике бронзовый божок с животом-мячиком, гипсовая голова, всякая мелочь.

Олег и еще двое учеников Иванова помогали ему переезжать из прежней мастерской в двухэтажном скрипучем домике на старой, заросшей вязами улочке. С ней у Олега было связано много хорошего.

Маленькая комната: четыре шага вдоль, три — поперек, а еще меньше она оттого, что наполо-

вину срезана косым потолком-крышей. В углу рукомойник и печка, откуда слышится песенка закипающего чайника. На длинном столе цинковые и медные доски, папки, кисти, лаки. Рядом мольберт и старое просиженное кресло. В нем Олег провел много времени, наблюдая, как Иванов работает. Приходили и другие ребята из художественной школы. Семка-модернист, которого чуть было не выгнали за «новаторский» подход к искусству. Иванов за него долго бился, считая талантливым. И победа была триумфальной: открыли персональную выставку Семки (такого не знала история школы!) и провели диспут, который продолжался три дня. Директор Василевский потом говорил:

— Способный парень, хотя шалапутный. Но это у него пройдет, он встанет на правильный путь. На его примере я сумел дать урок другим, показать, что хорошо, что плохо. Думаю, что открытым обсуждением принес пользу и парню. Другой бы на моем месте выгнал его, и дело с концом. Я же считаю: выгнать просто, попробуй воспитать!

В прошлом году Семка поступил в Ленинград, в институт Репина. Директор опять говорил, что поставил парня на ноги, дал ему путевку в жизнь. Иванов молчал. Он радовался за Семку. Не так уж часто ребята из их города поступали в прославленный институт.

Многие бывали в старой мастерской Иванова. Инка тоже приходила. Но Инка — это особый разговор.

Иванов — график. Однажды он показал ребятам гравюру, которая называлась «Моя мастерская». Эта мастерская ничуть не походила на уютную комнатенку, где в продавленном кресле и на сундуке любили просиживать ребята. Она была огромная, с антресолями. Чего здесь только не было! И вид из окна совсем другой — там выстроились башни волнующе-незнакомого города. Потом они увидели этот город на гравюре.

«Уедет, — подумал тогда Олег. — Что ему делать в нашем захолустье? У него талант. Будет у него и мастерская с антресолями и прекрасный город». И так тоскливо стало Олегу, потому что больше всего на свете ему хотелось дружить с Ивановым. Может быть, чуть позже, когда Олег повзрослеет, будет у них настоящая мужская дружба. Если Иванов не уедет.

— Вы хотите такую мастерскую? — настороженно поинтересовалась Инка, и Олег почувствовал, что она подумала о том же.

— Она у меня уже есть.

— Где? — тихо и напряженно спросила Инка.

— Здесь, на гравюре, — сказал Иванов и улыбнулся.

Олег и Инка с облегчением вздохнули. Ему хватало мастерской на гравюре. Он преподает в художественной школе, хотя может заниматься только творческой работой, потому что он член

Союза художников, или подыскать какую-нибудь работенку, которая не отнимает столько времени и сил да и оплачивается получше.

Но Иванов не бросает своих ребят, знает, что без него им будет плохо и неинтересно. Может, и ему без ребят неинтересно? Без Семки-модерниста? Без Олега?

Альбина Сергеевна, тоже преподаватель художественной школы, обращается к ученикам с липовым «вы», Иванов говорит — «ты». Но с первого взгляда понятно, что Иванов относится к ребятам серьезно, а Альбину Сергеевну они не интересуют, она отработывает свои часы.

Художественную школу Олег вспоминал с удовольствием. И прежнюю мастерскую. Теперь и мастерская чужая, а с ней почему-то и учитель отдалился.

Старую мастерскую Иванова узнавали по окну — все другие густо уставлены цветами. Вечерами, как лампадки, в доме светились окошки. За каждым жила старушка. Почему весь дом населен старушками? Наверное, потому, что дом и сам старый. Молодые получили квартиры, уехали, старушки остались. Умрут — и дом умрет. Он уже наверняка предназначен на слом.

Жизнь дома текла по-старушечьи. Утром бабки сидели у крыльца, греясь на солнышке, и тогда на всех дверях, выходящих в коридор, висели замочки. В дождь бабки выглядывали на улицу из-за своих геранек, любопытствовали: кто идет? куда идет? кто остановился и разговаривает?

К Иванову старушки относились настороженно. Они не знали, что происходит в каморке под крышей, зачем туда ходят люди (среди них и женщины есть, и девушки), что они там делают. Анна Васильевна заходила к Иванову, видела у него картину: нарисованную красками голую женщину.

Когда выносили из мастерской вещи, старушки прилипли к своим окнам и напряженно наблюдали.

— Без меня скучать будут. А думают они сейчас, что у них впереди переезд, только совсем не такой, как этот, — сказал Иванов. Сказал по-доброму, грустно. Циником он не был. И пьяницей не был, как Пучков, тоже преподаватель художественной школы. И дураком не был, как Альбина Сергеевна, и не был рутинером, вроде Васильевского. Он был хорошим и талантливым человеком. Многим ученикам хотелось быть похожим на него.

Когда погрузили последние вещи, Иванов прощальным взглядом окинул дом, поднял руку и закричал:

— Прощайте, бабушки!

Ему никто не ответил, но бледные старушечьи лица в обрамлении геранек и бальзаминчиков моментально исчезли. А одна, со второго этажа, неожиданно показала язык.

Иванов невесело засмеялся и прыгнул к ребя-

там в кузов. В кабине сидела его мать. В новом доме художники получили и мастерские и квартиры.

— Не скучаете по старой мастерской? — спросил Олег.

— Нет.

— А я — да. Там было хорошо. Старый скрипучий дом... — Он не сказал основного: та мастерская была для него родной, в ту комнату он и другие ребята приходили запросто. — Конечно, эта мастерская настоящая...

— Настоящих мастерских не бывает, — не задумываясь, сказал Иванов. — Бывают настоящие или ненастоящие художники. Романтика, конечно, вещь хорошая. Но для работы все условия здесь, а не там. И дом под боком. Станок печатный заказал, я тебе говорил?

Раньше Иванов печатал гравюры в школе. Станок там старый, на вид прямо петровского времени. А в городе не было мастера, который бы сделал станок.

— Ты-то что подельваешь? — Иванов разговаривал, продолжая спускаться с досок стружку.

— Рисовал, — вяло ответил Олег. — Главное — проскочить рисунок.

— Да, это твое слабое место.

— Наверно, не поступлю.

— Поработаешь годик, походишь ко мне в вечерние классы. Я тебе говорил в прошлом году — ходи, рисуй, — рассудительно сказал Иванов.

— Нет, мне надо поступить. — Олег вздохнул и опять посмотрел в окно на город и край залива. Остров отсюда не был виден.

— Вы были когда-нибудь на Перловском острове? — неожиданно спросил Олег.

— Не приходилось.

— Давайте поедем? Будем рыбачить, готовить пищу на костре, поработаем. Остров необитаемый — вот что хорошо.

— Это мысль, — согласился Иванов. — Как-нибудь съездим.

— А сейчас?

— Должен оборудоваться. Мне на это неделя отпущена.

— Кем? — удивился Олег.

— Мной. Кем же еще? А на остров обязательно съездим.

3.

На лестнице Олег столкнулся с Инкой и Тоней. Тоня наверняка шла с Инкой за компанию.

— Привет. Ты к Иванову? — неуверенно спросил Олег, поравнявшись с Инкой. Вроде бы они были в ссоре, и он не знал, можно ли считать окончание школы концом ссоры.

— А ты от него? — не очень приветливо сказала Инка. — Я посоветоваться насчет поступления, — вдруг добавила она и опустила глаза.

— Ты куда поступаешь? — заинтересовалась Тоня.

— В Ленинград, в педагогический, на факультет графики. — ответил Олег.

— Надо же, — сказала Инка, — и я в Ленинград.

— Но ты же в Мурманск собиралась? — удивилась Тоня.

— Это родители хотят в Мурманск, потому что поближе к дому. Но вопрос еще не решен.

— Может, вместе поедем? — предложил Олег.

— Может. Вообще-то я способна добраться и без провожатых, — независимо заявила Инка и пошла.

После той дурацкой истории с окном они не разговаривали два месяца, и Олег думал, что его школьная влюбленность кончилась. А поговорили пять минут, и снова попал в какую-то странную зависимость. Готов бежать за Инкой, терпеть ее капризы и заносчивость.

Инка ему нравилась с первых классов. Но почему именно Инка? Может, дело в загадочности? Пишут ведь в книгах, что женщина должна быть загадкой, сфинксом. Но вряд ли в Инке есть какая-то загадочность, просто издевается, зная, что Олег неравнодушен к ней.

То ласково, даже как-то застенчиво разговаривает с ним, то перестает замечать или отпускает обидные шутки в его адрес. То опять подойдет, вроде бы даже смущенная, позовет на этюды в выходной. А на этюдах ведет себя так, будто делает огромное одолжение, что пошла с ним.

Когда самый видный парень из «а» класса, Борька Прохарчук, самбист, начал за ней ходить — отшила. И Самохвалову — от ворот поворот. Вот тогда Олег и стал подозревать, что она влюбилась в Иванова.

Не раз он видел, как в перерыве между занятиями Инка предлагала Иванову бутерброды, а после занятий, когда он уходил, будто бы случайно оказывалась во дворе. Тогда Иванов жил недалеко от Инки, и им было по пути. Но рядом с Ивановым жил и Олег, и всегда за учителем увязывался кто-то из ребят, провожали его до дома. Инка плелась со всеми.

А с окном такая история. Олег должен был отнести Инке книги. Ему как раз купили новый свитер. Он и носки надел в тон свитеру, и ботинки начистил, и долго причесывался перед зеркалом.

Дом у Инки каменный, трехэтажный. Живет она на последнем этаже, второе окно справа. Ему ли не знать это окно?

Когда он подошел к дому, окно светилось. Олег позвонил — не открыли. Звонил, стучал, потом спустился — свет у Инки есть. Он опять поднялся и долго, не отрывая пальца, жал звонок.

Снова спустился и сел напротив окна из поребрик газона. Что же это за глупые шутки?

И вдруг он понял, даже кровь бросилась в голову — она там не одна, поэтому и не открывает.

Почти не соображая, что делает, он сунул книги в кусты и повис на водосточной трубе. Нога в ботинке не помещалась на крепление между трубой и домом. Тогда он снял ботинки и тоже швырнул в кусты. Залезть на третий этаж оказалось не трудно. Дотянувшись до подоконника, он сделал два шага по карнизу. Окно не было закрыто на защелку, легко подалось и распахнулось со звоном, увлекая за собой штору.

Первое, что увидел Олег, — окаменевшую в кресле Инкину тетку.

— Здравствуйте, — поклонился Олег и неслышно, на цыпочках, прошел в кухню.

Инка ставила на плиту чайник. Она задержала на Олеге удивленный взгляд и холодно спросила:

— Что с тобой? На какой помойке ты валялся?

Он глянул на себя и обнаружил, что новый свитер и брюки в ржавых грязных пятнах и струнках старой краски. На ногах — рваные носки. В это время в комнате раздался крик: «Хулиган!» В кухню влетела тетка и со всего маху вlepила Олегу пощечину.

— Тетя Лида, вы что? — прошептала пораженная Инка. — Это же Олег, вы не узнали?

— Разумеется, не узнала! Распахивается окно, влезает какой-то охломон! Что прикажете думать? Я пожилой человек, у меня слабое сердце! Мне ваши шутки непонятны! — Тетка кричала, но голос ее все больше смягчался.

— Простите меня, тетя Лида... Я даже не знаю, как это вышло... — смущенно и испуганно бубнил Олег, прижимая одну руку к щеке, другую к груди.

— Так ты в окно залез? — недоуменно спросила Инка.

— Свет горел, а дверь не открывали... Я думал, ты не хочешь открыть, я влез...

— Дурак, — презрительно сказала Инка, — мы ходили к соседке на цветной телевизор. А сейчас вали отсюда!

Он спускался в рваных носках по лестнице, и каждая ступенька была, как обрыв. Вот и конец истории с Инкой, подумал он, теперь забыть все, жить здесь осталось недолго, а там уеду в Ленинград.

Через несколько дней он позвонил Инкиной тетке, и та довольно благосклонно с ним поговорила. Пожурила, правда, для порядка, но совсем не сердито. А вот Инка его подчеркнута не замечала. Приближались экзамены, он засел за учебники и успокоился. Он говорил себе: взбалмошная, избалованная девчонка, она мучила меня и унижала, но всему есть предел.

А теперь он слушал удаляющийся стук ее каблучков, и сердце его билось в такт этому стуку. «Тряпка,— обругал себя Олег.— Тряпка я, больше никто»,

4.

Олег простоял около часа на автобусной остановке. Ему еще повезло, потому что к мебельной фабрике в нерабочее время автобус ходит очень редко.

И вот уже показался вытянутый вверх мощный шатер церкви. Типичная для севера деревянная церковь. Но очень уж хорошо вписана в природу. Стоит над водой, на взгорочке. Как воин. Летом сюда часто подъезжают экскурсионные автобусы.

Потом появляется фабрика, хотя к дороге она намного ближе, чем церковь. Фабрику Олег рисовал не раз. Она интересовала его композиционно. Ее постройки, нагромождение различных геометрических объемов — сплошной кубизм.

Недалеке от фабрики, в направлении церкви, шла маленькая улочка — семь домов. А под каменным обрывчиком лежали две лодки. Одна ветшала на берегу несколько лет, другая, привязанная цепью к столбу, была на ходу. В крайнем доме жил старик, владелец этой лодки, Олег его давно приметил.

Олег спустился к заливу и долго бродил по колено в воде, пугая длинных полупрозрачных мальков. Отсюда хорошо был виден остров в аккуратной шапке леса. Слева он кончался мыском-черточкой, где стояла большая изба. На горизонте в дымке еще два острова, сине-зеленые.

Кругом было пустынно. Огибая обсохшие в отлив зеленые валуны, Олег подошел к обрывчику, опустил измявшиеся штаны, обулся и направился к старикову дому. Постучал в окно, и тут же раздался девчоночий тонкий голосок:

— Открыто!

Он толкнул дверь и пошел на звяканье посуды.

В комнате у стола стояла девочка лет тринадцати и мыла посуду. На ней было розовое платье, из которого она выросла, торчали длинные детские ноги в старомодных маминых туфлях с круглыми носами.

— Хозяин дома? — спросил Олег.

Девочка доковыляла на высоких каблуках до двери и позвала:

— Дедуля! — И объяснила: — В огороде он.

Появился дед, обросший седой щетиной.

— Здравствуйте, — сказал Олег. — Я вот по какому делу: не перевезете ли меня на Перловский остров.

— Это зачем в такую даль? — удивился дед.

— Я художник, рисовать буду.

Дед сел на табуретку, недоверчиво рассматривая Олега.

Девочка застыла с тарелкой в руках. Застыли приподнятые брови и полуоткрытый рот. Наверно, ей не каждый день приходилось видеть художников, и это поразило ее.

— Я вам заплачу, — поспешно сказал Олег, а старик махнул рукой, и непонятно было, то ли он отказывается от денег, то ли соглашается принять. — Только у меня немного, — на всякий случай добавил Олег.

— Художник, — повторил дед, и Олег не понял интонации, прония была в ней или симпатия. — Ну что же, — наконец решил дед, — перевезу.

Пока они договаривались, девочка продолжала неподвижно стоять, а с тарелки и рук капала мыльная вода. Розовое платье обтягивало ее торчащие лопатки и угловатые плечики.

Олегу очень хотелось сказать девочке что-нибудь шутливое, но он так и не придумал — что.

5.

Дома он разбил копилку, надеялся, там по крайней мере рублей тридцать, так тяжело и глухо в ней гремело, но оказалось всего двенадцать с копейками. Были еще деньги, что бабушка прислала в день рождения. И всех этих денег хватило на рюкзак, котелок, топорик и кое-какие продукты. Он копил на велосипед, только велосипед ему не понадобится, все равно он уедет поступать в институт, а если не поступит, то все равно он уже не хочет велосипеда.

Возвращаясь из магазинов, Олег видел, что впереди идут мужчина и девушка, но сначала он не обращал на них внимания, просто он не мог предположить, что Иванов станет прогуливаться с Инкой. Но это были они, шли, о чем-то спокойно беседуя. «Добилась своего, — с тоской подумал Олег. — Вот наконец он и провожает ее. И Тоньку куда-то спровадила». Испугавшись, что его заметят, он шагнул в ближайший подъезд и выглядывал, пока те двое не скрылись за углом.

У Олега было ощущение, будто его обманули, предали. И он не мог точно сказать — кто, Иванов или Инка. Нет, в Инку он не влюблен. Его вообще девчонки в настоящий момент не очень-то интересуют. Ему нужен друг, такой, как Иванов. Эх, Иванов, Иванов...

А в общем все перепуталось. Все очень сложно.

Дома он положил в рюкзак байковое одеяло, две простыни, посуду. Положил пакетик чая, хлеб, сухие супы, крупу, кисель, сгущенку. Он не рассчитывал добыть пищу сам. Удочки не было. Но рогатку, которая уже лет восемь лежала у него в столе, взял.

Сложенный рюкзак он затолкал под стол и задвинул стулом. Родителей все еще не было, и он обрадовался, вспомнив, что они собирались в гости.

В кухне Олег обследовал кастрюли. Опять суп с вермишелью. Сверху его прихватила корочка

жира, но разогреть было лень, и он пытался черпать ложкой суп прямо из проруби в жиру. Потом отхватил ломоть хлеба и, обмакивая его в варенье, запивал холодной водой.

Он пытался не думать про Иванова и Инку, но они лезли в голову. Сегодня его поразило, как Инка изменилась в последнее время. Тело ее вытянулось: где утоньшилось, где округлилось. Была крепенькой симпатичной девчонкой, стала красивой девушкой. А может, показалось так, потому что он привык видеть ее в школьном платье, а сегодня она была одета как-то по-новому, повзрослому — изящные туфли на каблучках, модная юбка. И это тоже его укололо: вырядилась, чтобы парни на улицах глазели!

Он порылся в письменном столе, вытащил из-под груды фотографий, из-под газеты, которой был застелен ящик, общую тетрадь и стал ее внимательно просматривать. Это был дневник, который он вел в седьмом классе.

«Инка на полгода уезжает в лесную школу — у нее с легкими не в порядке. Очень грустно. Я бы хотел, чтобы у меня тоже что-нибудь случилось с легкими. Тогда бы я поехал с ней».

«Ура! Инка не едет. Вернее, едет па месяц в санаторий, но месяц это не полгода».

И здесь про нее:

«Представляю, как Инка вернется, как мы будем сидеть рядом в рисовальном классе у круглой железной печки».

«Приснился сон: мы с Инкой в каком-то дачном домике. Сидим рядом, а она берет мою голову так бережно и целует. Я говорю: «Инка... Инка». А она, опустив глаза, выходит из дома».

«Я не люблю ее. То есть я ее люблю, скучаю, когда уезжает. Но... как 10 тысяч братьев. И только».

«Сначала она не пришла на вечер, я расстроился. Потом пришла. Я обрадовался, как дурак, залез на сцену, забрал у Ромки микрофон и стал петь: «Я забыл какого цвета твои синие глаза. Но я жду у моря, жду у моря, приходи...» Я был очень горд, что оказался таким бойким, и она наконец-то услышала, что я тоже могу петь не хуже некоторых. «Ого!» — подумает она», — подумал я. Я ведь ей пел, про нее. А она идет мимо и говорит: «Никогда больше не пой вслух. У тебя голос, лишенный приятности...»

Странное дело, как все забывается. Кажется, совсем недавно все это было, а забыл. Про пение, правда, помнил. Что уезжала в санаторий, тоже помнил.

А еще странно, что с тех пор, как он вел дневник, прошло три года, но ничего-ничегошеньки у него с Инкой не изменилось.

Олег выдирает из общей тетради по несколько страниц и рвал на мелкие кусочки. Обложку выбросил в помойное ведро, поставил на газовую плиту противень и, свалив на него грудку обрывков, поджег.

Вот и все. Его воспоминания сторели и лежали теперь, как осыпавшиеся лепестки роз, только черные, матовые. Он аккуратно, чтобы не разлетелись воздушные лепестки, отнес противень к себе в комнату и сдул пепел в окно, на зеленый пустырь с баскетбольной площадкой и турниками. На всякий случай, чтобы мать ничего не заметила, проветрил кухню. Когда в замке заворочался ключ, он юркнул в постель и выключил свет.

Если бы у Олега горел свет, они бы обязательно зашли. Мать, проверив кастрюли, уже выяснила, что он мало ел, стала бы пилить. Отец, если видит под дверью полоску света после одиннадцати, обязательно заходит и говорит: «Опять читаешь? Гаси свет и ложись спать!» Да что он, ребенок, в самом деле?!

Наконец они уgomонились, а Олег все не мог уснуть. Снова он представлял, как Инка с Ивановым идут по улице. И будущее тревожило, туманное, расплывчатое. И никому он не нужен.

«Все нормально, — успокоил он сам себя. — Завтра я буду на острове». Он представил себе остров в кудрявом лесе. Остров, по которому не ходит нога человеческая. Ему всегда казалось, что и деревья там растут необычайные, и цветы, и травы, которые здесь не водятся. И вдруг он нашел определение тамошней растительности: манцениловые леса! Вот что на острове — манцениловый лес. Он напрягся, что-то припоминая, потом осторожно зажег свет, чтобы родители, если не спят, не услышали щелчка выключателя, и на цыпочках подошел к книжной полке. Ну, конечно, это эпитафия к «Бегущей по волнам» Грина:

«Это Дезирада...»

О Дезирада, как мало мы обрадовались тебе, когда из моря выросли твои склоны, поросшие манцениловыми лесами».

Совершенно непонятно, но хорошо. Вот именно — манцениловый лес и должен расти на необитаемом острове.

6.

Утром он оставил записку: «Ушел в поход на три дня. Не беспокойтесь. Ждите в понедельник вечером».

Когда Олег вышел к заливу, старик уже копался в лодке.

— Залезай, художник, — позвал он.

Олег разулся, засучил штанины и пошел между камней. Дед дернул за шнур, мотор заработал, берег поплыл назад, а с ним вместе и Олега тревога, обида, неустroенность. Там остались родители со своими делами, подозрениями и правоучениями, и его, Олегово, детство, которое он перешагнул. Все он там оставил. И Инку, которая влюблена в Иванова и бегаёт за ним, и Иванова, который поменял свободу и мужскую дружбу на мещанскую благоустроенность.

— Каждому свое, — сказал он старику. — Одному жизненные удобства, другому — манцило-вые леса. Верно?

Старик не ответил.

Остров надвигался медленно. Море было спокойное, синее, а в лунках волн раскачивались живые комочки солнечного золота. Даже в глазах немного рябило. Иногда по воде шли полосы мути, желтой пены — это встречались прилив и течение. Плавали бурные островки водорослей.

— Там не водятся дикие звери? — неожиданно спросил Олег. — Медведи, кабаны?

— Не должно быть, — ответил дед. — Разве зайцы.

С берега остров выглядел более аккуратно и по форме и по цвету, а с приближением постепенно начал распадаться на детали. И чем яснее они прочерчивались, тем удивительнее было чувство: все происходящее — реальность.

— А вы бывали на острове? — спросил Олег.

— Что мне там делать?

Остров приблизился уже так, что можно было рассмотреть полукруглую бухту, а на берегу стену розового гранита, словно крепостную, разрушенную временем, занесенную землей, заросшую травой и деревьями.

В бухту они и зашли. Дед даже не вылез из лодки, сказал:

— Не скучай, художник. В понедельник к вечеру жди.

— Спасибо! — закричал вслед Олег. Он снова стоял в воде с засученными штанинами, на плечах рюкзак и этюдник, в руках ботинки. Еще долго было слышно тарахтенье мотора.

Один. И неведомая земля под ногами. С берега казалось, что остров ближе, чем он был в действительности, а отсюда казалось, что земля дальше, чем она есть. Земля лежала в седом войлочном мареве.

Олег прошел отливную полосу, всю в камнях, усталых фукусовыми водорослями, скользкими и хрустящими под ногами. В гранитной стене он увидел углубление, похожее на половинку гигантской мидии, которая заросла иван-чаем в человеческий рост.

«Если бы не изба, — подумал он, — здесь бы я и разбил лагерь».

Хотелось бросить пожитки и помчаться исследовать остров, но он пересилил себя и потащился с вещами в ту сторону, где стояла изба.

Почти сразу Олег наткнулся на озерко, растекавшееся широкой, необычно прозрачной лужей. Глубина — воробью по колено. «Воробьиное», — окрестил он озеро. Потом тянулся лес, встречались большие, прогретые солнцем поляны с нетронутой травой, вересковые пустоши, кое-где из земли вылезали розовые и серые валуны. Ему казалось, что здесь значительно теплее и не так ветрено, как на материке. Может быть, на острове микроклимат?

Наконец он вышел на мшистую, поросшую можжевельником, оконечность острова и увидел избу, вернее то, что раньше считал избой. Это был старый заброшенный маяк, дощатый, серебряный солнцем — дом без окон и дверей. Когда-то наверх вела лестница, но теперь она была разрушена и начиналась метрах в трех от земли. Олег сложил ношу и сел, прислонясь спиной к маяку. Стена была теплая, как батарея парового отопления.

— Главное, не волноваться, — сказал он сам себе. Нашел топорик и, потрудившись, вывернул несколько досок. Из маячного чрева дохнуло холодом и плесенью.

Придется вернуться к бухте, понял он. Не теряя времени, снсва взвалил на себя вещи и, чертыхаясь, пошел обратно. На старом месте он разложил костер, поставил по бокам рога-тины с поперечной палкой и повесил над огнем чайник с озерной водой.

Чайник закипал долго. За это время Олег вырубил колья и стал устраивать шалаш. Сзади шалаш прикрывала гранитная ниша, из которой он повыдергивал пучки травы, иван-чай и даже молоденькую березку. На два ската спустил ветки, а вход занавесил простыней, придавив ее снизу дерновиной. Сооружение вышло довольно неуклюжим, но крепким. Потом он наносил сосняка для постели и расстелил на нем одеяло. Если пойдет дождь, палатка, наверно, промокнет. Но целый день светило солнце, по берегу гуляли кулички, добывая питание, и о дожде думать не хотелось.

Закипел черный от копоти чайник. Олег вспомнил туристскую мудрость: чтобы посуда на костре не коптилась, ее нужно обмазать глиной, потом глину обколотить, и посуда по-прежнему чистая. Но это для туристов. А он может себе позволить коптить посуду.

Олег сыпанул в чайник горсть заварки, налил кружку дымящегося чая и развернул пачку печенья, а отхлебнув первый глоток, почувствовал себя совершенно счастливым, свободным и далеким от суеты. Кажется, он здорово устал, но жизнь его в настоящий момент была настолько полна и деятельна, что он не замечал этого.

Как у Хемингуэя! Только нужно все делать не торопясь, со вкусом. Нужно получать от этого удовольствие.

Он набросил на плечи одеяло и долго сидел у костра. Отсветы белой ночи лежали на море.

Пожалуй, и хорошо, что я один, размышлял он. Не нужно ни перед кем выставляться. Можно спокойно поразмыслить. А можно и не размышлять... Или нет, нужно думать о простом, о том, что делаешь: как разжечь костер, сварить кашу. Жаль, нет удочки, рыбная ловля в этой обстановке самое подходящее дело, Хемингуэй это знал. И вообще — человека делают простые заня-

тия, которые он хорошо и неторопливо выполняет. С удовольствием. Я приготовил себе место для ночлега и ужин, запас на утро сушняк для костра. Сделал все для себя сам. А теперь нужно спать...

Через простыню, которая занавешивала вход, он видел мерцающие угли костра. Слушал, как одиноко скрипит какая-то птица. Раза два натирался одеколоном «Гвоздика», но комары гвоздичного запаха не остерегались, назойливо садились на лицо и руки, звенели над ухом.

Олег досчитал до ста, двухсот, трехсот, продрог до костей и натянул на себя запасные носки и второй свитер, а заснул только на рассвете, под птичий хор.

Когда он открыл глаза, солнце поднялось уже высоко. Часы стояли.

Полдень я определяю по солнцу и поставлю часы, решил он.

Разжег костер, приладил над огнем чайник, на завтрак сварил овсянку.

Интересно, думал он, уплетая из котелка кашу, а как у Хемингуэя было по части комаров? Есть ли в Америке комары? Но готовил Хемингуэй, конечно, не так примитивно. А может, только в книгах все красиво и складно? А в жизни — склизкая овсяная каша с комками? Но я доволен. Вот бы Инка посмотрела, как я устроился.

На Воробьином озере он вымыл котелок и набрал воды. Просто удивительно, какая запасливость и хозяйственность в нем обнаружилось.

Дно озера было песчаное, без растительности, только ярко-зеленые, похожие на ватные, комки водорослей разложены на дне или плавают на поверхности. Он черпал воду кружкой и заливал в чайник, как вдруг увидел, что в одном месте песок волнуется возле крошечных кратеров. Поискал и еще нашел шевелящийся песок. Роднички. Как он их раньше не заметил? Вот почему так кристально чиста вода, иначе она загнила бы.

«Воробьиные роднички», — переименовал Олег озеро и пошел обследовать остров.

Он небольшой знаток природы, а жаль. По берегу и «манцениловому лесу» хорошо бы побродить с человеком знающим. Когда Олег вернется, он обязательно постарается найти книгу о природе края. Об этом он и думал, шагая по литорали (какое слово! Достоинно «манцениловых лесов!»). Литораль — полоса, которая обнажается при отливе. По ней Олег задумал обойти остров. Он перешагивал через валы выброшенных водорослей, несколько раз спугнул роющих в гниющих выбросах куличков и чаек. Под ногами лопались пузыри на бурых веточках фукуса, хрустели раковины мидий. На камнях он обнаружил известковые зубчатые башни рачка — морского жемчужника, прочно сросшиеся с камнем, — морские блюдечки. Еще червя-пескожила он знает. А вообще нужно зайти хотя бы в краеведческий музей, где был последний раз в классе шестом.

Олег дошел до маяка и посидел, прислонясь к его прогретому деревянному тулову.

После обеда он напишет два этюда и назовет их «Литораль I» и «Литораль II». Была у него такая слабость — всем работам он давал названия и не скупился на красивые: «Серебряная река», «Танцующая осока». Он даже зарисовки подписывал, но уже попроще: «На автобусной остановке», «Сутулый человек», «Мрачная харя»...

Жаль, что на острове нельзя остаться подольше, через три недели ехать в Ленинград. А там главное — сдать специальные экзамены — рисунок и живопись, потом, как рассказывают, дело почти в шляпе, конкурс будет маленький. С живописью у него дела обстоят хорошо, с рисунком — хуже.

Иванов говорит, что с Олегом случилась обыкновенная история. Он пришел в художественную школу в десять лет, а в четырнадцать закончил. В девятом и десятом классах он думал о будущем, думал, кем стать. И надумал все-таки учиться на художника, на преподавателя рисования и черчения. Той осенью Иванов предлагал ходить в вечерние классы, но Олег рисовал «для души», наделали гипсы и натюрморты. Конечно, подрастерял навыки. Но здесь, на острове, пришла к нему уверенность и спокойствие — поступит. Не может он не поступить в институт.

Он будет приходить в свою школу, в свой класс с круглой рифленой палочкой, уже не учеником, а учителем, поправлять натюрморт — драпировка, кувшин, миска, помидор, а потом ходить между мольбертов, тихо разговаривая с каждым учеником: «Почему у тебя кувшин валится? Проведи-ка прямую линию по центру, от горлышка до основания. Видишь?»

Он будет говорить ребятам «ты», но они почувствуют: учитель в каждом видит личность, а не бестолкового ребенка. После занятий они гурьбой будут провожать Олега до дому. Обязательно будет тесная мастерская на старой улице, в старом скрипучем доме, куда вечерами станут приходить к нему ребята. Он будет много работать, потому что ученики должны знать — их учитель хороший художник и настоящий человек. А один мальчишка будет ловить каждое его слово, заглядывать в глаза и мечтать, что когда-нибудь они с учителем будут дружить на равных. (Через много лет этот мальчишка станет известным художником!) А еще Олег отвезет ребят на необитаемый остров: научит разжигать костер и варить кашу, покажет Воробьиные роднички и заброшенный маяк, научит их жить просто, без суеты, ценя каждую минуту. Он расскажет им о природе то, что узнает в краеведческом музее и прочтет в книгах...

За день Олег успел написать только «Литораль I». Вечером пил чай со сгущенкой, пробовал читать «Науку и жизнь», но глаза слипались, и он заснул, как убитый.

Воскресное утро Олег посвятил «Литорали II».

На обед сварил суп из двух пакетов — чтобы погуще было. Вышло очень солоно, оказывается, соли в пакетах рассчитано на определенное количество воды. Пришлось разбавить и слить лишнюю жидкость.

Потом он бездумно бродил по берегу и лесу, ел землянику, которая встречалась кустиками, а не полянками. Он жалел, что не договорился со стариком хотя бы на среду. Все равно до отъезда остается больше двух недель, и он успел бы еще подготовиться: нарисовать, почитать учебники.

На закате Олег быстро сделал этюд — нежно-малиновый небосвод, пролинованный серыми полосами, на горизонте серо-голубые, одетые дымкой, острова. Краски приглушены, ненавязчивы. «Земля обетованная» — назвал он свой этюд. На ужин Олег варил кашу, кисель и пожалел, что у него нет собаки. С собакой совсем другое дело. С ней говорить можно. Правда, Хемингуэй обходился без собак. Он любил кошек.

Родителей Олег почти не вспоминал. Если думать о них, в голову лезут какие-то протавные мелочи, например, как мать топчется у закрытой двери ванной, вынюхивает, не курит ли? А ему не нравится курить. Когда-то с Димкой пробовали, родители узнали, теперь бдительность проявляют.

В последний день Олег уже не мог вдумчиво чем-нибудь заниматься. С утра начался было дождик — понугал, но к десяти часам вышло солнышко. Олег снова жалел, что просил старика приехать за ним. Поспешно, с натугой написал этюд: «Заброшенный маяк». Оглянулся на него в последний раз — маяк был похож на остов ветряной мельницы.

После обеда он снял с шалаша простыню, уложил в рюкзак одеяло. Законченную посуду завернул в полиэтилен. Остатки хлеба раскрошил чайкам.

До темноты он сидел у костра, всматриваясь в далекую полоску туманного берега. Там зажглись огни. Он догадался об этом по блеклому свечению в сером небе. Старик не приехал.

Опять всю ночь тревожно скрипела птица. Тоскливо накатывал шум прибора и леса. Вместо давешнего покоя, радости, уверенности в себе он чувствовал одиночество, недоумение и испуг потерявшегося щенка, который мечтает об одном — увидеть хозяина.

«Старик придет завтра утром, — тешил он себя. — Сегодня ему что-то помешало».

Он жалел, что рядом нет Иванова, с ним ничего не страшно, даже на Марсе застрять. Или хотя бы Инки. Рядом с ней он был бы взрослым и сильным. Она бы, конечно, разнюнилась в такой ситуации, а он утешал бы ее и подбадривал, что бы не боялась.

На следующее утро Олег заставил себя сварить кашу, поесть и снова сидел у шалаша, поджидая старика. Днем он отлучился к озеру за

водой. На случай, если появится старик, написал на ватмане: «Я здесь. Скоро вернусь», пригвоздил к палке и выставил на берегу.

Вечером он не находил себе места. Пытался готовить пищу, но есть не мог.

— Завтра придет, — говорил он себе. — Все перепутал старый. Вряд ли у него такой склероз, что он забыл про меня.

В среду Олег проснулся неожиданно успокоенным. Он продолжал ждать старика и не уходил с берега. Когда договаривались, что старик забрет его с острова, тот еще переспросил: «В понедельник? Может, он решил, что не в этот понедельник, а в следующий?»

— Он не мог меня бросить, — говорил себе Олег. — Он придет.

Олег думал, как повел бы себя в этой ситуации Хемингуэй, и проверил запасы еды, хотя и проверять было нечего. Он прекрасно знал, что осталось мало спичек и соли, три пакета супа, брикет каши и киселя. Хлеб он скормил птицам, чай кончился.

Сегодня съел суп из половины пакета и сварил полбрикета киселя, решил Олег.

Он прочесал лес и принес горсточку грибов: маленький подберезовик, несколько сыроежек и лисичек. Грибы почистил и бросил в суп. Он рассчитывал растянуть еду еще на пять дней — до следующего понедельника.

Написал несколько этюдов. Особенно удалась «Цветущая поляна»: среди травы парили хвостатые цветы льнянки, солнышки ромашек, раструбы колокольчиков, рубиновые звездочки гвоздики, белые воздушные зонтики дикой моркови.

— Вот я и проверил себя в трудной обстановке. Оказывается, не такой уж я слабак, — говорил Олег, заваривая листья иван-чая и земляники. — Потрясающий чай. И само приключение потрясающее. Только бы старик приехал.

Говорил и знал, что обманывает себя, что приключение совсем не кажется ему потрясающим, а рисовать и готовить пищу он заставляет себя, чтобы отступил страх. Он надеялся и не верил, что старик придет за ним.

Теперь он начал вспоминать свой дом, мать, которая хлопочет в кухне, отца, который по вечерам что-то пишет, составляет какие-то таблицы. Вспоминался позорный скандал после школьного вечера в мае.

Было часов десять, когда он разговаривал с парнями у крыльца школы, а мама пришла его встречать. Он сказал ей, чтобы возвращалась домой. Парни с любопытством наблюдали эту сцену, на крыльце с девочками стояла Инка. Он подумал, что мать ушла, но через некоторое время она опять появилась и позвала его. Олег схватил ее за локоть и приволок домой. Здесь все было совсем безобразно. Какая-то вульгарная истерика. Он кричал, грозился уйти, бегал из прихожей в кухню, задел локтем и свалил со стола

кастрюлю с борщом, она покатила боком, он еще и поддал ее ногой. В это время пришел отец, и роли переменялись. Бушевал отец, а Олег молча мыл пол, вытирал стены, табуретки, плитку. На родителей не смотрел. Потом они не разговаривали неделю.

Когда он бегал из прихожей в кухню и орал что-то не своим голосом, испуганная мама стояла в коридорчике, прижавшись спиной к стене. Когда он мыл кухню, она не пошла за отцом, так и прилипла к стенке с растерянным и несчастным лицом...

— Что с ней будет, если я отсюда не выберусь?

Откуда-то выплывали всякие мелочи, как тот пирог в день его рождения. Мама запекла в него какую-то иностранную монету, и малышня, его гости, очень хотели получить кусок пирога с этой монетой. А кому досталась монета, Олег не помнит. Ни ему и ни Димке.

Передник был у мамы, который очень нравился ему в детстве, — на нем вышита зайчиха с котлом и поварешкой.

Лет десять назад мама красила волосы в светлый цвет, носила открытые платья. Теперь она одевается строго. Появились веера морщинок у глаз, две поглубже — у рта. И волосы она уже не красила, хоть много седины. Жалуется, что ноги болят. И сердце у нее не очень хорошее,

иной раз даже сердечные капли пьет. Как же она там без него?..

Второй понедельник пришел и прошел. По утрам Олег чувствовал себя неплохо и днем терпимо, вечерами — тосковал, а ночью часто просыпался, потому что ему слышались голоса и таранье мотора. Не веря себе, откидывал полог. Пусто. Страшно. Только птица какая-то кричит.

Его бросало из паники в безразличие, из безразличия в рассудительность. Иванов, наверно, попытался бы выбраться с острова сам. Но как это сделать? Построить плот? Для него нужны большие бревна, а игрушечным туристским топориком — ветки ломать. Не выбраться ему самому. Но не может быть, чтобы кто-то не заплыл сюда. Неужели городские не выходят из реки в залив?

В лесу он нашел старую консервную банку и бурый окурочек папиросы. Сколько времени они пролежали здесь? Может быть, перезимовали?

— Не могу я здесь остаться, — утешал себя Олег. — До зимы меня обязательно кто-нибудь снимет. А до зимы я продержусь — недели через две грибов и ягод будет навалом.

Грибов уже стало больше. Брусничник ожелел зелеными гроздьями. Поспевали отдельные черничины. Матово светилась в кустарничке голубика. Наверное, будет много морошки, прикидывал он и вспоминал, как янтарная ягода тает прямо на губах. Завязались кисти на рябине.

Олег начал много писать. Это позволяло держать себя в руках. Появились необычные и интересные по манере этюды — матово-протертые, прозрачные. Он сэкономил краски. Много их ушло на надпись «SOS», которую он сделал на простыне и растянул в ветвях деревьев. Но по-прежнему не проходили мимо лодки и суда. Иногда пролетали самолеты. Уже по звуку, равномерному и далекому урчанию, не выходя из шалаша, он понимал — высотники, над облаками летят.

Он смотрел на далекие и загадочные острова, названия которых не знал. Наверно, пути судов пролегли за ними. Массивные острова, размышлял Олег, как те киты, на которых земля в древности лежала. А может, это те киты и есть? Только теперь, когда доказано, что земля круглая и киты тут ни при чем, стоят они за ненадобностью на приколе и обрастают лесом.

Вот как он теперь любил философствовать. А может, на голодный желудок лезли в голову такие странности? Иногда Олег безуспешно стрелял из рогатки и пытался майкой ловить мальков.

Первые дни, как застрял на острове, он почти ничего не ел, теперь аппетит проснулся с утроенной силой. Приходилось отвлекать себя от мыслей о еде.

На берегу было много норск червя-пескожила, небольших песчаных горок, украшенных песочным же шнурком, будто через мясорубку пропущенным. Они похожи на кондитерские изделия, воображал Олег, хорошо бы горки были бисквитные, а украшения из крема. А еще лучше, если бы горки состояли из котлет, а украшение — из селедочного фарша. Впрочем, от макарон по-флотски он бы тоже не отказался. Или большого куска теплого свежего хлеба с маслом и вареньем.

Он пытался представить себе роскошный альбом «Французская живопись», который мама подарила ему к окончанию школы, но снова возвращался к котлетам, борщу, жареной картошке.

Когда кончился картон, Олег стал отдиравать от маяка доски, писал на них. Быстро шли на убыль краски: сначала белила, потом коричневые — марс, умбра, зелень. Кончились кобальты и ультрамарин. И появились у Олега злоеющие этюды: «Цветущий шиповник» в теплой красно-желтой гамме, «Красное море», «Красный лес» и «Желтый багульник».

На сосне он завел календарь, каждое утро делая на стволе зарубку. Первого августа в педагогическом институте начались экзамены.

Чтобы прогнать тревогу, вечер он убил, вспоминая стихи, которые знал. Те, что не помнил до конца, и множество цитат, которые выучил для выпускного сочинения, не учитывал. Всего он вспомнил одиннадцать стихотворений. «Травка зеленеет, солнышко блестит...», «Я пришел к тебе с приветом...», «Люблю грозу в начале мая...», «Зима недаром злится, прошла ее пора...». Еще «Незнакомка» Блока. Еще три стихотворения

Пушкина. Всего три! А он и не предполагал, что знает так мало стихов.

Следующий вечер он посвятил песне. Это было интереснее. Песни можно петь. Раз пропоешь — треть слов вспомнишь, второй раз — еще треть, а там и последние слова выплывут. Песен он вспомнил много.

Пятого августа кончились краски. И тут же, будто природа решила доконать его окончательно, на рассвете появился багровый шар солнца. Сразу Олег не придал значения вспаленному утреннему пейзажу, хотя обратил внимание, что не раскрылись листики заячьей капусты, которую он собирал и ел. Все притихло, потом повеяло колючим ветерком. И вот уже остров под порывами ветра оцетинился, будто шерсть дыбом встала на нем. Испытывая тревогу, изводилась какая-то птица — «рю-рю-рю». И он вспомнил: «Солнце красно поутру — моряку не по нутру». Ветер парусил и хлопал простыней на шалаше, под его прикрытие Олег затащил ветки для костра.

Спички отсырели. Последние четырнадцать штук он завернул в тряпочку, которая еще совсем недавно была носовым платком, и положил за майку, к телу. Ножом вспорол рюкзак и бросил полотно на крышу, навалил на скаты шалаша сосновых лап.

Дождь обрушился тяжелый, каждая капля, как дробина. Костер скоро затух, хоть Олег перенес его под большое раскидистое дерево.

Олег завернул свои этюды в полиэтилен и перевязал тряпичей, оторванной от простыни. Он воображал, как погибнет здесь, и этот сверток — все, что от него останется. Может быть, Инка будет плакать, что не опешила его, да будет поздно. А в связи с исключительностью ситуации в художественной школе откроют его посмертную выставку, где будут прежние работы и последние островные этюды. Семка-модернист, который приедет домой на каникулы или по какому другому случаю, зайдет на выставку, посмотрит и скажет: «Талантливый был парень. Из него мог получиться очень незаурядный художник». И Иванов подумает: «Мы могли бы быть друзьями на всю жизнь».

Дождь лил весь день. Вечером Олегу удалось разжечь костер, он заварил земляничный чай и приготовил салат из гофрированных листьев ламинарии — морской капусты, если, конечно, можно назвать салатом резаные листья. Соли уже не было.

Если Олегу удастся выбраться с этого проклятого острова, он станет другим человеком. Взрослым. Пойдет работать, а вечерами — к Иванову. Будет вкалывать, как вол. И мама от него никогда грубого слова не услышит. Она боялась, что он будет курить, свяжется с дурной компанией. И всего-то нужно было успокоить ее. Это же так просто: крепко обнять и сказать: «Ничего плохого

со мной не случится». А разве трудно говорить маме, куда он идет? И с отцом будет серьезный разговор. И станут они друзьями. А может, и не станут. Может, все останется как было. А ведь и было по-разному.

В восьмом классе он пожаловался матери, что нигде не был, ничего не видел, и она обещала поехать с ним на весенние каникулы в Москву. И поехали. Дома еще стояла зима, а в Москве началась весна. Солнце грело и топило снег под ногами и на крышах. Птички чирикали. И запахи! Запахи весны, к которым прибавился веселый запах масляной краски — на бульварах красили скамейки и ларьки.

Они бегали по улицам в расстегнутых зимних пальто совершенно счастливые, будто ровесники. Заходили во все музеи, список которых привезли с собой, ели в кафе-стекляшках и диетстоловых. Неделю они были друзьями. Он напомнит маме, неужели она забыла это время?

Олег уже не замечал, что разговаривает вслух. Иногда он обращался к Иванову, иногда к матери или отцу, что-то рассказывал, объяснял, жаловался.

Непогода оказалась затяжной. Вернее, неожиданно затяжной была та, прежняя хорошая погода. А непогода в их северном краю — дело обычное. Олег остался без спичек и поддерживал костер круглосуточно. Он сделал четыре шеста и растянул над костром полотно рюкзака, но однажды ночью задремал и проспал огонь. Теперь оставалось сидеть в шалахе и трястись от холода. Одежда не грела, была постоянно влажной, заскорузлой. И пищу стало трудно добывать.

К счастью, выдалось два дня без дождя, даже солнце выглядывало. Он ползал по берегу, выковыривал из раковин и глотал холодные комочки мидий, которые скользили по пищеводу, и потом долго еще их путь можно было ощущать по холодной дорожке в груди. Сырые грибы застревали в горле. Ягоды не насыщали. Его все время подташнивало, он ослабел. Наверно, поэтому много спал, а может, затем спал, чтобы время шло быстрее, потому что бодрствование радости не приносило.

— На деле я оказался никчемным человеком, — сказал Олег воображаемому собеседнику.

Олег развернул сверток с этюдами и расставил их полукругом: «Земля обетованная», «Цветущая поляна», «Красное море», «Заброшенный маяк»... Сев перед этюдами, он смотрел на них голодными глазами, будто хотел съесть, раскачивался и плакал, только без слов: поскуливал и вскрикивал, как от боли. Потом он поставил «Землю обетованную» в развилку березы, на орешник водрузил «Красное море», «Заброшенный маяк» укрепил над крышей шалаха. В голубых ветвях сосенок расставил остальные картинки.

— Это моя персональная выставка, — сказал

он Иванову. — Вам нравится? Мне тоже. Тем более она у меня единственная — прижизненная... А вам, товарищ Васильевский, нравится? Ведь правда же, из моей истории можно извлечь урок? А вы, Пучков Николай Антонович? Ах, у вас похмелье? Вам не до выставки? Тогда, Альбина Сергеевна, слово за вами. Правда, хорошо? «Обетованную землю» можно назвать, к примеру — соната № 6 или № 7 Моцарта. Он не писал сонаты? Какая жалость. А я знаю — он все писал. Если бы я был учителем в художественной школе, я бы никогда не заставлял ребят рисовать музыку, как вы. Это очень глупо. Музыка нужно слушать... А тебе, мама, нравится моя выставка?

Тут Олег, размазывая по лицу слезы, которые неудержимо полились, торопливо собрал этюды и свалил их в кучу возле шалаха.

Потом он лежал, скорчившись на одеяле, крепко прижав ноющий живот кулаками, и ни о чем не думал.

7.

Иванов оборудовал мастерскую, расставил и разложил вещи, привез станок и засел за работу. В последних числах июля он подумал об Олеге и удивился, что тот не зашел к нему перед отъездом. Зато третьего августа появилась Инка.

— Почему ты не в Ленинграде? — спросил Иванов.

— Олег исчез, — вместо ответа сказала она. — Пошел в турпоход на три дня, и почти месяц нет его. Вы разве не слышали? Даже по радио объявляли. И никто из ребят ни про какой турпоход не знает. Милиция ищет. Мама у него совсем больная, ей дали отпуск, все равно она работать не может.

— Не уехал ли он в Ленинград? — предположил Иванов.

— Нет. Нет его там. Запрашивали институт. Я же говорю — милиция ищет! И в Ленинграде, и у нас. Везде его фотографии разослали.

Инка изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать, и вдруг захлюпала носом, уткнулась в платок. Иванов шагал по мастерской туда — обратно.

Вечером он пошел к родителям Олега. Его поразили и запущенный вид квартиры, и сами родители.

Отец молчал, не переставая, курил, стряхивал пепел и не попадал в пепельницу. А мать, которая то и дело принималась плакать, трогала его за рукав пиджака, заглядывала в глаза, словно надеялась, что именно Иванов может им помочь. На его вопросы она отвечала, будто тяжело больная врач — быстро, сбивчиво, стараясь ничего не упустить и не перепутать. Нет, она даже предположить не может, куда делся Олег; семья у них благополучная, все у Олега было — даже комната

своя; нет, друзья понятия не имеют, где Олег может быть, родственники тоже; с хулиганами не знался, есть во дворе один хулиганистый Славка, но он с весны в армии; нет, не ссорились с Олегом, правда, последнее время Олег был такой несдержанный, грубый, но они считали — это переходный возраст.

Мать робко попросила зайти в милицию и поговорить с инспектором по розыску, он кажется ей слишком молодым и неопытным.

Отец вышел проводить Иванова на лестницу и глухо сказал:

— Не надо ходить в милицию. Жена там бывает каждый день, и утром и вечером караулит инспектора. Он вежливый — не сердится. Но что он может ей сказать? Если бы что выяснилось, он бы тут же нам сообщил...

Последний раз, когда Иванов видел Олега, тот показался ему странным. Или всегда так кажется, когда вспоминаешь последнюю встречу с человеком, с которым что-то случилось? И не то что странный он был — скучный какой-то. Слонялся по мастерской, постоял перед новым соломенным креслом, но не сел, смотрел в окно. Говорил, что боится за рисунок...

На другой день Инка опять пришла и плакала. Говорила про Олега, какой он был хороший.

— Обожди говорить «был», — сказал Иванов. Сказал резко и твердо, стараясь поддержать уверенность в ней и в себе. Только уверенности он не чувствовал, и это несвойственное ему состояние беспокоило. Если бы хоть какой-то след — Иванов бы действовал, сделал бы все возможное и невозможное. И эта девочка тоже.

Иванов давно замечал, что Инка влюблена в Олега. Но они почему-то не подружились по настоящему.

Месяц назад Инка приходила посоветоваться к Иванову, сумеет ли поступить в Ленинградский педагогический. Была она в модной юбке, в туфлях на высоких каблучках, и ей, видимо, казалось, что и вести себя надо по-новому, по-взрослому, прошло около получаса, пока она освоилась и стала сама собою. Это даже немножко насмешило Иванова, показалось наивным и трогательным.

Иванову нужно было в город. Инка пришла с подружкой Тоней, но та спешила и села на автобус. А Инка отправилась с Ивановым в центр пешком, а когда начались деревянные мостовые, призналась, что замаялась с этими каблучками, сняла туфли и пошла босиком.

Ей хотелось поговорить об Олеге. Правда ведь, он талантливый? А правда, его этюд «Серебряная река» — это суть их города, его душа?..

Теперь она говорила не про этюды, а про себя, как заносчиво вела себя с Олегом, обижала его. Ей казалось, что девушка должна быть гордой, неприступной, а парень должен «завоевывать» ее, ухаживать, цветы дарить, под окном стоять, прыгнуть ради нее с третьего этажа. Правда, од-

нажды Олег залез к ней на третий этаж, но она его выгнала.

В милицию Иванов все-таки сходил. Инспектору было лет тридцать пять. Таких мужчин с открытыми лицами и ясными глазами снимают в ролях инспекторов уголовного розыска. Только те высокие и поджарые, а этот был широкоплеч, невысок, почти квадратен, но двигался легко. Иванов предложил свою помощь: может, обойти окрестные леса? Но леса прочесали дружинники, сослуживцы Олега отца прошли тридцать километров по обоим берегам реки, а район Синельникова, возле залива, взяли на себя одноклассники Олега. Иванов оставил инспектору свой телефон и записал его номер.

Иванову не работалось. Он постоянно думал об Олеге. Инка бывала каждый день. Ее приходы тяготили Иванова. Он уходил из дома, шел по реке за город. Но погода была не для прогулок: небо серое, то покапает, то перестанет, то дождь зарядит.

Дул резкий ветер. Когда Иванов возвращался, Инка сидела на ступеньках, возле его мастерской.

— Ну сделайте что-нибудь, — сказала она ему с отчаяньем. — Что-нибудь придумайте. Мы же вам так верили! Вы же были для нас самый лучший, самый надежный человек!..

Что он мог сделать?

Про Олега он уже знал от Инки все: что был смелым, но застенчивым, любил хлеб с вареньем, не умел танцевать, когда переходил улицу, не смотрел по сторонам. Из писателей ему больше всего нравился Хемингуэй. А однажды на дерево забрался котенок и мяукал, не знал, как спуститься. Люди шли по улице, останавливались, чтобы посмотреть, а Олег поставил портфель и полез. Котенка посадил к себе на плечо и пока спускался, тот расцарапал ему шею... И еще он хотел добраться до Перловского острова и пожить там, как Робинзон...

Проводив Инку, Иванов порылся в папках с рисунками учеников и нашел Олегову акварель — море и остров в дымке, а на острове огонек. На обороте надпись: «Мой остров».

Он подошел к окну. Город за рекой лежал, как на ладони. Слева — лоскуток залива. Остров отсюда не был виден.

Иванов зашел домой, намазал маслом два ломтя хлеба и сунул в карман куртки. Крикнул:

— Мама, я могу задержаться. — Пожилая женщина со строгим лицом вышла в прихожую. — Поехал искать Олега!

— Где же ты будешь искать? — растерянно спросила она, но Иванов уже бежал по лестнице.

Впервые за последние дни он ощущал силу и бодрость, мысли были ясные, движения точные. Он подумал, что если и не найдет Олега, то хоть этот день не пройдет впустую, самое тяжелое для него — бездействие.

Возле моста он остановил грузовик.

— В сторону Синельникова? Подвези до мепельной, будь другом,— попросил шофера.

У фабрики он вышел и, приближаясь к ней, подумал: «Фабрику надо порисовать: немного сгрудить объемы, задний план отсечь. Вот отсюда и схвачу ее... Если все хорошо кончится...»

Метрах в пятистах от фабрики стояла деревянная Никольская церковь. Между фабрикой и церковью — улочка-цепочка из семи дворов. Когда он однажды осматривал церковь, ключи от нее брал в последнем доме. Тогда ему в голову пришла мысль: в мощной шатровой церкви есть что-то от маяка, от ориентира, видного с моря. Возможно, и этой цели служила когда-то церковь.

Иванов подошел к каменистому берегу. Вода опалово-желтая, непрозрачная, постепенно переходила в серое покрывало залива. У кромки прибоя таяли клочки грязной пены. На горизонте кудрявился лесом Перловский остров, и на левой его безлесой оконечности стояла изба. Иванов до боли напряг глаза, но не заметил никаких признаков человека.

Внизу под обрывчиком лежали лодки. Одна — негодная, другая — подходящая. Он взобрался на берег, подошел к домам и постучался в первый.

Дверь не открывали, но он уловил в доме какое-то движение. Ему даже показалось, что колышется занавеска на окне возле крыльца.

Тогда он зашагал ко второму дому. Здесь на стук вышла женщина. Она ответила, что лодка принадлежит старику, который живет в первом доме и, подозрительно оглядывая его, спросила:

— А вы кто такой будете?

— Я?.. Учитель,— ответил Иванов.

Лицо женщины сразу помягчело.

— Валька дома. Она не открывает, потому что боится. Идемте.

Женщина поднялась на крыльцо и позвала:

— Валентина?! Отпирай, это учитель.— Дверь открылась, а женщина пообещала: — Я сейчас приду, только с печкой распоряджусь, обед у меня на огне.

— Дедушкина лодка под обрывом лежит? — спросил Иванов девочку.

— Дедушкина,— не сразу ответила она тонким голоском.

— А где дедушка?

— В больнице.

— А лодочный мотор где?

— Здесь,— насторожилась девочка.

— Кто у вас еще из взрослых?

— Никто. Бабушка приезжает ночевать, она днем в больнице, и Леньку помогает маме нянчить,— объяснила девочка.

— Позарез нужен мотор,— сказал Иванов.— Мне необходимо попасть на Перловский остров. К вечеру верну мотор и лодку.

— Не могу без бабушки,— глаза девочки испуганно метнулись, сама вся сжалась.

— Тебя Валя зовут? Слушай внимательно,

Валя. Я — учитель. У меня есть ученик, мальчишка постарше тебя. Месяц назад он исчез. Он собирался на остров, вот я и хочу туда съездить. Я оставлю важный документ, чтобы ты не боялась, что с лодкой что-нибудь случится.

— Кудрявенький? — сказала Валя, наморщив лоб, и подалась вперед.

Иванов не обратил внимание на сказанное. Продолжал убеждать девочку:

— Это, честное слово, очень важный документ. Вот смотри, в нем написано, что я художник,— повторил Иванов, чеканя каждое слово и глядя в упор на нее, стараясь убедить взглядом и голосом.

— Мальчик кудрявенький, высокий такой, художник? Дедушка его на остров возил.

— А назад? Он привез его назад? Сюда?

— Дедушка заболел,— потупясь, сказала девочка.

— Значит не привез! И не предупредил никого?

Девочка неожиданно хлюпнула носом и часто заморгала глазами.

— Так не говорит он совсем... И рука не движется, и нога, и почти не ест. Совсем плохой. Я же не знала, что он его назад не привез.— Она побежала к буфету и, порывшись, достала ключи.— Документ заберите. Не надо.

Она прыгала через грядки, за ней Иванов.

— Только этот замок у меня никогда не открывается.

Иванов потеснил ее, щелкнул ключом, распахнул дверцу, подхватил мотор, бачок с бензином и даже не почувствовал тяжести.

На воде было беспокойно, лодку бросало. Остров надвигался медленно, куда медленнее, чем можно было предположить. Лодка неслась по серой в барашках воде, а ему казалось, она ползет еле-еле. Он отгонял мысли о плохом.

Иванов хотел направить лодку к избе, но увидел полукруглый заливчик, а на прибрежных деревьях какие-то странные тряпки. Земля шла навстречу, лодка ткнулась в песок и стала. Прямо в ботинках он выпрыгнул в воду и вытянул лодку.

Недалеке, возле самой настоящей берлоги из веток, тряпья и земли сидел Олег, обхватив колени руками. Он смотрел на Иванова, но навстречу не поднялся, молчал.

— Ты здоров? — спросил Иванов вместо приветствия.

— Здоров,— равнодушно ответил Олег.

Иванов протянул Олегу хлеб с маслом, мельком оглядел старые язвы костровиц, разбросанную посуду, сваленные в груды картоны и доски, этюдник и стал собирать ветки с уродливого шалаша, вытянул колья, переломив о колено, разжег костер. Потом разбросал по траве этюды. Некоторые были просто отличные: трава с цветами, остров в море, полыхающие кусты шиповника.

Олег пересел, протянул к огню тонкие руки, грязные, ободранные.

— Как мои родители? Мама как? — спросил Олег.

— А как ты думал? Плачет. Седая вся твоя мама.

Иванов осторожно наблюдал за Олегом, не нравился ему парень. Похвалил этюды.

— Да, — на минуту оживился Олег, — так работать... Со мной еще не бывало... Жаль, что вы не поехали.

— Тогда кто бы вывез тебя отсюда? Перевозчик твой с инсультом в больнице.

— Хорошо, что приехали, — тихо сказал Олег.

А Иванов подумал — ничего, отойдет. Он завернул в полиэтилен этюды, сложил одеяло и повесил на плечо этюдник. Олег понуро поплелся за ним к лодке, оскальзываясь на круглых камнях.

Обратная дорога тянулась в полном молчании. Кудрявый остров отдалялся. Даже в неприветливом море он выглядел дружелюбно. На берегу Иванов вытащил и посадил на цепь лодку, отнес мотор и бачок, забрал Олега, который, выйдя из лодки, сел на камень лицом к морю. У дома одиноко маячила девчоночья нескладная фигурка в кургузом розовом платье.

— Фабрику буду рисовать отсюда, — сказал Иванов.

— И я здесь писал, — оживился опять Олег. — Раньше я часто здесь бывал.

До города добрались за двадцать минут — Иванов снова поймал машину.

— Провожать тебя не надо?

— Я домой не пойду, — угрюмо сказал Олег.

— Как не пойдешь? — не понял Иванов.

— Не могу, — упрямо твердил Олег. — Стыдно. Не знаю, как и прийти, как я в глаза им посмотрю. И вообще...

— Идем ко мне, — сказал Иванов. — Лучше я сам с ними сперва повидаюсь. Так и разумнее. Подготовлю.

Когда вышла мать Иванова, Олег стоял в прихожей, повесив голову.

— Иди, — сказала женщина, подталкивая Олега в кухню, — умойся.

Она разогрела тушеную капусту и порезала хлеб. Руки у нее были большие, натруженные, движения уверенные. Делала она все не торопясь, а получалось быстро.

— Был на Перловском острове, — объяснил Иванов. Он положил себе добавку и ел, не поднимая на Олега глаз, зато на мать глядел долго, будто что-то хотел рассказать глазами. Олегковырял вилкой в тарелке.

— Сколько дней ты не ел? — спросила мать.

— Не помню. Каждый день ел, но мало, ягоды, грибы...

— Ты не хочешь есть? — опять спросила мать.

Олег отрицательно покачал головой.

— А что ты хочешь? Спать?

Олег подумал и пожал плечами.

— Тогда марш в ванную, — строго сказала она.

Личных вопросов она не задавала, всегда делала то, что нужно, и слушаться ее не приходило в голову. Иванов это знал по себе.

Олег зажег свет, пустил воду. Когда вошла мать, он стоял посреди ванной и смотрел себе под ноги. Мать заткнула ванну пробкой, сняла с безвольно покорившегося Олега рубашку и приказала:

— Ну-ка, быстро раздевайся.

Олег снял футболку, майку, носки и попросил:

— Вы идите, я буду мыться.

— Ты у меня не разговаривай, — отозвалась женщина, — я послежу, как ты будешь мыться.

— Я не могу при вас раздеваться.

— Чушь, — сказала она. — Говорю, раздевайся и лезь.

Олег отвернулся от нее, стащил заскоруждые брюки, потом трусы и, неловко прикрываясь, залез в теплую воду. Он так и сел поперек ванны, спиной к женщине, как вдруг властная и сильная рука нагнула его голову. Полилась вода, потом голова его взбухла от мыльной пены, а женщина трепала вихры, продираясь пальцами между волосами, мыла, включила теплый и ласковый дождь и снова трепала за вихры, что-то приговаривая. Наконец она намылила мочалку, приказала встать на колени, и он послушно встал. Женщина мыла его грубовато-ласковыми размашистыми движениями. И он заплакал. От тепла, от того, что вспомнил свою мать. И все перемешалось. Прежнее и теперешнее. И его мать, какой она была в его детстве, и эта.

— Ничего, — сказала она, — все пройдет. Разве это беды? Это еще не беды. Споласкивайся.

Она открыла душ и принесла одежду Иванова. Одежда оказалась короткой и широкой, зато чистой, теплой и сухой.

— Иди есть, — позвала из кухни.

Он потихоньку стал есть разогретую тушеную капусту и спросил:

— Где Иванов?

— К твоим поехал.

— Я тоже сейчас пойду, — сказал Олег.

— Правильно. Только поешь.

Пришел Иванов, а мать плескалась в ванной, и Олег догадался, что она стирает его одежду.

— Я домой, — сказал Олег.

— Можешь переночевать, — отозвался Иванов. — Но я бы на твоём месте пошел сегодня. Они тебя ждут.

8.

Олег не знал, как встретится с родителями, боялся встречи. Что им сказать? А они? Ругаться будут, возмущаться, а может, и разговаривать с ним не захотят?

Дверь открыл отец, и Олег застыл на пороге, опустив на пол вещи. Отец и мать стояли напротив и молчали. И он молчал.

— Мы тебя ждали, — наконец сказала мама и заплакала, а выражение лица у нее было такое, как весной, после школьного вечера, когда он устроил безобразный скандал — испуганное и растерянное. Отец дал ей носовой платок, а она сказала:

— Что же мы здесь стоим? Идемте, там все готово.

В кухне был накрыт стол. На крыле газовой плиты, возле чайника, притулилась пепельница с папиросными окурками.

— У вас кто-то был? — спросил Олег, показывая на пепельницу.

— Нет, это папа курит, — ответила мать. — Он ведь и раньше курил, а бросил, когда ты родился.

— Закуривай, — нерешительно предложил отец и протянул Олегу пачку.

— Я же не курю, — сказал Олег, — честное слово...

Мать опять заплакала, и Олег обнял ее, потому что подумал — сама она не решится его обнять.

— Садимся за стол, — бодро сказал отец.

Мама все не отпускала Олега, и он обнимал ее неловко, непривычно. Была она маленькой, худенькой, а волосы у нее серые и тонкие.

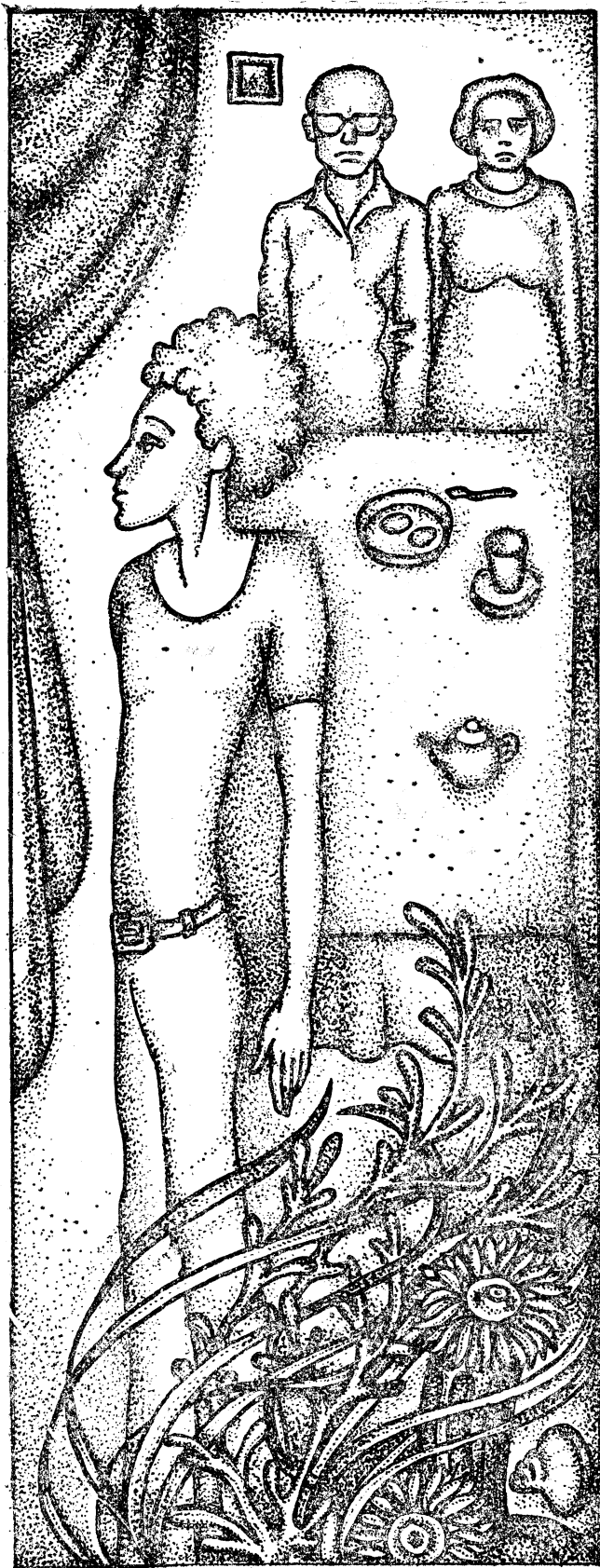
Он сказал сдавленно:

— Пойду умоюсь. Есть я не хочу, а чаю пою.

— У тебя на столе письма от Димы, — рассказывал отец, бредя за ним в ванную. — А Инна не поехала без тебя поступать, на будущий год вместе поедете...

Потом Олег лежал в своей постели. Дверь оставил открытой, и рассеянный свет из кухни падал на ковер над кроватью. Узор на ковре Олег рассматривал все семнадцать лет своей жизни. Из треугольников, квадратиков и палочек складывались медведь, стоящий на задних лапах, собачка в котелке и множество человечков с членистыми брюшками и несколькими парами ручек, как у жука, верхние ручки держали штангу. И эта неизменная жизнь фантастических существ на ковре, известная одному Олегу, говорила о добром его доме и мире.

На минуту, сквозь сон, почудился шум леса и набегающей волны, но тут же он понял, что это включился и заворчал холодильник да отец ходит по кухне. Потом он слышал, как тихонько вошла мама и села у его постели. Час он спал или минуту, только, когда открыл глаза, мама все еще была тут.

ВДОХНОВЕНИЕ

Юрий
ОРЛИЦКИЙ

Слайды и снимки автора

Ранней осенью подмосковный город Хотьково необыкновенно красив. Раскинувшийся на поросших деревьями холмах, он в полном смысле слова живописен. Что любопытно: идешь по улицам и поражаешься — где-то все это уже видел? А потом словно прозреваешь: вот этот мостик писал Кончаловский, здесь работал Нестеров, там — Попков, Андронов, Маврина...

Здесь, в Хотьково, живет много художников. На живописных полотнах и графических листах, в скульптуре и в вышивке, на ложках, шкатулках и даже... на матрешках узнаешь и город, и его жителей.

Хочется рассказать о работах молодой, родом из Челябинска, художницы — Валентины Булыгиной; особенно поражает в них умение автора возвысить повседневный быт до ранга бытия, слить воедино сегодняшнее и вечное.

Передо мной небольшая расписная шкатулка. На ее крышке — людная хотьковская улица, играющие дети, полуразрушенный старинный монастырь на холме. А вот переходит речушку по железному мостику погруженный в свои думы художник Веснин с картиной под мышкой: кажется, его для того и окликнули, чтобы он, обернувшись на зов, попал на прихотливой формы деревянную солонку. Рядом — болтущая, «восемнадцатиместная», как здесь полшутя-полусерьезно говорят, хотьковская матрешка; на ее платье нашли свое место и соседи Булыгиной по дому, и друзья-художники, и их дети; вот сама Валентина стряпает на кухне обед, вот ее муж (тоже, кстати, художник) работает в своей мастерской, а вот — совсем уж неожиданно среди ярких и радостных по колориту картинок чуть-чуть идеализированной полугородской-полудеревенской жизни — похороны, сидящие у гроба старушки в черном. Жизнь во всех своих повседневных проявлениях — пестрая, многоцветная, сложная — переносится художницей на деревянные плоскости и как бы застывает на них, навеки запечатлев быстротекущее время.

Роспись по дереву — только одна из специализаций Валентины Булыгиной, главное же ее дело — керамика, в которой соединилось и давнее увлечение скульптурой, и более позднее — росписью.

В росписях Булыгиной торжествует жизнь: герои художницы лишены красоты, они прекрасны своим делом, своими чувствами и переживаниями. Вот любящая пара, как бы парящая над городом, — ее художница поместила на крышке блинного набора «Хотьково». Вот музыканты, целиком отдавшиеся своему искусству, — эту серию декоративных ваз художница посвятила Международному конкурсу имени Чайковского. Вот девушка с кувшином, меньше всего похожая на традиционную «поселянку»: не просто красавица, а сложный человеческий характер, причем на каждом из одинаковых по форме кувшинов (а их будет целая серия) — совершенно иной!

Можно сказать — и это не будет парадоксом, — что декоративность как художественный принцип чужда искусству Валентины Булыгиной. В ее росписях происходит живой синтез живописи и графики, скульптуры и орнамента. И в каждой работе обязательно присутствует человек, оживляющий и одухотворяющий предмет.

Когда о художнике говорят, что он «пришел в искусство», это обычно — просто стершаяся от многократного употребления фраза: чаще всего талантливых мальчишек и девчонок кто-то «открывает» и «приводит». А вот про Валентину действительно можно сказать, что она самостоятельно пришла в искусство.

Валин отец, слесарь Челябинского металлургического завода, дважды в неделю пропадал из дому на весь вечер — играл на трубе в оркестре заводского Дворца культуры. Собственно, дворца тогда никакого не было, а была обыкновенная квартира, в комнатах которой по очереди занимались различные кружки, в том числе и изостудия, руководила которой начинающий в те годы педагог Валентина Трифонова Шарикова. К ней в ученицы и попала Валентина, заглянувшая как-то раз к отцу на репетицию.

«Смотрю, — вспоминает она, — сидят взрослые дядьки, рабочие, и рисуют что-то, с открыток перерисовывают. Мне тогда лет двенадцать было, дай, думаю, тоже попробую — рисовать-то я всегда любила. Села с ними — и давай тоже перерисовывать. А уже потом стала ходить на занятия к Валентине Трифоновне регулярно.

Один раз пришла днем и вижу: какие-то незнакомые мужчины скульптурой занимаются. Я говорю им: «Дайте, я попробую». Они засмеялись, но дали, и я давай лепить вместе с ними. И что вы думаете — у меня лучше всех получилось! Меня хвалят все, а я хоть бы смутилась. И стала с тех пор заниматься и живописью, и скульптурой».

А уже через два года на Всесоюзной выставке самодеятельных художников, проходившей в Москве, в Центральном выставочном зале, четырнадцатилетняя художница показывает сразу четырнадцать (по количеству своих лет!) скульптурных композиций.

Тогда же решила Валентина учиться дальше.

После школы поехала в Москву поступать на скульптурное отделение художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина. Но не прошла по конкурсу и получила предложение учиться в Абрамцевском художественно-промышленном училище, в Хотьково.

«Директор училища посмотрел мои работы, говорит: «Могу взять вас на отделение керамики». Ну, думаю, не ехать же домой, согласилась.

Конечно, это было не то, о чем я тогда мечтала: хотела стать скульптором, а тут вдруг горшки лепить...

И я решила: времени терять не буду, надо рисовать с утра до ночи. И начала...»

Соученики Валентины рассказывают, как она буквально заваливала своими рисунками училище: работала и с натуры, и — позднее, когда стала внимательно приглядываться к прикладному искусству, — в залах Загорского музея-заповедника, где собрана одна из лучших в стране коллекций изделий народных мастеров. Здесь Булыгина, по ее собственным словам, «все перерисовала» — и резьбу, и вышивки, и, разумеется, роспись по дереву и керамике. «До сих пор, когда прихожу сюда с учениками, волнуюсь».

Мне понятно, почему она волнуется: ведь именно здесь сделала для себя немало открытий, определивших в конечном итоге творческую судьбу, поняла, что в народном искусстве «есть все».

**ДЕКОРАТИВНЫЙ СОСУД
«НА БАЗАРЕ».**
Фаянс, роспись.

«Ученики? — Валентина на минуту задумывается. — Да, в нашем училище много талантливых ребят. Сколько я подготовила керамистов? Да около 150. Интересными художниками уже стали Рита Подгорная, Коля Туркин, Наташа Кириллова; главным художником работает в Гжели Валерий Розанов, ставший три года назад лауреатом премии Ленинского комсомола».

И тут же начинает рассказывать, как много дает ей работа с молодежью, — для нее очевидно, что учить (и тем более — научить) можно лишь тому, что умеешь и знаешь сам. А значит, всегда приходится осваивать что-то новое...

Пожив в Хотьково несколько дней, начинаю вдруг бояться, что теперь, зная реальных прототипов булыгинских росписей, вряд ли сумею смотреть на них глазами беспристрастного зрителя.

Но беру в руки фотографии и понимаю, что ошибся: «местный колорит», с первого взгляда бросающийся в глаза, постепенно отступает на второй план, и перед тобой уже не просто хотьковская улица, а Мир, не просто знакомый человек, а Художник, не ребятишки, которых успел запомнить по именам, а Детство... Такова сила искусства, превращающего частное в общее, личное в общечеловеческое.

«Важно, чтобы рука художника и его мышление были единым целым, руку надо иметь вдохновенную», — размышляет Валентина.

Наверное, именно это — вдохновенная рука настоящего художника — и делает все, что выходит из-под «простой» кисти недавней уральской школьницы, а сегодня — известной подмосковной художницы, участницы многих выставок, члена Союза художников СССР Валентины Булыгиной, самобытным, привлекательным, интересным для каждого.

«Вы не поверите, — рассказывает Валентина, — но свободе, раскованности я училась не у современных художников, а у мастеров традиционного народного искусства... Это только со стороны кажется, будто бы все у них — одинаковое. Я убеждена, что для старинных русских мастеров, многие из которых так и остались безымянными, раскрепощенность, способность к импровизации были так же естественны, как и для наших современников. Именно поэтому у Рублева — присмотрись повнимательнее — такие живые люди!»

Утверждение, что современному художнику нужно много, упорно трудиться, осваивая богатства созданного до него, далеко не ново. Но только увидев, как работает Валентина Булыгина, я понял, что «воловий труд»,

СОЛОНКА «ЛИЗА».
Дерево, темпера.

ДЕКОРАТИВНЫЙ СОСУД «ДВОЕ».
Майолика, роспись по эмали.

ДЕКОРАТИВНЫЕ
ВАЗЫ.
Майолика,
роспись по эмали.

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЛОЖКИ «ПЕРВОМАЙ».
Дерево, темпера.

без которого нет настоящего художника,— не метафора, а жесткая и даже жестокая правда.

Мастерская и квартира Булыгиной в самом прямом смысле завалены блокнотами, от корки до корки заполненными рисунками Валентины. В иной день ей не хватает блокнота — так много бывает впечатлений.

Заглянуть в эти самые первые черновики — не только интересно, но и поучительно: они помогают понять, как рождаются будущие росписи.

В черновиках Булыгиной нет, как это ни странно,

ничего случайного: каждая зарисовка — уже готовый сюжет для шкатулки, тарелки, солонки. Черновые наброски скомпонованы как готовые работы, и в линии рисунка не угадывается даже, а просто видится, как все это будет выглядеть в цвете, на выпуклой или вогнутой поверхности.

Думаю, не случайно Валентина показала на недавней персональной выставке не только свои росписи, но и графику — ведь это такая же неременная часть ее творчества, как и все остальное.

СЕВЕРНЫЙ РЕПОРТАЖ

**Альфред
ГОЛЬД**

*Рисунки
Е. Пинаева*

С вечера шеф дал разгон старшему редактору. Вызвал и спросил:

— Что в Новом Порту?

— Рыбку ловят...

— Так вот, чтобы тебе было известно, там уже половину пятилетнего плана выполнили! Там небывалый улов! А мы — ни гу-гу. Нас это не касается.

Старший что-то попытался возразить, но шеф его оборвал.

— Немедленно — в Новый Порт. Большой репортаж. Побольше о людях. Все. И немедленно.

Когда старший появился в дверях редакции, мне даже стало его жалко:

— Дуй с утра в Новый Порт! — сказал он. — Шеф стружку снимает!

Я все понял. Утречком сунул в портфель туалетные принадлежности, репортерский магнитофон, несколько пачек сигарет и отправился в путь.

Был первый день июня. Теплынь — градусов пятнадцать, не меньше! Дым первой зелени. Яркое солнце. Чистое небо...

Вертолет ввинчивался в лазурную высь с гулом, переходящим в звенящий визг. Все мельче становились земные строения, все шире и неохватнее круг горизонта. Вот уже обратился в планшетное свое изображение скромный Северный порядок, окруженный зеркальными разливами рек, изрезанный вдоль и поперек оврагами и ручьями. Наконец, он и вовсе исчез, растворился в тонкой лиловой дымке. Я глянул на шкалу высотомера. Стрелка остановилась на цифре семь. Всего семьсот метров над землей, а как разительно изменяется угол зрения!

Удивительно! — размышлял я прежде, пролетая над полями, лесами, реками. Люди, оказывается, за многие сотни лет неплохо изучили свою планету и громадные материка ее привели в строгий рациональный порядок. Леса, оказывается, расчленены прямыми, как стрелы, просеками, а степи и равнины разбиты на прямоугольники, различные по цвету и величине. Чудесна эта живопись возделанной человеком и щедро плодоносящей земли! Я любовался ею

в центральной полосе России, на Урале, в Сибири. Любовался, в сущности, упорядоченностью, логическим совершенством линий. Так было до той поры, пока мне не довелось подняться в небо Заполярья. Я поднялся в это небо, взглянул на землю, и вдруг все мои прежние представления о ней пошатнулись и рухнули. Я понял, что заблуждался, думая, будто знаю ее. Она была неприбранной, неухоженной; ядовитые пади болот, пятна красных лишайников, ртутные кляксы озер пестрели на ее лице. Оно, это лицо земли, было изрезано безобразными шрамами оврагов, изрыто оспой метеоритных дождей, и как овеществленные мысли змеились на нем, закручивались в невообразимые спирали, в лабиринты, из которых нет выхода, десятки плутающих рек и ручьев. Это была другая земля, другая планета, бросающая вызов привычным представлениям, смущающая дух, будоражащая мозг, завораживающая взор своей первозданностью.

Когда вертолет приземлился, я направился к горстке людей в телогрейках, в спецовках, в оранжевых рыбацких костюмах. Там, где они орудовали лопатками, таскали ящики, что-то обсуждали, сойдясь в кружок, выселись какие-то холмы явно искусственного происхождения.

Люди были поглощены работой и, даже когда я подошел к ним почти вплотную, на меня никто и внимания не обратил. Зато я, приглядевшись, буквально остолбенел: «холмы» оказались огромными кучами свежей, может быть, даже живой рыбы! И какая, боже мой, какая это была рыба! Громадные, почти в рост человека, торпедоподобные нельмы валялись в мокром снегу, у самых моих ног, выкатив темные, с красным ободком, зрачки и сцепив узкие хищные челюсти; полуметровые, как на подбор, горбатые муксуны играли серебряной чешуей; горбоносые, такие же крупные, как и муксуны, только со спинками, отливающими лиловым перламутром, щекуры в изобилии были тут. И сырок. Очень много сырка. Люди сортировали рыбу, укладывали в дощатые ящики, и эти ящики штабелями ставили на большие железные весы. Учетчицы заносили в журнал результаты взвешивания. И работа шла слаженно и споро...

— Кто здесь главный? — спросил я у человека в апельсиновой робе.

Он повернул ко мне скуластое смуглое лицо, посмотрел по сторонам и молча указал рукой на среднего роста мужчину в телогрейке, в резиновых сапогах и при этом — в шляпе и при галстуке.

Я подошел к нему и представился по всей форме.

— Конев, — назвалса он. — Замдиректора по рыбодобыче.

Наступила неловкая пауза. Он не знал, что я от него хочу, я не был готов задавать вопросы.

— Черт возьми! Третий год живу на Ямале, но никогда не видел столько рыбы! — пожаловался я.

Он горько усмехнулся.

— Не успеваем вывозить с порядков! Рыба валом идет. Бригады дневные задания выполняют на двести — триста процентов. А мы не успеваем вывозить! Теперь еще ничего... Авиация на это дело бросили. А то — одними тракторами... Пока одну партию везем сюда, за 20 километров, другая теряет сортность под снегом. Там, у рыбаков, рыбка на льду сложена. Десятки центнеров! Снегом забросают и ждут, пока за ней приедут на тракторе. Теперь вот — авиация. Придумали корыто такое — тонна в него входит. Цепляем на подвеску это корыто и таскаем помаленьку...

— Успеете вывезти?

Он пожал плечами.

— Должны вообще-то успеть. Пока лед держит, тракторишки тоже не дремлют. Таскают помаленьку. Правда, вчера один нырнул уже под лед... Хорошо — тракторист успел выскокить. Да и берег — рядом. Плохо... Запретили бы нам ездить по льду. Слабый он по весне. А у вас в Салехарде навигация-то уже началась?

— А как же! Неделю назад...

— Понятно!

Он говорил рассеянно. Больше прислушивался, лова отдаленный, вибрирующий, как тронутая медиатором басовая струна, нарастающий звук.

— Вертолет летит, — сказал я.

— Ага... Летит, — согласился Конев. — Это, видно, от Вани Окодетто. Там у них тонн пять под снегом сложено. Ушел час назад. Вот, наверное, летит.

Две черных точки выплыли из безоблачного неба и стали расти. МИ-8 нес на тросах корыто. Оно разворачивалось в воздухе и то превращалось в точку, то вырастало до неимоверных размеров и казалось больше самого вертолета. Не прошло и трех минут, как вертолет уже завис над нашими головами и стал садиться. Из корыта вывалилось штук пять или шесть рыбин и

одна за другой увесисто шлепнулись в мокрый снег, разметав брызги.

Вертолет, принесший корыто, сел в стороне от сваленной рыбы и ждал пассажиров.

— Атенка! Терко! Ола! — крикнул Конев и резко махнул рукой. — Поехали.

Мы направились к машине. Следом за нами неуклюже, в широких вместительных робах, поспешали трое рыбаков-ненцев.

— Сначала полетим к Окодетто Няси, — на ходу сообщал Конев. — У них дела идут хорошо. Чапала должен быть там. Вы Чапалу-то знаете, Прокопия Яковлевича? Нет? Сейчас-то я его заберу с собой. Вездеход останется в вашем распоряжении до вечера. А переночуете у Чапалы, в Хадиби-Яхе. Там у него все есть, в том числе и торгпункт! Штаб-квартира там!..

И опять полет над белым с легким фиолетовым отливом пустынным полем губы... Летели минут двадцать, не больше. Наконец, вертолет заложил довольно лихой вираж. Плоская равнина качнулась, поползла вверх, в голубизну неба. На какое-то мгновение пространство искривилось, глаза потеряли ориентир, голова пошла кругом. Но вот машина выровнялась. Сильно захлопали несущие лопасти. Все видневшиеся внизу предметы стали быстро увеличиваться в размерах.

Оранжевый цветок — я его заметил еще до разворота — превратился в горстку людей, разбирающих сети; серый жучок, бежавший по белой столешнице, — в довольно громоздкий обшарпанный вездеход «АТЛ», образца прошлого десятилетия; черные червячки, шустро переползавшие с места на место, оказались тремя собачьими упряжками — единственным, как я понял, разъездным транспортом рыбаков.

Чапала встречал нас у трапа. Я не знал, что это — Чапала, но интуиция подсказала. Просто экзотический вид этого человека удивительно соответствовал странной его фамилии. Это был плечистый, крупный старик с одутловатым розовым лицом, покрытым сплошь колючей сивой щетиной. Блекло-голубые отцветшие глаза глядели сердито из-под пепельных бровей. Сердитость показалась мне напускной: доводилось встречать душевно добрых людей, пострадавших от своей доброты, сердитых на свою доброту и прикрывающих ее внешней суровостью. Похоже, Чапала был из таких чудачков. На нем был серый вязаный свитер с глухим воротом, плотно облегающим мощную шею; самого последнего, пожалуй, размера ватник делал фигуру еще массивней и внушительней. Обут он был в резиновые бродни и стоял прочно, сунув левую руку в карман, а правую держал у подбородка,

пряча в ней едва заметный и едва дымящийся окурок.

— Здорово живешь, Прокопий Яковлевич,— сказал Конев.— Ань тарова, мужики!

Чапала кивнул.

— Вот корреспондента тебе привез. Поговоришь с человеком, скажешь, что да как у тебя.

— Не до разговоров.— Чапала не сказал — буркнул. Голос у него был глухой и осипший.

— Ничего, ничего. Выкroiшь времечко,— Конев начальствующе оглядел порядок.— Сколько Няси нынче поднял?

— Капрон привезли? — вместо ответа спросил старик.

— Нет капрона пока... Ты ж знаешь...

— Не знаю! Дали драные. Чинить нечем. Иглиц и тех нет.

— Так сколько Няси поймал? — повторил Конев.

Чапала помолчал немного, повернулся и пошел прочь. Шаг у старика был широкий, и поспевать за ним было нелегко.

Так мы почти трусой добежали до снежного бруствера, возвышающегося надо льдом. Все так же молча, словно забыл про нас, Чапала наклонился, разгреб пальцами сырой липкий снег, из-под которого показался край брезента. Он ухватился за этот край и рывком дернул вверх. Под брезентом был склад рыбы, такой же крупной, красивой рыбы, как на рейде Нового Порта.

Он обернулся и тяжело уставился на инженера.

— Сколь она будет лежать? Третьи сутки пошли. Сгноим!

— Трактор твой нырнул, Прокопий Яковлевич. Я ж тебе сообщал по радию,— Конев виновато пожеглся.— Вертолетов мало. Три всего. Так что чего ими тремя навозишь? У них норма — восемь часов!

— На кой же ляд еще-то ловить? — просипел Чапала.— Эту не вывезем.

— Может, вывезем,— Конев сморщил лоб, поглядел на небо.— Припекает. Трактора-то опасно пускать! Приказ директора передали тебе? В общем, с четвертого числа ценные породы кончаем ловить... Берем только сырка, ряпушку и всякую другую мелочь.

— Это пошто? Кто выдумал?

— Наука!

— Наука? — Чапала глубоко затынулся. Неторопливо выпустил дым. Рассудил:— Науке, может, и видней, что там — подо льдом. Правильно говорят: рука — хватай, голова — думай. Наука все же...

Полевое общежитие бригады размещалось в обширной землянке. То есть я даже не знаю, правильно ли будет назвать землянкой выруб-

ленное во льду углубление, застеленное досками, обставленное по стенам бревнами, обтянутое палаточным брезентом по бревенчатому перекрытию и засыпанное сверху снегом. Мы спустились в этот «блиндаж» по ледяным ступенькам, толкнули дверь и оказались в довольно просторном помещении с деревянными нарами вдоль стен, с тесовым столом и тесовыми скамейками в центре. На столе было множество вскрытых ножом и выпотрошенных консервных банок с окурками, тут же валялись хлебные крошки. Остро пахло керосином (под потолком висели две керосиновые лампы), еще пахло рыбой, консервами в томатном соусе и отработанным табачным дымом.

Рыбаки собирались неторопливо. Приходили по двое, по трое. Рассаживались кто на нары, кто на пол. Закуривали и молча ждали, что скажет начальство. Все они, как один, были в оранжевых прорезиненных костюмах, надетых поверх телогреек и ватных штанов. Такое обмундирование делало их неуклюжими, тучными и похожими друг на друга, как братья-близнецы. Да они и впрямь были похожими — скуластые, раскосые люди тундры.

Конев вынул из-за пазухи свернутый вчетверо листок, расправил его и без излишних церемоний зачитал выписку из директорского приказа. Закончив чтение, он сказал:

— В общем, поработали вы хорошо. Вся бригада. Все хорошо работали. Каждому и премия... по десять рублей. Одинаково,— он протянул пачку тонких белых конвертов средних лет нецензу, покуривающему на полу, возле стола.— Ококетто Няси, вот, бери. Раздашь потом своим ребятам. И еще, значит, вымпел директор вам передал. Храните его. Никому не отдавайте, значит.

Раздались недружные, вразнобой, хлопки. На лицах собравшихся людей, я обратил внимание, не дрогнул ни один мускул. Но хлопали до тех пор, пока Конев не сказал, смущенно откашлявшись:

— Ну, а теперь — по местам, что ли? Или, может, уж обедать пора? — Он посмотрел на ручные часы, перевел взгляд на молчаливого идолоподобного Ококетто Няси, улыбнулся.— Значит так... Желаю вам новых успехов, как говорится, на благо Родины!

Тогда встал Чапала и тоже произнес речь, обращаясь только к бригадире:

— Ты, Няси, особо-то высоко не возносись. Сегодня мы тебя поздравляем. А ведь Зайцев Рудольф и Ококетто Иван получше вашего ребят. И дисциплина у них получше вашего. Да... А теперь встань вот, скажи, если чего тебе не хватает, пока начальство тут. Начальство-то нынче, что рыбака: проспал момент — потом ищи!

Рыбаки заулыбались.

— Правильно говорит Прокопий Яковлевич.—

Няси встал и серьезно оглядел своих товарищей.— Надо говорить... А чего говорить так? Ничего работаем. Спасибо. Надо лучше. Капрона нету, так рыбка дырки бежит... Рыбки много берем-та, ящики где? Нет ящиков. Не хватает. А так ничего работаем.

— Ты слушай, слушай, Сергеич,— ворчливо сказал Чапала.

— Тушенки бы надо хотя бы,— продолжал Няси.— Тушенки нет. Сгущенки тоже нет. Одну рыбку жрать надоело... Дрова надо. Печку чем топить? А так ничего работаем. План-то даем. Правильно говорю? Я врать-та не буду... Что есть, так сказал.

Няси снова уселся на пол и прочно замолчал, словно провалился в бездонную внутреннюю яму.

Конев был, видно, несколько смущен тем, как обернулось торжество. Но взял себя в руки и пообещал.

— Ладно. Мы примем меры.

Наверху все так же ярко, ослепительно сияло солнце. Чапала подошел к вездеходу и постучал кулаком в дверцу кабины. Гулким грохотом отозвалась жесть. В тот же миг в оконном проеме показалось молодое заспанное лицо в вязаной лыжной шапочке с бомбошкой.

— Женька! — позвал Чапала.— Слышь! Я, значит, с начальством полечу верхоглядеть. А тебе вот — корреспондент. Поезжай с ним куда скажет. К вечеру доставишь к нам, в Хадиби-Яху...

Малый, на вид ему было лет двадцать семь, без всякого интереса оглядел меня прозрачными, все еще блуждающими в добрых сновидениях глазами и выдавил, превозмогая зевоту:

— Садитесь!

Я поблагодарил Конева и Чапалу, пообещал, что вечером буду, как штык, в Хадиби-Яхе, а утром — в Новом Порту, и взялся за ручку кабинной дверцы. С первого легкого рывка дверца не поддалась. Я дернул еще. Тщетно!

— Сильней! — сонно посоветовал Женька.

Я рванул так, что едва не стряс себе мозги. Но и теперь дверца осталась на своем месте, словно ее приварили.

Женька вывалился из кабины и обошел спереди вездеход. Он оказался рослым широкоплечим парнем. Все на нем сидело ладно: и шерстяной, плотной вязки, свитер, и узкие, в обтяжку, джинсы. И только голенища кирзовых сапог выглядели обрубленными на его длинных ногах. Он взялся за ручку, чуть придавил ее вниз и дернул на себя. Раздался скрежет и визг. Дверца отворилась. Женька похлопал ладошкой по стальному крылу, прикрывающему гусеницу...

— Погнул малость... Дверца задевает теперь. Выправить бы надо, да времени нет.

Я влез в кабину, с тем же скрежетом хлопнул дверцу и впервые за все это время достал и блаженно раскурил сигарету. И предложил Женьке:

— Угощайся!

Он кивнул, но не взял из моей, а пошарил за теньвым козырьком кабины и достал пачку «Ту».

— Болгарские,— удивился я.— Где брал?

— В поселке... В столовой продают. Угощайтесь...

— Добро. Давай знакомиться.— Я назвал-ся.— А твоя как фамилия?

— Русанов... Евгений,— рука у него была прочная, костистая, как весь он с головы до пят.— Так, значит, куда едем?

— Куда? — переспросил я. И растерялся. Я не знал куда ехать. Потому спросил в свою очередь:— Ходиби-Яха далеко?

— Верст сорок будет,— сказал он.

В кабине было жарко, и я скинул шляпу.

— А если, скажем, ехать не торопясь в сторону Хадиби-Яхи, там, по пути, бригады еще есть?

— Есть,— сказал он.— Окотетто Иван километрах в двадцати отсюда рыбачит. Как раз по пути.

— Тогда двигай к Ивану...

Вездеход шелестел по рыхлому мокрому снегу вдоль рыбных хранилищ на льду, вдоль сетей, развешанных на косях кольях. Не доехав до края порядка, Русанов резко повернул машину вправо, и я увидел перед собой уходящую в беспредельность губы рубчатую парную колею. Вездеход ровно втягивался в ледовую тракторную тропу, набирая скорость.

— Гляньте-ка,— перекрывая шум мотора, крикнул Русанов, и бомбошка на его шапочке резко дернулась влево.— Во цирк!

Слева от нас, метрах в двадцати, обрывая постромки, неслись две собачьи упряжки. Седоки их не подгоняли. Громадные лохматые псы, выпрастав розовые языки, прижав короткие уши и почти стелясь по снежной целине, легко несли ездовые нарты параллельно нашему курсу. Женька прибавил газу. Стрелка спидометра поползла к пятидесяти. Собаки прибавили прыти. И шли вровень с машиной. Гонка становилась захватывающей.

— Пятьдесят! — кричал я.— Пятьдесят пять. Ну несут, звери! На сколько же их хватит?!

Их хватило километра на полтора. Собаки, начав отставать, подняли лай, потом успокоились и побежали рысцей... Русанов к тому времени раскочегарил машину, и мы неслись по льду со скоростью уже шестьдесят километров в час, рассекая и разбрызгивая по сторонам комья мокрого снега. Дорога уходила в голубиз-

ну. Эта голубизна беспокоила меня, насторожила. Но вездеход не сбавлял скорость. Предчувствуя недоброе, я крикнул:

— Вода, Женя! Смотри! Это ж вода!

— Ага! — буднично отозвался Русанов. — Вода и есть!

Мы с размаху влетели в громадное озеро. Каскады струй взвились высоко вверх, как изпод корабельного форштевня, когда судно проваливается в ямину между волн. По лобовому обильно потекли ручьи, застилая видимость.

Пока мы ехали по дороге, я не волновался, хотя и знал, конечно, что дорога эта проложена по льду, а подо льдом — море. Но была дорога. Ее было видно...

Я покосился на Русанова. Он был неподдельно спокоен. И курил. Лихой малый!

— Слушай! — сказал я, не узнавая свой голос. — Ты слышал, что у Нового Порта вчера трактор утонул?

— Слышал! — отозвался Русанов. — У берега. Это еще что! Сегодня, мужики говорят, наш вездеход у Хадиби-Яхи нырнул. Лешка на нем. Ко-реш!

— Утонул, что ли?

— Нет, говорят. Вроде обошлось. «Газушка», вездеход. Амфибия.

— А этот плавает?

— Этот? — Женя усмехнулся. — Этот, как топор!

— Дела! — искренне вздохнул я. — Ну, и не боишься ты бороздить лед на своей колымаге?

— А чего бояться? — Женя передернул плечами. — Бойсь не бойсь, а работать надо! Старики вообще-то говорят — ледок до десятого июня обычно держит. Вот до десятого покатаемся, а уж потом — шабаш!

— Дела! — повторил я. — Фатализм какой-то! А семья-то у тебя есть, Женя?

— Есть, — сказал Русанов. — Родители в Тобольске. А здесь жена, ребенок. Она здешняя, учителствует в интернате.

— Ну-ну...

— Что? Вот с армии пришел — поженились. У нее — педучилище. У меня — техникум. Я механик вообще-то... Но на машине — лучше. Сам себе хозяин!

Я всерьез обрадовался, когда вдруг вдалеке показались остроугольные выступы: чумы или, может быть, крыши домов. Русанов тоже видел их, и я не стал вслух выражать свою радость. Что за мальчишество — бурлить по каждому поводу? Знаем же, куда едем. Вот и цель впереди. Нормально! А все-таки прекрасно увидеть человеческое жилье в пустыне. Хоть и у самого горизонта. Еще минут двадцать ходу — и мы на месте!

Боже мой! Как я ошибся! Островерхие выступы оказались нагромождением торосов. И ходу до них было не двадцать, а всего пять минут... Их

гребни сверкали на солнце, а теневые стороны отливали густой синевой.

Русанов обогнул ледяной кряж с восточной стороны, и едва мы проскочили крайнюю в цепи остроугольную глыбу, как впереди опять замаячило нечто, напоминающее строения поселка. У меня больше не было иллюзий на этот счет. И все же я немало удивился, когда на самом деле увидел рыбацкий порядок с разбросанными повсюду ящиками для рыбы. Надо же — небольшие дощатые ящики, а казались домами! Мне стало смешно: оказывается, на этой плоской равнине все предметы, видимые издалека, просто страдают манией величия!

— Если ящик здесь кажется домом, — рассуждал я, — то каким же должен выглядеть дом?!

Однако, когда вдали завиднелись действительно острые верхи чумов, они не показались мне большими. Поразмыслив над этим явлением, я сделал еще один вывод: оказывается, манией величия страдают только маленькие предметы, которым хочется во что бы то ни стало казаться большими. Просто оптический обман: линия горизонта как бы сама придвигается к находящемуся на плоскости предмету, и создается иллюзия его значительной отдаленности, а стало быть, и высоты. Большие же предметы видны действительно далеко. И никого не стараются ввести в заблуждение!

В бригаде Ивана Окотетто мы проторчали до конца дня. Здесь была запарка. Вертолеты прилетали через каждые 20—30 минут. Рыбу уже не ловили, а только загружали в короба, цепляли к подвеске, и вертолет орлом взмывал в небо. В промежутках между рейсами я пытался поговорить с рыбаками, даже включал магнитофон, но кроме отрывочных фраз и казенных высказываний о выполнении плана, ничего не сумел записать. Люди действительно работали в поте лица: вскрывали ледовые свои морозильники, сворачивали брезент, разгребали рыбку. Часть аккуратно укладывали в замусоленные, облепленные чешуей ящики, часть — лопатами засыпали в железные короба. Трое апельсиновых мужичков, я их узнал, они летели со мной утром из Нового Порта, трудились здесь, штабелями укладывали ящики на железные тракторные сани... Русанов тоже включился в рабочий ритм. Он цеплял за фаркоп короба с рыбой и тащил их на вертолетную площадку. Обратное при-таскивал уже пустые, оставленные летчиками.

Мы освободились только часов в восемь вечера, когда отправили последний вертолет и загрузили последний трактор с санями. Иван Окотетто — довольно рослый и по виду физически сильный человек — утер рукавом телогрейки пот и похлопал по плечу Русанова.

— Спасибо. Помог нынче много, Женя. Ча-

палу увидишь, скажи. Центнеров тридцать еще остались так,— и махнул рукой.— Лакамбой, до свидания!

Поселок Хадиби-Яха чадил сладким вечерним дымком. Дымок струйками вился над верушками четырех или пяти чумов, стоящих вразброс среди голых кустов тальника, поодаль друг от друга, и выпархивал из труб двух небольших, стоящих рядышком барачков. Эти шесть или семь строений и назывались поселком Хадиби-Яха. Даже скорее не поселком, а «песком», куда рыбаки выезжают на весь летне-осенний сезон. Мы стояли метрах в трехстах от крайнего чума, и весь поселок, вернее, весь островок, на котором он находился, был виден, как на ладони. Мы сидели на крыше кабины и с наслаждением вкушали неповторимый, напоминающий о горячей пище, аромат долетающего до нас дыма.

— Как в той басне,— пошутил я,— видит око, да зуб неймет!

— Точно! — согласился Женька.

Все пространство между нами и берегом было затянато синей тихой водой. Даже отчаянный Русанов теперь засомневался: а что, если кромка льда отошла от берега и находится где-нибудь здесь, в двух-трех метрах от нас? А если и нет, то все равно, хорошо бы знать, где, в каком месте проломил лед Лешкин вездеход...

— Так! — сказал наконец Женька, недовольно кривясь и почесывая кудлатый затылок.— У нас, значит, есть только один путь... Утром я отсюда же выезжал. Поищу свой след. Может, по нему... Проедем, думаю...

Вездеход неторопливо, на низшей передаче, полз по краю громадной полыньи. Русанов внимательно оглядывал лед. Вот что-то заметил. Резко затормозил и рывком повернул машину носом к воде. Губы его плотно сцепились, глаза сузились, под розовыми мочками упруго катнулись желваки.

— Открой свою дверцу! — сказал я, откачнувшись от спинки сиденья.— Открой, не пижонь!

Он не слушал меня. Вездеход зеленой рептилией заползал в воду. И не просто заползал, а погружался в нее!

Меня его упрямство взбесило. Теперь, конечно, я находился в более выгодном положении: над головой зияла дыра запасного люка. Но оно какого черта ведет себя по-дурацки?! Потом, на дне, кому и что докажешь!

Зеркало воды уже поднялось до радиатора и скрыло гусеницы... Дверцы кабины не герметичны. Еще немного, и вода просочится в кабину. Нервы напряглись до предела. Но Женька молчал. И я молчал, стараясь ни одним мускулом не выдать волнения. Меня только злило его упрямство. Я был сильно зол на него. Вот доберемся до берега... Но... уже и крыло в воде.

Я покосился на Русанова. Он тут же почувствовал взгляд, повернулся ко мне и с усмешкой подмигнул:

— Нормально, корреспондент! Ставь богу свечку! Пронесло!

Нас действительно «пронесло». Движение машины выровнялось. Вездеход шел по крыльям в воде. Пол кабины залило сантиметров на пять, и мне пришлось поднимать колени. Но теперь он шел ровно. А вскоре и вовсе пополз в горку, со звоном процарапывая гусеницами подводный лед.

На берегу я позабыл злость. Мы лихо прогрохотали между двух чумов, растревожив целую свору собак, с перепугу захлебнувшихся истощным лаем и визгом. У крыльца крайнего барака Женька осадил вездеход, заглушил мотор. И мы наконец сошли на влажную, податливую, в желтых волосьях прошлогодней травы землю. Нам было хорошо.

— Поздравляю! — сказал я.— Можешь идти капитаном!

Русанов простодушно улыбнулся.

— Порядок!

На крыльцо он всходил неуверенно. От усталости и нервного напряжения его шатало.

В комнате, куда мы вошли, миновав темные сени, коридор и отворив шаткую, обитую фанерой дверь, было полусумрачно. По облупленным, закопченным стенам плавали розовые блики. Пахло перегаром, куревом, мужским потом и рыбным варевом. Хороший это был настой: охотничий, холостяцкий, приятный для нюха любого бродяги! Комната не пустовала. Судя по разнообразному сопению, храпу и бормотанию, в ней было не менее пяти-шести постояльцев. Двое из них бодрствовали, сидя за тесовым столом — друг против друга, уперев локти в тесовую столешницу, водруженную на две крестовины. Остальные спали на нарах слева, у стены, натянув на головы полосатые байковые одеяла, и в спальниках, на полу. Два больших окна, разделенных узким простенком, были не зашторены и свободно пропускали в помещение мягкий переливчатый свет белой ночи.

На нарах, во втором ярусе, послышался шорох. Край одеяла отлетел, и я увидел взбудораженное, заспанное лицо Чапалы. Он быстро поднес к носу руку и невидяще уставился на ручные часы.

— Сколь время? — просипел его простуженный грудной голос.

— Одиннадцать! — сказал Русанов.— Спи, Прокопий Яковлевич. Время детское.

— Ты, Женька? Как там у Окодетто?

— Центнеров тридцать еще.— Женька пододвинул ногой табуретку.— Трактору — на один жевок. Вывезут к утру. Лешка здесь?

— Здесь... Вон спит.

Тяжело хрустнули доски. Чапала сел на нарах, свесил босые, красные в суставах ревматические ноги.

— Ждал, ждал... Да соснул чуток...— Трудно прозревающие затекшие глаза Чапалы шарили по комнате. Наконец, взгляд остановился на мне.— Как добрались? Нормально? Скидывайте одежду-то. Располагайтесь...

Я кивнул.

Чапала неуклюже, по-стариковски стал спускаться с нар.

Русанов подошел к печи, присел, пододвинул поближе эмалированный тазик, стоявший здесь же, на железном порошке, и принялся выгребать золу. Золы было много. В тазике вырос террикон. Женька взял тазик и исчез за дверью. Я поставил в угол портфель, магнитофон, скинул пальтишко и вышел следом за ним...

Русанов уже вытряхнул золу, аккуратно поставил к завалинке тазик, достал из-под крыльца топор и стал ловко разделять сваленные в кучу ящики из-под консервов, скрепленные тонкой проволокой.

— Давай помогу,— предложил я.— Есть еще топор?

— Да нет. Я мигом. Только на растопку,— сказал он.— Идите в дом. Рыбка есть. Ушицу заварим.

Минут через десять печь ожила. Плясал огонь. Трещали полешки. Ветровой гул пламени ласкал слух. Дух чудесного варева обволакивал обоняние. Хотелось жить только этой ночью, только этим мигом простых вожделений. Постояльцы расшевелились. Зажгли лампу, присоединив тонкие провода к аккумуляторной батарее. Стало светло и безотчетно весело.

От шума проснулся Лешка. Заворочался сперва, потом приподнялся с пола, выпростав из спальника смуглое голое тело. Лицо у него было красивое, точеное. Из-под шапки кучерявых рыхлых волос притуманенно глядели голубые глаза.

— Живой? — подмигнул ему Женька.

— Живой, а чо? — Лешка пошарил в головах спальника и достал «Беломор».

— Да ничего,— Женька прищурился.— Как тебя угораздило, спрашиваю. Нюх, что ль, потерял?

— А-а! — Лешка опустил голову.— Черпанул маленько бортом. Выкарабкался. Саньку вон чуть не утопил. А сам ничего. Ты где заезжал?

— Тут вот,— Женька показал рукой в стену.— По старому следу...

Лешка кивнул.

— Ну правильно. А меня черт понес наискосок, к мысочку...

Уха была из осетровых голов. Огромную кастрюлю с черными от сажи боками водрузили

на центр стола. Разлили по тарелкам густой бульон, выловив каждому понемногу мелко нарезанной картошки. Облупили и порезали прямо на столе две крупные, с кулак, луковые головки. Голову осетра, большую, долгоносую, с белыми сварившимися глазками, изъяли из кастрюли и положили на круглое алюминиевое блюдо. Стол окутался паром.

— Будьте здоровы! — буркнул Чапала и протянул мне зажатый в толстых надежных пальцах стакан. Мы выпили первыми и без церемоний навалились на уху. Хорошая это была уха! Я такой отродясь не едал! И лук был хороший. И картошка. Когда ложки дружно застучали по донышкам тарелок и чашек, я обратился к Чапале:

— Поговорить бы надо, Прокопий Яковлевич. Нормы-то у вас на триста процентов пере-выполняют. А как удается? За счет чего?

— А за счет чего? — прищурился и будто бы передразнил меня Чапала.— Тут и знать нечего! Рыбка валом идет. Черпай себе, сколь хошь! Вот и весь ответ... В позапрошлом годе так же пошла...

Чапала перевернул стакан вверх донышком и положил на него хлебный кусок.

— Что такое «загар» знаете? Это когда рыбка с верховий от заморных вод бежит, стадами в губу скатывается.

— От заморных? — переспросил я.

— Ну да... Таег. С болот гнилая вода в реку ж течет. Вот и образуется заморная вода. Там рыбке дышать нечем. Она и бежит от той мертвой воды. Либо по котлам прячется. Тутока, недалеко, где Новый Порт стоит, есть у нас такой котел. С одной стороны берег изогнут, вроде как серпом. А ручкой у того серпа — мыс, Мар-Сале. Далеко от течения отходит этот залив. Вот в позапрошлом годе в этот залив — или хоть котлом его называй — рыбки зашло — уйма! Ну и, конечно, у начальства нашего страсти разыграли... Давай городьбу городить... Все входы и выходы из того котла сетями перегородили. Ну, брали, конечно. Брали, брали, да уж и брать некуда. А заморная-то вода возьми от главного русла да и отверни маленько — в котел. Вот тут ей, рыбке-то, и пришел конец! И замор поджигат, и улизнуть некуда!

Чапала помолчал.

— Что было, то было. Об этом уж чего вспоминать! А вы-то вот, я вижу, грамотный человек. В институте, наверное, учились. Вы мне, темному мужику, объясните, что значит план...

— План? — я пожал плечами. Чуял какой-то подвох в его вопросе, но все же ответил:— Это определенное задание, так я понимаю.

— Та-ак,— раздумчиво протянул Чапала.— Так-то оно так. Если, скажем, мы план составили, да его не выполняем, это, конечно, плохо. Я так рассуждаю. Что-то мы, значит, не додаем.

Кто-то от нашей недодачи страдать будет. Ну, а если наоборот? Если выполняем план, но норовим перевыполнить. Это хорошо?

— Хорошо,— сказал я.

Чапала посмотрел на меня оценивающе.

— Хорошо, говорите?.. А я вот своей темной башкой рассуждаю иначе. План, так я рассуждаю, не с потолка берут. Его умные люди составляют и все, поди, учитывают: и потребность, и наличие. Рыбка вот, к примеру, расти должна, размножаться. Ее надо брать аккуратно, с расчетом на будущее. Потому план для нас должен быть вроде закона: не выполнить не моги, но и больше не бери, сверх его. Или очень легонько, с умом. А то получается хищничество. В общем, есть тут заковыка! Есть ведь?

Я кивнул:

— Есть, наверное... Но что с того? Давайте говорить конкретно. Вы считаете, Новый Порт лишку рыбы берет в весеннюю путину, так, что ли?

— Не о том речь! — Чапала накрыл перевернутый стакан широкой короткопалой пятерней. — Не о том же речь! Брала мы ее тут и еще сто лет будем брать. Можно добывать и поболее. Главное, чтоб порядок был, а не так что с бухты-барухты... Я вот помню, в шестидесятых годах в столице-то нашей, в Салехарде, базу морского лова образовали. Морско-ого! Видно, кому-то показалось — маловато мы рыбки добываем старым-то способом. Морские траулеры в губу запустили. Поначалу ши-иб-ко дело у них пошло: что ни траление — двадцать, тридцать тонн! Во как! А что из этого вышло?

Что? Я не сказал вслух, а только спросил взглядом.

— А вот то и получилось,— он вздохнул.— Губа-то хоть и большая, да все — не океан. Года за три поголовье сплошь подкосили. Где ей устоять против такой техники? Поди, икру-то отметать не успевала! Потом спохватились, конечно, а рыбки-то уж и нет. Десять лет пришлось восстанавливать запасы-то. Ведь, считай, совсем не рыбачили. Вот оно и получилось.

— Вы-то при чем? У вас совсем другое дело,— и план пониже, и орудия лова поуже...

— Я ведь о порядке речь веду,— продолжал Чапала.— Вот мы рыбаков понужаем: давай, давай! Рыбка валом пошла. Соревнуются. А как же? Наловить, скажем, больше всех для меня лично есть резон. А для государства? Вот не знаю... Тракторов, к примеру, у нас не хватает, чтобы всю рыбку вывезти. Это раз. Обратной тары опять же не хватает. Нынче вместо пятнадцати тысяч ящиков только половину завезли.

— Но ведь подключили же авиацию,— возразил я, хотя нетрудно было догадаться, что мастер учел и этот факт.

— Подключили,— согласился он,— да во сколько она, эта авиация, заводу обходится...

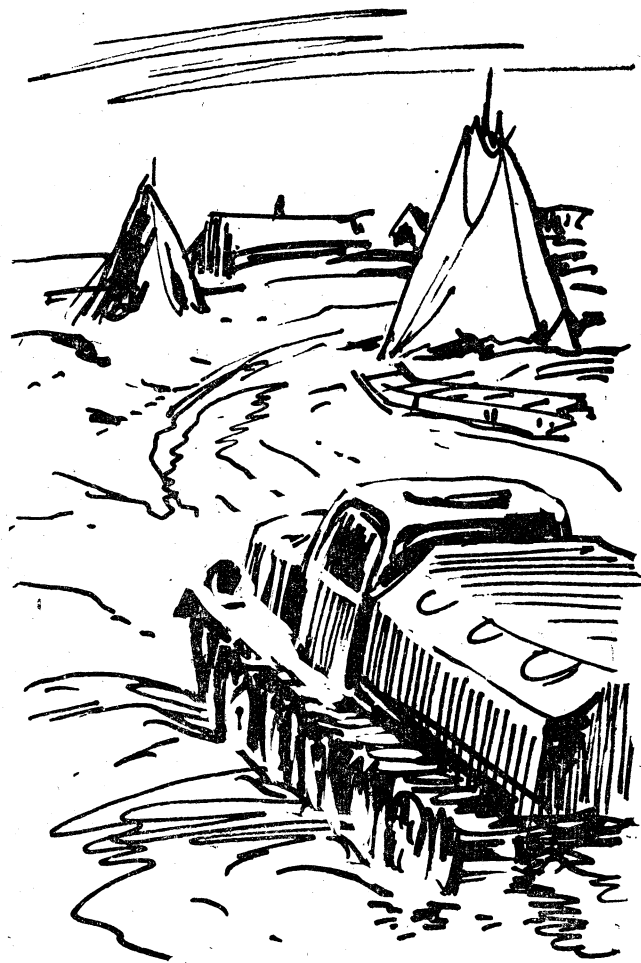
Вы как в газетах-то пишете: «живое серебро!» А если вертолеты прибавить, наша рыбка, поди,— живое золото. А?

— Ладно,— Чапала встал тяжело, по-стариковски.— Вы уж пишите, чего видали. А я, пожалуй, посплю до пяти.

Утром мне нужно было добраться до Няси Окодетто к девяти часам. Туда должен был прийти за мной вертолет.

С тех пор, как мы въехали на этот островок восемь часов назад — хотя они и показались достаточно долгими,— мало что изменилось. Только заберега, отсюда, с острова, выглядела еще внушительней, еще шире... А может быть, и впрямь увеличилась, разлилась.

На краю берега Русанов остановил машину. Закурил. Снова взялся за рычаги. Вездеход вздрогнул и пополз в воду.

ДЕМАНТОИД ИЗ КАМЕННОГО ПОЯСА

**Спартак
АХМЕТОВ**

Издавна сысертские мужики мыли золото на реке Бобровке. В 1874 году среди золотых крупинок они увидели прекрасные золотисто-зеленые прозрачные кристаллы. Крестьяне, живущие вокруг уральских заводов, — люди многоопытные. Они прекрасно разбирались не только в золоте и платине, но и в самоцветах. Искрящиеся демантоиды не могли не привлечь их внимания. В черных избах на кустарных шлифовальных кругах огранили первые камни — и слава об уральском демантоиде прогремела на весь мир. В начале нашего века вывезли ограненных самоцветов на десятки тысяч золотых рублей. Наиболее крупные из найденных демантоидов весили 29,8 и 50,5 грамма.

В ювелирных качествах демантоида мужики не ошиблись. А вот назвали его неверно — хризолитом; минералоги под хризолитом понимают желтовато-зеленую прозрачную разновидность оливина — по сравнению с демантоидом хризолит просто замухрышка, заваливающий камешек...

«Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова наполнена уральскими самоцветами. Пестрыми огнями среди них играет демантоид-хризолит: «Старичок есть один. Первейший мастер по огранке и с понятием. Он, видишь, всякие камни берет и после огранки продает, а эти камешки у себя оставляет. Огранит — и в сохранное место. Они, — говорит, — золотоцветню горы родня, их нельзя на пустыковые подвески держать. Хризолито-

вая особь для большого дела пригодиться может».

А немного дальше идет гимн Уралу — Каменному Поясу:

«Пояс и есть. Вишь какой! В длину тысячами верст считают, а сколь он широк и на сколько в землю врезался, этого никто толком не знает. В поясах по старине, известно, казну держали. Оттого, может, и нашей горе прозвание досталось. Только, понятно, в таком поясе богатств не счастье.

По этому Поясу земли, говорят, широкая лента украшения прошла из дорогих камней. Всякие есть, а больше сзелена да ссиня. Изумруды, александриты, аквамарины, аметистики. А по самой середине этой хребтины двойной ряд хризолитов. Видал этот камешек? Помнишь? Он и зеленый и золотистый. Веселый камешек. В сырце, и то любо подержать такой на руке. Так весной да солнышком от него и отдаст. Мы эти камешки золотоцветняками зовем».

Демантоид, то есть подобный алмазу. Действительно, при солнечном или ярком искусственном освещении он обнаруживает необыкновенно красивую игру и яркий блеск, сравнимые с алмазными. Травяно-зеленый цвет придает ему незначительная примесь окиси хрома.

Самоцвет этот чрезвычайно редок. На Урале известны два месторождения демантоида — Полдневское и Бобровское. В Полдневском найдены лучшие ювелирные демантоиды, по сияющей игре стоящие выше алмаза.

Академик А. Е. Ферсман

выяснил, что демантоид известен людям со времен глубокой древности. При археологических раскопках в Хамадане (Иран) ученые обнаружили множество золотых и платиновых изделий. Среди них выделялись кристаллы золотисто-зеленого камня, который при исследовании оказался демантоидом. Вполне вероятно, что в Иран самоцветы попали через скифскую страну с Урала. Возможно, «скифский изумруд», упомянутый в манускриптах Ирана, Индии, Греции и Рима, на самом деле является уральским демантоидом.

Сейчас эти самоцветы можно увидеть только в музеях и частных коллекциях. В Алмазном фонде СССР хранится подвеска-кулон с неправдоподобно громадным демантоидом весом 192 карата (данные А. Е. Ферсмана). Демантоид окружен тридцатью бриллиантами, словно король придворными.

Перед советскими геологами стоит увлекательная задача — открыть новые месторождения демантоида на территории нашей страны. Обнадеживающие результаты получены разведчиками на севере Камчатки и в Армении. За рубежом небольшие проявления демантоида найдены в Республике Заир, в Саксонии (ГДР), на севере Венгрии и в Италии.

Вертуха

Не раз зимой голодным птицам
Приснятся россыпи зерна...
И грустно тенькает синица
У заметного окна.

Анатолий ЧИКОВ

На дворе мороз, сугробы по пояс. Сидишь, бывало, в классе, решаешь задачку. Вдруг тишину расколет частый, настойчивый стукоток. Глянешь в окно, а там желтогрудая синица прыг-скок по раме.

Толкнешь соседа по парте Володю Бабаилова: «Востра!». А он согласно кивнет и улыбнется в ответ. Видно, так уж повелось: улыбка друга и веселый нрав птицы неразделимы.

Не встречал я синицу вялой и сонной. Вечно она в движении, в работе: осмотрит каждую ветку в заснеженном саду, каждый куст смородины, каждый гнилой сучок. Найдет уснувшего на зиму жука или личинку, затенькает и давай молотить клювом, точно молоточком по наковальне. Непроста в народе прозвали ее «зимним кузнечиком».

Однажды январским полднем к нам в комнату вместе со стужей влетела синица. И что примечательно! Она вовсе не испугалась домашней обстановки, покружила под потолком, освоилась и стала проверять в комнате укромные уголки.

Ткнула клювом березовый веник на печке и начала хозяйничать: то на стол присядет — масла отведает, то на люстре, словно воздушный гимнаст, повиснет, то в горшке с цветами примется землю ковырять. И так до самого вечера. Вскоре я привык к синице, а отец прозвал ее за непоседливость Вертухой.

Вертуха ловко водила за нос серую жирную кошку Мурку с обрубленным хвостом. Выхватывала у нее из-под носа кусочки сала. Присядет на буфет и как бы посмеивается над ней, а порой, мне казалось, даже бранит. И сколько раз Мурка ни покушалась на жизнь шустрой птицы — все ее попытки оканчивались неудачами. Птица была неуловима.

К собаке Вертуха относилась игриво-доброжелательно. Садилась Пирату на спину, а то и на хвост, закрученный кверху бубликом, чем причиняла псу беспокойство. Он грозно гавкал и провожал птицу свирепым взглядом.

Днем синица преспокойно разгуливала у миски Пирата и под общий смех купалась в тарелке

с недопитой водой. На это пес несколько не обижался.

Со мной Вертуха установила дружеские отношения: когда я входил в дом, весело посвистывала и прямо с руки брала подсолнухи.

Однажды вечером я заметил место, где уснула птица, спрятав голову под крыло. Тихонько подкрался и взял ее в руки. Со страху Вертуха закричала и вцепилась острыми коготками в палец. С тех пор я знаю, что не зря говорят: «Малая птичка-синичка, да коготок востер».

В субботу бабушка решила прибраться в комнате и открыла настежь форточку. Синица воспользовалась случаем и выпорхнула в сад.

В феврале все кругом покрыто пушистым снегом. Я торопился в город и бежал вдоль забора к автобусной остановке. Вдруг над головой: «Пинь-пинь, та-ра-рах!». И тут кто-то легонько коснулся воротника моего пальто. Я замедлил шаги: «Кто бы это?» А Вертуха скакнула мне на плечо: «Неужто не узнаешь?».

Я достал из кармана семечко подсолнуха, и синица выхватила его, можно сказать, на лету. А в благодарность проводила меня до автобуса.

На мякине не проведешь

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали...

Афанасий ФЕТ

Незаметно сгустились сумерки.

Майский день подходил к концу. «Пить-полоть, пить-полоть, пить-полоть...» — звучит песенка. То на вечерней зорьке бьет луговой петушок-перепел.

В детстве мне не раз приходилось наблюдать, как пастух Игнат подманивал дудкой перепелов. По вечерам он бродил по сырým лугам, слушал бой. Невысокого роста, юркий, худощавый Игнат считался знатоком и ценителем птичьего пения. Заслышит искусного певца, даст мне знак и ляжет на землю. Тут уж гляди в оба! Не зевай! Приложит пастух дудку к губам и легонько попискивает, словно перепелка. А перепел услышит долгожданный призыв, выпятит грудь вперед, крылья опустит, разом преобразится и отправится на свидание к таинственной серенькой незнакомке. И побегит, побегит. Вот он совсем близко. Кажется, кинь картуз — чуркошь. Да не тут-то было: перепел — птица чуткая, осторожная, его на мякине не проведешь!

Звуки флейты в березах

Запомнилась мне еще одна встреча с перепелами, встреча на далекой границе...

Пограничники возвращались на заставу. Дорога шла через болото, заросшее камышом, осокой, редким красным осинником, и спускалась на широкий луг. Недавно на нем, словно маленькие полевые солнца, пестрели ромашки, медвяно и остро пахли клевера и, опутанные повиликой, позванивали на ветру колокольчики. Но теперь на лугу пусто и голо: поутру здесь на славу поработали косцы. Лишь зелеными островками мелькают кое-где заросли чертополоха.

Мы обходим эти островки и идем дальше по колючей стерне.

— Стой! — вскрикнул пограничник и схватил меня за плечо. — Раздавишь...

Я взглянул под ноги и заметил перевернутое гнездо, а рядом крохотного перепеленка. Птенец замер, прижался к земле, только голубой пушок на его голове едва вздрагивал.

Я поднял птенца и осторожно положил на ладонь. Он был похож на маленькую серую варежку. Лишь по временам живая варежка тихо попискивала. Птенец звал мать.

Мы посмотрели кругом — поблизости никого.

И я предложил:

— Отпустим его...

— Да разве не видишь, — возразил пограничник. — В небе-то...

Я поднял голову. Там, в синей дымке, кругами парил ястреб.

Так вот почему спряталась перепелка. Луговая курочка увела своих детей в заросли, подальше от опасности. Ну, а этот был, наверное, ротозей — вот и отстал. Пока мы раздумывали, как поступить, ястреб сделал последний круг и скрылся из виду.

Я положил птенца на землю, и мы затаились в кустах: а вдруг перепеленку еще понадобится наша помощь.

Минуту спустя на зов птенца из зарослей выпорхнула перепелка. Видно, она давно заметила нас, и теперь прикинулась больной, раненой: то падала на землю и кралась, как мышь, то вновь поднималась, вытягивала шею и, прихрамывая, бежала вперед. Она пыталась увести нас от детеныша.

Мы поняли это и отошли подальше. Луговая курочка громко, призывно вскрикнула. И откуда ни возмись — из-под кочек, из-под листков, лопушков выкатились серые комочки. Они построились гуськом, один за другим, девять сестер и братьев. А последним, десятым, стал в строй наш малыш. Перепелка, как командир, впереди. И шеренга двинулась в заросли.

— Порядок! — кивнул я вслед убегающим птенцам.

— А ты как думал! — ответил пограничник. — Дисциплина! И птице без нее нельзя. Не то к ястребу в когти угодишь!

Птица иволга...

Дальнее лето.

Отшумевшая эта гроза.

Мне полет золотистого цвета

До сих пор обжигает глаза.

Елизавета СТЮАРТ

«Фиу-лиу... Фиу-лиу...» — заунывная и немного печальная песня этой птицы напоминает звуки флейты. Да и зовут ее тоже музыкально — иволга.

В лесу иволгу трудно увидеть. Она хоронится в вершинах деревьев. Птица подобна лучу яркого солнца — золотая. Крылья у нее черные, а клюв — красный. Если случайно увидите иволгу, то запомните на всю жизнь.

Гнездо иволга плетет в развилке ветвей берез высоко над землей, точно детскую зыбку.

Когда мы жили в Успенском, в сад повадился бегать чужой кот — тощий, лохматый, одноглазый. Характер у него был коварный: то у наседки цыпленка сцапает, то гнездо разорит, то из подвала мясо стянет...

В малиннике у забора было его излюбленное место: здесь кот лакомился добычей и отдыхал.

Как-то утром я вышел на крыльцо и услышал хриплый, трескучий голос: мя-я-у... мяу... «Обязательно нашкодит», — подумал я и решил прогнать серого из сада. Но тут над моей головой с вершины березы снова раздалось: мя-а-у...

«Вот злодей! Верно, птичье гнездо разорил, а спускаться побаивается», — я взял прут, чтобы проучить проказника, и притаился за деревом.

Смотрю, а из густого зеленого шатра выпорхнула золотисто-желтая птица с черными крыльями и трескуче, с хрипотцой прокричала: мя-а-у...

Да это же иволга! Вот так чудеса! Недаром в народе ее «лесной кошкой» называют.

С прилетом иволги из далекой Африки и Мадагаскара (середина мая — начало июня) наступают теплые солнечные дни. В садах зацветает сирень, а в лесу — ландыши. «Золотая» птица избегает молчаливых хвойных лесов, она предпочитает им светлые, высокоствольные.

Иволга приносит на родину из дальних странствий яркие цвета тропических лесов и жар песчаных пустынь. А польза от нее немалая: птица без усталости поедает волосатых гусениц.

Экспедиция

В ПРЕИСПОДНЮЮ

Сказка

С. ЯРОСЛАВЦЕВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Около полуночи Арамис бросил Атоса и флагмана Макомбера и, отдуваясь, выбрался на веранду. «Ежу же ясно,— устало-разъяренно бормотал он.— Элементарная деформация пространства-времени в складках дезплузионных слоев при наложении параллельных пространств... В этом только солдаты да техники могут сомневаться...» И он, морщась, трогал кончиками пальцев висок, где пульсирующе ныло от непрерывного треска печатающих устройств, выдававших бесконечные ленты суждений крупнейших авторитетов из Академии наук, а также предложений руки и меча от бывлых соратников флагмана Макомбера.

Мягко сияло на шалонике полночное солнце, с шелестом накатывались на галечный берег черные волны, сонно почирикивали птицы в ветвях северных яблонь... а вот гренландские киты уже прошли на восток, и прохладный ветер с океана не доносил ни звука.

Ваня сразу же, как только закончился военный совет, куда-то улетел. Знакомиться с научно-техническими ориентировками из Академии наук он отказался. «У меня свои источники информации,— загадочно сказал он.— Посмотрим, чьи вернее...» Поцеловал Тзана и исчез.

А Тзана стояла у перил веранды и смотрела в океан. Когда вошел Арамис и повалился в кресло у стола, уставленного местными яствами и всепланетными напитками, она не обернулась, но через минуту, не повернув головы, произнесла:

— Дядя Арамис, ведь у вас есть дети?

Арамис, соорудивший себе увесистый бутерброд из крабов, морской капусты и майонеза, задумчиво замер.

— Хм...— проворчал он.— Как тебе сказать... Что-то такое безусловно есть. Дома толкутся

какие-то сопляки и соплячки. Меня они любят, я их тоже...

Тзана, по-прежнему не оборачиваясь, проговорила:

— А вот у меня, может быть, никогда не будет детей.

Арамис не нашел, что ответить. Впрочем, он и не искал.

Если бы кто-нибудь в эту ночь отошел от крыльца веранды на десяток шагов к югу, то, оказавшись над распахнутым люком в конуру Двуглавого Юла, услышал бы возбужденные голоса.

Двуглавый Юл не пожалел для старого врага царской водки, и Мээс был вдребезги пьян.

— Я жалок!— рыдал он, топорща крылья.— У меня нет родины! Все они там взяли в хоботы оружие, а я сбежал!.. Сбежал, как последняя гадина! Предал всех! Ты меня понимаешь, Юл? Повисну с удовольствием! За хобот!

Ему отвечал рокошущий баритон правой головы Двуглавого Юла:

— Дрыхни, скотина. Ложись и дрыхни. Ишь, развоевался, виселицу ему! Да кому ты нужен, слоно-пингвин недоделанный! Вонищи от тебя не оберешься— вешать тебя... Дрыхни, тебе говорят, а то сейчас по ушам!

Глава седьмая

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 20 июля 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции— 305-го.

Прекрасен и обычен был этот день для всего Человечества— за исключением нескольких сотен граждан его, участвующих в операции «Контратака вовнутрь».

В полдень по мировому времени трое из них

Окончание. Начало см. в № 6.

высадились с гидроплана на северном берегу острова Черная Скала. Пилот, всю дорогу молчавший, пожал на прощанье с хрустом три руки, а перед тем, как дать газ, вдруг проорал на весь Великий, или Тихий, океан:

— Если что с вами случится, пусть эта сволочь знает — мы разметаем чертовское гнездо, мы перероем все пространства и времена, но отыщем их притон, и тогда мы сожжем мерзавцев, так что и воронам нечего будет расклеивать!..

На это флагман Макомбер, быстренько оглядевшись, пророчал:

— Ну-ну, не надувайтесь так, не надо. Чтоб разметать и сжечь, кому ума не доставало?

Ваня изобразил на физиономии милую улыбку.

А Двуглавый Юл слегка задрожал в душе: он-то знал, что угроза пилота ох какая не пустая похвальба! Воображение у бывшего пирата было, прямо скажем, довольно тусклое, но и его достало на то, чтобы отчетливо представить себя на месте Великого Спрута, когда земляне... Двуглавый Юл снова слегка задрожал и постарался думать о приятном. При этом он машинально поправил черную повязку на правом глазу правой головы.

Гидроплан улетел, и они остались одни.

Собственно, что значит — одни? Позавчера случайно пролетавший над островом вертолет с опознавательными знаками Морветслужбы урчнул по рассеянности на скалы и в прибрежные воды полторы тысячи бесцветных капелек величиной с булавочную головку, полторы тысячи нейтринных телепередатчиков, немедленно начавших неутомимые репортажи об острове и его ближних окрестностях на полторы тысячи экранов в штабе на шестнадцатом этаже Дворца Совета.

Необходимо было увидеть, как это произойдет.

А вообще-то говоря, подходящая гипотеза была выработана и признана наиболее полно отвечающей известным фактам. Современная наука уже утвердилась в представлении о Метакосмосе как о совокупности всех мыслимых и немыслимых пространственно-временных систем. Известны были пространства параллельные и перпендикулярные, пространства с прямым, обратным и ортогональным течением времени, вероятностные пространства с числом измерений большим и меньшим трех, пространства, замкнутые на себя, и пространства, разомкнутые в реальную бесконечность, и прочие головомолные, представляемые только математические квази-, псевдо- и эзкосмосы, которые простому человеку, какому-нибудь художнику или артисту, не приведи бог пригрезить в час отдыха после слишком плотного обеда. А уж коли приснится такое простому художнику или артисту, то выскаочит он из гамака или из покойного кресла,

задыхаясь, отплеываясь, ошалело поводя налитыми очами... и побегит наш художник-артист, даже не причесавшись, к любимой своей жене или невесте и трясущимся голосом потребует, чтобы она поклялась ему немедленно, что никогда, никогда, никогда... а что «никогда», он и не выговорит, потому что и сам не знает...

В частности, разработана была гипотеза так называемой «матрешки пространств». Разработали ее давно, да так и забыли за совершенной непрактичностью, суть же ее заключалась в признании возможности системы пространственно-временных континуумов, вложенных друг в друга на манер известной древнерусской игрушки. Метрика этих вложенных друг в друга космосов строго скоррелирована известным постулатом, гласящим, что произведение мерности на темп течения времени есть всегда величина постоянная. Попросту говоря, ежели в каком-нибудь космосе, «вложенном» в наш Космос, длина волны излучения данного атома в миллион раз короче, чем у нас, то и время там бежит со скоростью в миллион раз большей. Элементарные расчеты показали, что космосы большей и меньшей мерности, чем наш, менее стабильны, и теоретически не исключена возможность проделывать из них «дыры» или «воронки» в любую точку нашего пространства при весьма незначительных энергетических затратах. По мнению Арамиса, подкрепленному высказываниями мощных специалистов Земли и дружественных миров, такой хитроумной скотине, как Искусник Крэг, удалось создать устройство для хулиганских нападений на наш Космос изнутри. Итак, противник удрал с Планеты Негодяев вовсе не в систему безымянной нейтронной звезды... Нет, с этими гипотезами об иномерных вселенных можно голову потерять... Конечно же, бежали они в систему именно безымянной и именно нейтронной звезды, только не в нашем Космосе, а в одном из тех, что буквально у нас под ногами. Там ведь тоже вселенная на миллиарды световых лет, со своими галактиками и со своим разумом, только слегка менее стабильная, нежели наша... Там противник, конечно, съезжился, может быть, даже раз в десять, значит, и время течет для него в десять раз быстрее. Старость не радость, вот тут-то и понадобился срочно чудо-доктор Итай-Итай... Но это уже соображение несколько житейского, так сказать, порядка, а гипотеза не исключала, что тяготеющие массы в соседствующих «матрешках» как-то привязаны друг к другу, и тогда что же — внутри нашей Земли, на расстоянии мерного перехода тоже... планета?

Гипотеза эта получила подтверждение со стороны совершенно неожиданной. Как мы знаем, сразу после военного совета Ваня устремился к некоему своему источнику информации. А дело в том, что был ему известен и благополучно жил на свете вот уже шестое столетие некто Пупа,

более известный широким культурным массам как литературный персонаж под именем Пузатый Пацюк.

Происхождение его было покрыто мраком неизвестности. Решительно никто не знал, был ли он человеком или реликтом тех диковинных культур, что процветали на нашей планете задолго до того, как первый питекантроп насадил волосатой лапой на дубину булыжник с дыркой, а затем стигнул по несущественным ныне причинам.

Насколько помнит себя Чудное Приднепровье, проживал Пупа всегда в одном и том же месте — сначала в пещере, затем в землянке, а с восемнадцатого века уже в белой хате на правом берегу Ворсклы в десятке верст к северу от славной Полтавы; в грозные годы нашествий и гражданских смут уходил вместе с партизанами в леса; занимался знахарством в самом широком смысле этого слова, прочно стяжал себе репутацию знатока, панибрата и чуть ли не вождя так называемой нечистой силы, досуги же свои отдавал гастрономическим наслаждениям галушками в юшке из телятины и варениками со сметаной, а то и горилкой.

В описываемое время чисто выбеленная хата его с приусадебной бахчой и пчельником стояла в плотном окружении цельнометаллических клунь, и окрестные ребятишки, великие знатоки нейтринного моделизма, внепространственных двигателей и подводного спорта, постоянно лазали к нему за арбузами и дынями, а он делал вид, будто ничего не замечает, только фыркал в свои висячие усы и учинял так, что арбузы и дыни у него не переводились.

Время от времени, помимо неслыханного аппетита, симпатий к детишкам и знахарских талантов, проявлял Пупа и способности другого рода. В наш век неслыханного расцвета позитивных наук и технологического прогресса, в наш сугубо рационалистический век, нет-нет, а забрезжит ни с того ни с сего то у одного, то у другого смутная, туманная надежда на интуитивное знание, на кратчайший путь в поиске истины. И вот случалось, и даже по нескольку раз в год, что переступали порог Пацюковой хаты блестящие ученые и мастера из Москвы, из далекого Хошимина, из еще более далекого Макарова на Титане, являлись и с робкой поспешностью излагали лелеемую идею, заветный планчик, сердцем выношенный проектец, ожидая только ответа: выйдет затея или не выйдет. Странно это и пока совершенно необъяснимо, но только Пупа никогда не ошибался. Погладит, бывало, себя по гигантскому чреву и коротко буркнет: «Выйдет. Валяй». И обязательно выходило. Конечно, через большой труд, все равно, через уйму усилий, но ведь всегда выходило, как хочешь, так и понимай! Но уж если Пупа изрекал: «Не дело. Брось!» — тогда уж все. Можешь всю

жизнь биться, ничего у тебя не получится. Даже у маститых академиков бытовало выражение «сходил к Пупе» — это когда кто-нибудь из коллег, увлеченный искрометной мыслью, вдруг внезапно к ней охладевал и обращался к чему-нибудь совершенно иному.

Вот к этому-то Пупе, к Пузатому Пацюку, и направился Ваня после военного совета.

И все пошло по сценарию с кузнецом Вакулой, столь дивно выпisanному веку назад великим Гоголем.

Не без робости отворил Ваня дверь и тут же увидел Пупу, сидевшего на полу по-турецки перед стареньким магнитофоном, на крышке которого стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Склонив слегка голову к миске, он хлебал превосходный бульон, схватывая по временам зубами галушки. И видимо, крепко он был занят галушками, потому что, казалось, не заметил прихода Вани.

— Я к вашей милости, товарищ Пацюк, — сказал Ваня, кланяясь и улыбаясь самой своей простодушной улыбкой.

Пупа поднял голову и снова склонился к галушкам.

— Объявились у нас злодеи, — сказал Ваня, — а где они, как до них достать, мы не знаем...

Пупа взглянул и снова принялся за галушки. Ваня кашлянул.

— Всем известно, товарищ Пацюк, — произнес он, кланяясь снова, — что вы многое знаете из того, чего не знает никто. До злодеев же надо добраться поскорее, пока они новых черных дел не натворили... Скажите, как быть?

— Когда нужно злодеев, то и ступай к злодеям, — ответил Пупа, продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришел к вам, — ответил Ваня, отведывая новый поклон. — Кроме вас, думаю, никто на свете не знает к ним дороги...

Пупа ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделайте милость, товарищ Пацюк, не откажите! — наступал Ваня. — Новую ли книжку, билетик на премьеру ли, на вернисаж, ну, марсианской бормотухи бутылочку, живого ледку с Тибета или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупились. Расскажите только, как, примерно сказать, попасть к злодеям в гнездо ихнее?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого злодеи под ногами, — произнес равнодушно Пупа, не изменяя своего положения.

Ваня прищурился, соображая, затем снова уставился на Пупу. «Ну, еще словечко, еще словцо!» — безмолвно спрашивала его мина, а полуотверстый от напряжения рот готовился проглотить, как галушку, это жданное слово. Но Пупа молчал.

Тут заметил Ваня, что ни галушек, ни магни-

тофона перед ним не было, но вместо того на полу стояли две серебряные миски: одна была наполнена варениками с вишней, другая — сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на это кушанье. «Посмотрим, — проговорил он сам себе, — как будет Пупа есть вареники. Наклоняться слишком низко ему неловко, брюхо мешает, да и смысла нет — нужно вареник сперва обмакнуть в сметану...»

Только что успел он это подумать, как Пупа разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. И тут же вареник выплеснулся из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал Пупе в рот под сивые усы.

«Телекинез! Вот это мастер!» — подумал Ваня и тут же обнаружил, что и к нему в приоткрытый рот лезет обметанный вареник, да такой отличный, смачный, благоухающий вишневой пачкой. И съел Ваня этот вареник, и облизнулся, и съел еще один, и еще один, и еще десяток, и тогда Пупа сказал, обтирая губы салфеткой:

— Ступай, Ванька. Я тебе все сказал. Злодеев искать не придется, сами придут. Ты только там не сдрейфь. Ступай.

Ваня поклонился в последний раз и опрометью выскочил из хаты.

Об этом вспомнилось ему теперь здесь, на Черной Скале, когда стоял он у самой кромки воды, засунув руки в глубокие карманы пятнистого десантного комбинезона, а еще вспомнились ему полные безнадежного отчаяния глаза Тзаны, когда прощались они на вилле Атоса, и мама с отцом, и еще столь многое сразу, что даже странно становится, право, сколько воспоминаний помещается в восемнадцатилетнем парне!

Глава восьмая

В трех шагах от Вани сидел на обломке скалы флагман Макомбер в такой же пятнистой форме, посвистывал сквозь зубы и думал безотчетно о том, что все еще пованивает здесь мазутом, а вспоминалась ему встреча час назад на гидропланной базе с человеком мужественного облика, который подошел к нему, стеснительно поздоровался и сказал:

— Флагман Макомбер, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам.

— Вы меня не помните, конечно... Старик Саша я, Александр Кушнер, старший хирург «Моби Дика»...

— А! — сказал флагман Макомбер. — Это вы сообщили о несчастных тюленях...

— Да-да, я, однако не в этом дело... Мы с вами встретились однажды лет двадцать назад здесь неподалеку, у дядюшки Витемы...

— Ага, как же, как же... Дядюшка Витема, «Одинокий ландыш»... Отличный дядька, отличная индейка под гвоздичным соусом... Как он поживает?

— Не знаю, он уехал куда-то... — Старик Саша, он же Александр Кушнер, помялся немного, затем проговорил: — Скажите, флагман, вы не помните?.. Галя. Девушка такая была с нами в тот вечер у дядюшки Витемы... Вы ее потом не встречали?

Флагман Макомбер пронизательно на него посмотрел.

— Встречал, — ответил он. — Даже неоднократно.

— Ну, и что она?.. Как она?..

— По-моему, неплохо. Работает. Замужем. Да вот ее сын стоит, он тоже в моей группе.

Старик Саша смутился. Старик Саша конфузливо улыбнулся. Он словно бы осознал, с какими пустяками пристаёт к человеку, уходящему сейчас в смертельное, может быть, дело. И он промямлил неловко:

— Значит... гм... вы идете... туда... гм...

— Значит, идем, — ответил серьезно флагман Макомбер.

— А вы их здорово ненавидите? — спросил вдруг Старик Саша.

Флагман Макомбер изумленно воззрился на него.

— Мой друг, — произнес он, беря Старика Сашу за пуговицу. — Усвойте одну важную вещь. И усвойте навсегда. Ненависть — это перегонной страха. А я никогда никого и ничего не боялся. Они меня раздражают, это так. Но ненавидеть? Отщепенцев этих? Как бы не так!

Тогда он потрепал Старика Сашу по плечу, а теперь вспомнил о нем с рассеянным ощущением приязни.

Двуглавый же Юл развалился рядом на камнях, подперев левую голову могучей дланью. Был он в боевой своей черной одежде и черных перчатках, изготовленных неведомыми умельцами неведомых миров, только кобуры на поясе были у него пустые. Штаб объявил, что по весьма веским причинам морально-этического свойства группа пойдет в дело без оружия. Этого Двуглавый Юл не хотел и не мог понять, но, во-первых, его не спрашивали, а во-вторых, как опытный вояка он прекрасно понимал другое. Оно, конечно, куда как славно было бы ввалиться в логово Великого Спрута на какой-нибудь этой машине, комбинации глубоководного танка и позитронного эмиттера, оснащенной вдобавок еще и силовой защитой, да ведь перед таким гостем подлец Крэг нипочем свои ворота не откроет — «дыру», «воронку» или что там у него... Про личное оружие и вообще думать не приходилось. Уж он-то хорошо знал холуев Великого Спрута, эти бандиты, полоумные и истеричные мерзавцы, при виде пистолета или

даже простого охотничьего ножа и рта не дадут никому раскрыть, тут же примутся палить из автоматов и швырять бомбы...

Сейчас, прислушиваясь к плеску прибрежной волны, правая голова его размышляла о том, что не зря, ой как не зря вылечил его двадцать лет назад чудо-доктор Итай-Итай от всех болезней, в том числе и от алкоголизма, но оставил то, что под черной повязкой на месте правого глаза. Левая же голова простодушно дивилась несповедимым причудам судьбы: снова занесло его на этот неказистый остров, где он провел пленником без малого три года, привыкал к Земле и землянам, учился доброте и пониманию в обществе здешних тюленей... а их детей и внуков безжалостно и походя утопили в мазуте... а какой прекрасней народец был...

Двуглавый Юл посмотрел на Ваню, и вдруг тоска и ярость охватили его. «Ну, Ваньку я им на муки не отдам! — с лютой злобой подумал

он. — Как там ни пойдут дела, а их сто ляжет и я сто первым, прежде чем они до Ваньки доберутся...»

Ваня стоял на берегу и напевал вполголоса:

Почетна
И завидна наша роль,
Да, наша роль, да, наша роль!
Не может
Без охранников короли!
Величество должны мы уберечь...

Час пробил.

Широкая багровая тень пала с синего неба на северный берег Черной Скалы, невидимый и неслышный вихрь подхватил наших троих героев и швырнул в бездну вместе с ключьями соленой океанской пены, охапкой высохших водорослей и десятком булыжников, отдающих мазутной вонью.

Да, пробил 13-й час.

В зале на шестнадцатом этаже Дворца Совета погасли все полторы тысячи экранов нейтринных телеприемников.

Тонким звоном прозвучали на пультах сигналы с гравитационных пеленгаторов, и в трехмерной схеме окрестностей Черной Скалы возник красный шарик — проекция пятимерного устья «воронки» или «дыры», если угодно, открывшейся в наше пространство.

Снова зажглись экраны, но больше не было трех фигурок на каменистом берегу острова, их словно корова языком слизнула. Зато вынырнула из-за горизонта и стремительно понеслась на зрителей серая, тускло отсвечивающая на солнце масса.

— «Гречко» пошел! — прошептал кто-то.

Да, это был межпространственный космоход «Гречко», стометровый уют, ошетиленный гравитонными пробойниками, с округлым чехлом биопарализатора на корме. В трехмерной схеме он возник в виде золотой звездочки, которая устремилась к красному шарiku и тут же с ним слилась, а на экранах он через секунду уже с неяркой вспышкой исчез на фоне синего неба — выскочил из нашего пространства в не успевший еще затянуться тоннель слабины от «воронки» между пространствами.

— Двадцать одна секунда, — бесстрастно доложил робот-оператор.

Это означало, что «Гречко» втиснулся в межпространственный переход через двадцать одну секунду после закрытия «воронки».

Снова погасли и сейчас же зажглись нейтринные экраны, но никто уже на них не смотрел. Все уставились на экран темпорального индикатора. От того, что он покажет, зависело многое.

И вот появилось число: 0.0002.

По залу пронесся долгий вздох. Кто-то шепотом выругался. Атос мертвой хваткой вцепился в руку Арамиса.

— Ай-яй-яй, как скверно! — проговорил председатель Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

Две десятитысячных секунды! Всего на такое мизерное время открылась «дыра» в наше пространство. Но чтобы понять, почему это обстоятельство повергло зал во Дворце Совета в разочарование и растерянность, надлежит нам прибегнуть к арифметике.

Выше уже говорилось, что по теории «матрешки пространств» темп времени в иных пространствах должен быть либо выше, либо ниже, нежели в нашем. Некоторые обстоятельства, о которых здесь не стоит упоминать, заставляли предположить, что в нынешнем логове Великого Спрута время течет быстрее, чем у нас. Насколько быстрее? Вдесятеро? В сто раз? Никто этого не знал, но сто раз, триста раз — это был

предел, допускавшийся самыми осторожными специалистами.

Что же оказалось на самом деле?

«Дыра» открылась, на две десятитысячных секунды.

Даже если предположить, что машинерия Искусника Крэга работает столь же оперативно, как самые совершенные межпространственные аппараты землян, все равно противнику должно было понадобиться не менее десятка секунд своего времени, чтобы открыть «дыру», втащить к себе в облаке мазутной вони флагмана Макомбера, Ваню и Двуглавого Юла и снова закрыть «дыру». Но для нас этот десяток секунд продолжался всего две десятитысячных секунды! Почти всем организаторам операции «Контратака вовнутрь» под силу было решать в уме диффуры, а уж о простой арифметике и говорить было нечего.

Итак, время в пространстве противника текло быстрее, чем в нашем, в десятки тысяч раз!

Это было ужасно. Это было ужасное, вопиющее, именно фантастическое свинство со стороны теории вероятностей, теории «матрешки пространства» и любых теорий вообще, ибо отсюда неумолимо следовало:

за те двадцать секунд, которые понадобились могучему космоходу «Гречко», чтобы добраться до устья «воронки», плюс за те секунды, которые понадобились ему, чтобы по гравитационным завихрениям протиснуться в пространство противника, там прошел не час-полтора, как планировалось, а многие сутки, может быть, и месяцы, и все это поистине бесконечное время наши герои сражались там... или, скажем уж откровенно, были там сражаемы без всякой поддержки.

Конечно, оставалась еще слабенькая надежда на благоразумие мерзавцев, на их страх перед возмездием, на извечную бандитскую склонность спасать свою шкуру за счет шкуры подельщика... и что ни говорите, а неуязвимый «Гречко» уже там...

Но надо было смотреть правде в глаза. Земля рискнула, и Земля проиграла первый раунд. Противник вел со счетом 1:0.

Глава девятая

На самом же деле противник вел со счетом 2:0.

Замысел операции «Контратака вовнутрь» был прост, как пареная репа. Тройка храбрецов сознательно подставлялась как наживка. Сглотив эту наживку, противник неизбежно оставлял след в пятимерном гравитационном поле. След этот в виде ламинарных осцилляций держался в межпространственных паузах неопределенно долго, и для гравитонных про-

бойников космодода «Гречко» он был все равно, что валерьянка для кошачьего носа. По замыслу операции «Гречко» должен был ворваться в пространство противника через час-полтора после захвата группы, и тогда уже разговор был бы другой — вплоть до мгновенного повержения всей органической и неорганической жизни в логове Великого Спрута в безболезненный, но глубокий сон на сколько понадобится. Эти самые час-полтора представлялись организаторам и исполнителям операции самым опасным, даже смертельно опасным этапом. Обнаружив, что чудо-доктором среди захваченных и не пахнет, осатаневшие бандиты могли их просто-напросто перебить на месте. Что ж, к этому земляне были готовы. Все-таки главной целью операции было обнаружить противника и полностью и навсегда его обезвредить. С точки зрения флагмана Макомбера, Вани и Двуглавого Юла игра безусловно стоила свеч, остальные же ничего лучшего предложить не могли.

Впрочем, по мнению землян, имелся весьма жирный шанс на то, что противник поопасется делать сразу же резкие движения. Нормальный расчет на благоразумие мерзавцев, на их страх перед возмездием, на их готовность в любой момент спасти свою шкуру за счет шкуры соучастников. Флагман Макомбер рассчитывал так или иначе втянуть главарей в переговоры, убедить их в том, что на чудо-доктора надеяться не приходится, а надеяться следует исключительно на добрую волю Земли и на ее медицину, тоже, кстати, весьма неплохую, а для этого лучше всего, не теряя драгоценного времени, задрать конечности вверх и сдаться на неизреченную милость самой гуманной расы в обозримой Вселенной, и это было бы тем более разумно, что вот-вот следом за ним, флагманом Макомбером, и его друзьями грядет некто, с кем уже не очень-то поразговариваешь...

Разумеется, и на таком пути могли возникнуть всевозможные осложнения вплоть до обмелна оскорблениями действием, но это уже, как говорится, издержки смелого предприятия, а вообще-то шанс продержаться час-полтора у наших героев несомненно, как они считали, был.

Но!

Во-первых, как мы уже знаем, могучий космодо «Гречко» никак не мог появиться в пространстве противника ни через час, ни через полтора часа, и разведывательно-диверсионная группа флагмана Макомбера оказалась предоставлена самой себе на куда более значительное время.

Во-вторых, бандиты хотя и не перебили наших героев на месте, но и не дали им никаких шансов затеять переговоры.

Похождения группы в логове Великого Спрута будут описываться здесь главным образом со слов и с точки зрения Вани, сына Портоса, интраоптика и бродячего артиста. Причин тому

несколько, кое-какие из них выясняются в ходе повествования, но главная состоит в том, что именно из Ваниного рассказа, изобилующего деталями и эмоциями, составилось у нас наиболее яркое, наиболее красочное, наиболее отчетливое представление о событиях.

Прежде всего выяснилось, что даже хорошо закаленный человеческий организм совершенно не подготовлен к тому, чтобы его протаскивали сквозь уровни «матрешки пространств». Ужасные ощущения, которые испытывал при этом Ваня, описанию не поддаются. Однако во всех временах и во всех пространствах всему на свете приходит конец. Ваня почувствовал, что его перестали прокручивать на гигантской мясорубке, и ужасные ощущения его покинули, оставив после себя медленно гаснущие искры под зажмуренными веками, утихающий звон в ушах, сильный медный привкус во рту и зуд по всему телу от лица до пяток. В нос била гниловатая вонь болотных испарений.

— Готово! — проскрипел отвратительный голос. — Вот они, голубчики! А ну, мокрицыны дети, берись! Этого в «синий трюфовый», этого в «черный бубновый», а этого, двухголового, ко мне в «особую», сама им займусь!

Ваня глаз разжмурить не успел, как вонючие мохнатые лапы подхватили его и поволокли куда-то. Он попытался было воспротивиться, но на его голову обрушился тяжелый мягкий удар, и он тут же обмяк.

Нет, никаких переговоров не получилось. Сразу по прибытии их растащили по разным помещениям и принялись допрашивать.

Ваня оказался в кубическом помещении размером примерно 3 на 3 и на 3 метров со стенами из ржавых железных листов и с белым потолком, посредине которого красовалось изображение бубнового туза черного цвета. Два огромных тарантула, покрытых редкой щетиной по белесой шкуре, с ловкостью, мигмом оплели Ваню по рукам и ногам паутиной толщиной в мизинец и встали перед ним, угрожающе покачиваясь на растопыренных мохнатых лапах, злобно уставившись на него тусклыми пуговицами глаз — по шести на каждого.

Впрочем, это были всего лишь подручные, а главным там был гигантский богомол, совершенно заплесневелый от старости и шибко страдающий то ли от каких-то паразитов, то ли от какой-то кожной болезни. Плоскую хитиновую харю его между выпученными глазами украшала зажившая трещина, ханжески сложенные перед тощей грудью зазубренные руки-клешни были испачканы комковатыми потеками — должно быть, остатками завтрака. Или обеда. Словом, зрелище он собой являл отвратное, хуже чем тарантулы.

С минуту он разглядывал Ваню, поворачивая

башку справа налево и слева направо, затем проскрипел:

— Это ты. Я тебя узнал.

— Вы — меня? — удивился Ваня.

— Да. Не отпирайся. Это ты двадцать лет назад треснул меня багром между глаз. На Планете Негодяев.

— Помилуйте, — сказал Ваня. — Я никогда не был на Планете Негодяев.

— Посмотри на меня, — проскрипел богомол.

— Смотрю.

— Я — богомол Синда. Ужаснись.

— Пожалуйста, если вам так удобнее. Ужасаюсь.

— Правильно делаешь. Хвалю. У меня не врут. У меня говорят правду.

— Но я и говорю правду! Не я это!

— Верно. Это не ты. Потому что ты — доктор Итай-Итай.

Ваня вытаращил глаза.

— Кто?

— Ты. Ты — доктор Итай-Итай. Не отпирайся.

— Вы ошибаетесь, — проникновенно произнес Ваня. — Доктор Итай-Итай вообще еще не...

— Ты не доктор Итай-Итай?

— Нет же, говорю вам... Дело в том, что...

— Где доктор Итай-Итай?

— Слушайте, гражданин Синда, я же говорю вам: доктор Итай-Итай еще не родился! Он родится только через три столетия! Давайте я вам все объясню...

— Я не нуждаюсь в объяснениях. Кто из вас доктор Итай-Итай?

— Тьфу, пропасть! — разозлился Ваня. — Что за бестолочь... Вы меня выслушать можете или нет?

— Ты меня утомил. Ты все время врешь. У меня говорят правду. Придется пытаться.

И Ваню принялись пытаться. Это было необычайно болезненно и тягостно, и совершенно бессмысленно. Ах, недаром Мээс так ужаснулся, когда ему предложили принять участие в экспедиции! Пытали мясники сигуранце-дефензивогестапного толка, готовые зверски замучить хоть сотню носителей разума в расчете на то, что в агонии хоть одна из жертв выдаст нужную информацию. Никакие объяснения их не интересовали.

— Ты — доктор Итай-Итай?

— Нет!

— Врешь. Говори правду. Где доктор Итай-Итай?

— Не родился он еще, сказано вам!..

— Врешь. Кто из вас доктор Итай-Итай?

— Нет его среди нас!

— Врешь! Подверните ему нижние конечности. Ты — доктор Итай-Итай?

Было больно. Было зверски больно. Хрустели кости, жутко пахло паленым мясом. Остановилось время. Доколе? Где «Гречко»? Где наши?

Бешено колотилось сердце, бешено звенела печень, вразнос пульсировала селезенка, гоня кровь, гормоны, антитела к ожогам, порезам, разможенным мышцам. Сквозь багровую муть, застилавшую сознание, Ваня думал: надо выдерживать, я выдержу, а как там флагман, он ведь пожарной, он может умереть, не умирай, флагман; и ты, Юл, старый пират, держись, не погибни, а уж я-то выдержу...

— Ты — доктор Итай-Итай?

— Заткнись, бестолочь, насекомое!

— Говори правду. Где доктор Итай-Итай?

— Фига тебе, а не доктор Итай-Итай!

— Прибавьте огоньку. Кто из вас доктор Итай-Итай?

— Мало тебя треснули по морде, богомол, ханжа паршивая!

Время от времени в железный куб врвался еще кто-то, щелкал серповидными челюстями и отвратительно скрипел:

— А взбуктеньте его! А взъерепеньте его! Чтобы почувствовал! Что это, Синда, да он у тебя даже не вспотел! Ух ты, мой болезный... Только смотри, Синда, чтоб не до смерти!..

Время остановилось, побежало вспять. Вот и Тзана, Принцесса: «Послушай, Трубадур, когда сцена с поцелуем, не надо так всерьез, ведь малыши смотрят!..» Отец: «Падать тоже нужно уметь, Иван, ты расслабься, ты не грохайся, а шлепайся!..» И дядя Атос... И дядя Арамис... Мама: «Ах ты мой Ванька-Зайка, возьми гребень, расчеши маме волосы, учишь, Золотистик-Пушистик, будешь невесте волосы расчесывать!..»

Так прошла набитая болью вечность, а на самом деле прошло трое суток, и пытка кончилась. Ваню развязали, и он мешком шлепнулся на железный пол. Над лицом его низко склонилась, поводя сизыми бельмами, уродливая рыха — на кончиках страшных серповидных челюстей дрожали мутные капли яда. Конопатая Сколопендра проскрежетала:

— Ух ты, пленничек-заложничек... Ух, и поцеловала бы я тебя, красавчик, в бело личико!.. Ладно, живи пока. — И она скомандовала тарантулам: — В тюрьму его, в камеру к тем!

Ваню подхватили под бока и поволокли. Ноги его волочились по полу, голова не держалась, но он громко пел:

Говорят, мы бяки-буки,

И как только

Носит нас земля...

Это ему казалось, что пел он громко, а на самом-то деле шептал, еле шевеля распухшими губами. Его втащили в гулкое помещение, залязгало железо, его раскачали и швырнули, и он упал на заботливо подставленные руки.

— Ваня! — сипло воскликнула правая голова Двуглавого Юла.

— Ванечка! — прохрипела левая голова и

всхлипнула.—Господи, флагман! Смотрите, он же седой весь! Ах, гады!

— Тихо, Юл,— пробормотал флагман Макомбер.— Осторожно, кладите сюда... Да тихо же вы!

Двуглавый Юл всхлипывал и ругался, как помешанный. Ваня счастливо улыбнулся и провалился в бездонное забытие.

Он очнулся через 24 часа. За это время его молодой организм хорошо поработал над повреждениями, которые причинили ему палачи огнем и железом, а флагман Макомбер с помощью Дзуглавого Юла вправил ему вывихнутые суставы. Здесь стоит упомянуть, что к описываемому времени каждого землянина едва ли не с грудного возраста вытенировали на самоисцеление, так что Ваня, очнувшись после глубокого сна, вновь был совершенно здоров, бодр и готов к новым переживаниям. Только был он теперь и остался до конца дней своих

седым, как лунь, да еще почерневшее, обтянутое лицо его напоминало о перенесенных страданиях.

Первое, что он ощутил после пробуждения, был лютей голод и не менее лютей жажда. Он наспех пожал руки флагману Макомберу и Двуглавному Юлу и весьма выразительно щелкнул зубами. Флагман немедленно придвинул к нему обширную пластмассовую кювету, наполненную с верхом каким-то сероватым крошевом, и помнятое жестяное ведро. При ближайшем рассмотрении крошево оказалось смесью мелко нарубленной сушеной рыбы и лапши из сушеных медуз, в ведре же была мутная тепловатая вода. Ваня вопросительно взглянул. Флагман Макомбер объяснил, криво усмехаясь:

— Яство и питье от щедрот Великого Спрута. Полагаю, живность из арктической водички и сама водичка, слегка опресненная.

Ваня кивнул и принялся насыщаться. Яство

по вкусу и консистенции напоминало изношенную резиновую подошву, но зубы у Вани были превосходные, а пресность угощения прекрасно компенсировалась соленостью арктической водички. Ваня грыз и молот с таким усердием и треском, что у Двуглавого Юла запищало за ушами, и флагман Макомбер стал невольно приговаривать: «Легче, Ванюша, не так усердно!..»

Когда кювета и ведро опустели, Ваня ковырнул ногтем мизинца между зубами и задумчиво произнес:

— Ничего была еда. Только луку мало...

Затем он впервые огляделся. Они находились в узкой и тесной клетке с низким каменным потолком, стенами из железных прутьев и с решетчатой же дверью, запертой снаружи на тяжелый амбарный замок. Под потолком на голом шнуре висела лампа, пыльная, но мощная, излучавшая не только много света, но и заметное тепло. За железными прутьями стен справа и слева располагались такие же клетки, и шеренга таких же клеток видна была по ту сторону коридора, проходившего перед решетчатой дверью. И в каждой из этих клеток — и справа, и слева, и за коридором — Ваня, прикрывшись ладонью от света лампы, разгладил щетинистые бурые туши величиной с барана, задранные углами мохнатые лапы, россыпи больших, будто лошадиных, глаз. И они слабо шевелились, эти туши, издавали шипение и шорохи, невянятно переговаривались поскрипывающими голосами...

Флагман Макомбер крепко взял Ваню за локоть.

— Спокойно, юноша, — проговорил он. — Это спайдеры. Они тоже пленники, только им еще хуже, чем нам.

Ваня глубоко вздохнул и посмотрел на друзей.

— Флагман Макомбер, — сказал он. — Юл, старый пират. Мне очень хотелось бы знать, что произошло, каково наше положение и что нам надлежит предпринять.

Глава десятая

Двуглавному Юлу исключительно повезло.

Конопатая Сколопендра, баба вздорная, мстительная и злопамятная, решила заняться им сама, и его поволокли к ней в «особую» пыточную камеру, оборудованную по последнему слову техники. Там была и циркулярная пила для грубого расчленения, и центробежный насос для закачивания во внутренности разных жидкостей, и металлический обруч переменной диаметра, оборудованный микрометрическим винтом, и ультразвуковой вибратор для максимально болезненного отделения эпидермиса, и лазерная установка для... тьфу, право, перечислять пропустяно. Коротко говоря, технические пособия у

Конопатой Сколопендры были какие угодно, только выбирай.

Но эффективный выбор предполагал хотя бы минимальную осведомленность относительно наиболее уязвимых для боли участков организма пытаемого. Об организме же Двуглавого Юла старая ведьма не знала ничего. Особенно ставила ее в тупик двуглавость. Она задала прямой вопрос. Юл резонно ответил, что никогда не был и не будет себе врагом. «Дурак, — сказала Сколопендра. — А ежели я нажму тебе на что-нибудь не то, и ты в одночасье загнешься?» Юл упорствовал. Тогда она кликнула взвод тарантулов и приказала им отыскать у Юла болевые точки силой. Произошла свалка. Двуглавному Юлу было не впервой иметь дело с тарантулами: в свое время он не раз дрался с тарантульями патрулями в портовых кабаках, озаренных кроваво-красным блеском Протуберы и мертвенно-синим сиянием Некриды. В свалке он откусил семь ног у трех тарантулов, но в конце концов его одолели и связали.

Но Конопатая Сколопендра была уже вне себя от бешенства. Во время драки кто-то крепко лягнул ее в подбрюшье, и она начисто откачалась от намерения позабавиться с Двуглавым Юлом по всем правилам науки. «На пилу его!» — завизжала она, и Юла швырнули на платформу циркулярной пилы. Он совсем уже приготовился пустить в ход свой последний ресурс... гм-гм... сказать последнее прости своей прекрасной жизни, как вдруг в камеру ворвался жирный бас Великого Спрута.

Этот в высшей степени деловой носитель разума, неимоверно богатый мерзавец и бывший владыка Планеты Негодяев заговорил через динамик облупленного интеркома и начал с того, что обрушил на Конопатую Сколопендру град ругательств. Выяснилось, что Конопатая Сколопендра — никуда не годный политик, растратчица хозяйского добра, бесполозная дармоедка, беспардонная авантюристка, неумеха, каких обозримая Вселенная не видывала, и вообще дура набитая. Сколопендра выслушала все это с должным смирением, а когда Великий Спрут задохнулся, смиренно спросила, чем это она прогневила батюшку. Видимо, смирение это несколько охладило делового носителя разума, и он перешел к конкретным обвинениям. Вот тут-то и началось самое интересное.

(Двуглавый Юл лежал связанный в сантиметре от зубьев циркулярной пилы, тарантулы попрятались по углам, Конопатая Сколопендра в почтительной позе мотала хитиновым черепом перед интеркомом.)

Во-первых. Как это прекрасно известно Сколопендре, более двадцати лет назад бывшему вольному пирату, а ныне предателю Двуглавному Юлу был в счет расходов на экспедицию за мозгами земель выдан аванс в размере ста миллио-

нов, а также вверен в аренду контрактор стоимостью в сто пятьдесят миллионов. Таким образом, на упомянутом Двуглавом Юле, бывшем вольном пирате, а ныне предателе, висит долг на сумму в двести пятьдесят миллионов. Он, Великий Спрут, готов с полным пониманием отнестись к садистским увлечениям Конопатой Сколопендры, но с кого он тогда эти двести пятьдесят миллионов получит? Совершенно очевидно, что Двуглавый Юл, распиленный циркульной пилой на произвольное число обрезков, станет неплатежеспособным, и тогда ему, Великому Спруту, останется только взysкивать сумму долга с нее, Конопатой Сколопендры, а это — дело совершенно бесперспективное, ибо всем известно, что она, ядовитая карга, не имеет за душой ни полушки, поскольку все свое огромное жалование пропивает начисто. Именно поэтому он, Великий Спрут, категорически запрещает учинять должнику Двуглавному Юлу какие-либо членовредительства впредь до выплаты последним начисленного на него долга.

Во-вторых. Если все же окажется, что ни один из захваченных землян, этих неразличимых шукувин размером с тележное колесо и с хвостами вместо всего прочего, не является чудодоктором Итай-Итаем, все равно всех пленных с Черной Скалы ни в коем случае нельзя доводить до смертного конца, ибо для реального политика они представляют собой клад поистине неоценимый. Даже такой ядовитой дуре, как она, Конопатая Сколопендра, должно быть ясно, что в самом крайнем случае их можно использовать как заложников, либо как обменный фонд, а при удаче и вообще перетянуть на свою сторону, прельстив богатым вознаграждением и прочими благами, и уж тогда ему, Великому Спруту, вся их планетка с кислородом, хлорофиллом, водой и красной кровью будет морем по колено, и вернется, может быть, славное старое время вселенского бизнеса.

Одним словом, ей, патентованной задрыге Сколопендре, надлежит оставить Двуглавого Юла в покое и переправить его в тюрьму, и непременно проследить, чтобы ее мясники не перестарались, усердствуя над остальными двумя пленниками...

— Вот так, Ваня,— заключил свой рассказ Двуглавый Юл.— Надавали мне тумачков по чавкам, развязали и поместили сюда.

Рассказывал он обстоятельно, смакуя подробности, то и дело похихатывая и возбужденно блестя тремя своими глазами. По лицу флагмана Макомбера было видно, что историю эту он слушает по крайней мере в четвертый раз, но рассказчика он не прерывал и не торопил — должно быть, понимал, в каком нервном напряжении пребывает их двухголовый друг, и считал полезным позволить ему эту маленькую разрядку.

Когда же настала его очередь, он очень коротко сообщил, что допрашивало его какое-то существо, похожее на чудовищно разросшуюся актинию, а начало оно с того, что приказало своим тарантулам повесить его за ноги. В таком положении он пробыл почти сутки, но палачи не знали, что он опытный космолетчик и способен переносить такие положения хотя бы и месяцами. Сначала от него добивались признания, что он и есть чудо-доктор Итай-Итай, а затем словно бы начисто забыли об этом и все время бились об заклад, сколько он так провиснет, пока не сдохнет. Затем явилась Конопатая Сколопендра в сопровождении двух молодых богомолов, они выбили актинию из камеры палками и спустили флагмана Макомбера на пол. Сколопендра сама допрашивала его, упирая на то, что признание ничем ему не грозит, была очень любезна и ограничилась тем, что вырвала у него два ногтя на левой руке. После этого его проводили в тюрьму и посадили вместе с Юлом.

Совсем уж коротко рассказал о своих переживаниях Ваня. Когда он закончил, Двуглавый Юл скрипнул зубами и крепко потер зеленоватые ладони. А флагман Макомбер, щурясь на свет лампы, произнес:

— Ты держался молодцом, Ваня. Достойный сын нашего Портоса. Впрочем, удивляться тут нечему. Перейдем к делу, друзья.

Он повернулся к решетчатой стене справа и негромко окликнул:

— Рамкэг, будьте любезны...

Щетинистая бурая туша в соседней клетке шевельнулась, со стуком переступили задранные углами мохнатые лапы, и к железным прутьям прикинула голову, украшенная двенадцатью лошадиными глазами. Сдавленный голос прошипел:

— К вашим услугам, флагман Макомбер.

— Рекомендую, Рамкэг,— сказал флагман.— Это Ваня, наш молодой друг, о котором мы уже имели честь вам рассказывать...

— Мировой парень! — подхватил Двуглавый Юл.— С пеленок его знаю!

— Весьма польщен,— прошипел сдавленный голос.

— А это Рамкэг,— продолжал флагман Макомбер.— Наш собрат по плену.

— Один из братьев,— поправил его Рамкэг.— Нас здесь не менее двухсот.

— Да, несомненно. Так вот. Рамкэг — представитель цивилизации носителей разума, населяющих эту планету. Между прочим, соотечественник известного тебе Искусника Крэг...

— Так называемый Искусник Крэг — выродок,— прошептал Рамкэг.

— Постойте! — воскликнул Ваня.— А разве это неправда — что Искусник Крэг был изгнан со своей планеты за доброту?

— Истинная правда,— ответил Рамкэг.—

Наши деды изгнали его за совершенно исключительную и подлинно самоотверженную доброту к самому себе.

Ваня захолопал глазами. Двуглавый Юл хлопнул его по плечу и загоготал в две глотки.

— Я тоже вот так же варежку раскрыл, когда это услышал,— сказала его правая голова.— Мы-то из кожи вон лезли—хоть глазком полюбоваться на народец, который такого отпетого мерзавца, как этот Крэг, за доброту изгоняет!..

Флагман Макомбер вежливо осведомился:

— Вы мне позволите продолжить, Юл?

— Валяйте, флагман, валяйте,— благодушно отозвалась левая голова.— Это я так... Очень уж потешно Ванька глаза вылупил...

— Так вот, коллега Рамкэг,— сказал флагман Макомбер.— Я взял на себя смелость беспокоить вас вот по какому поводу. Сейчас я вкратце изложу нашему юному другу все, что вы сочли возможным сообщить мне и Юлу о вашем мире, о вашей планете, куда мы столь несчастливо попали, а вы поправите меня, если я ошибусь, или дополните, если я пропущу что-либо, имеющее по вашему мнению значение. Я не очень затрудняю вас?

— Буду рад служить вам,— с достоинством прошипело двенадцатиглазое чудище.

Вот что узнал Ваня.

Планета называлась Спайда, а населявшие ее носители разума именовали себя спайдерами. Она с бешеной скоростью обращалась вокруг невидимой нейтронной звезды, рентгеновское излучение которой, поглощаясь в верхних слоях весьма плотной атмосферы, сообщало местным небесам ровное освещение— днем поярче, ночью потусклее. Между прочим, освещение это ни днем, ни ночью не мешало обитателям Спайды любоваться мириадами спутников— обломков развалившейся некогда огромной луны..

По какой-то причине рыбы мелких и тепловодных океанов Спайды так и не сумели выбраться на сушу, и помимо обильной и разнообразной растительности на материках обитали только членистоногие. Миллиард лет сухопутной эволюции привел к появлению всепланетного разума, а затем и цивилизации спайдеров; корнями своими уходящей в глубь времен по крайней мере на сто миллионов лет.

Еще на заре своего цивилизованного существования, может быть, оттого, что спайдеры живут сотни тысячелетий, они освоили идею о том, что каждый носитель разума, особенно пожилой, является бесценнейшим сокровищем коллектива. Из опыта борьбы за существование родилась доброта, и самые древние предания утверждают, что в години бедствия первобытные спайдеры спасали прежде всего своих стариков, а потом уж молодняк и в последнюю очередь яйца.

Спайдеры научились выращивать в пищу исполинские насекомоядные растения, напоминающие, видимо, земную росянку, сооружать из собственной и синтетической паутины хитроумные сотообразные города, мастерить машины и приборы...

(— В том числе и космические аппараты,— вставил Рамкэг.— Однако, если не считать Крэга-Душегуба, за последний миллион лет никто из нас не покидал планету. У спайдеров давно уже пропал интерес к космосу...)

...Они создали и освоили множество естественных и гуманитарных наук, создали превосходную педагогику и охотно и прилежно философствовали. Насколько можно судить, средний спайдер— существо чрезвычайно уравновешенное, благодушное и доброжелательное.

Исключение составил так называемый Искусник Крэг, он же Крэг-Душегуб. Эта скотина была довольно крупным ученым, работавшим главным образом в области пересадки тканей, а еще он интересовался нелинейными механиками. Примерно полтора миллиона лет назад грянул скандал: один за другим исчезли пятеро ассистентов Крэга. Было наряжено следствие. Останки исчезнувших обнаружались в заброшенных помещениях неподалеку от его лаборатории. Выяснилась небывалая и страшная вещь: Крэг оперативным путем изымал из своих жертв жизненно важные органы и пересаживал их в свой организм в качестве органов-дублеров высокой надежности.

Вся Спайда была потрясена. Цивилизация, главный принцип которой гласил: «Умри сам, а соседа спаси», растерялась. Непонятно было, как поступить с преступником. Смертной казни на планете не было никогда. На предложение покончить с собой Крэг ответил категорическим отказом. Тогда решено было изгнать Крэга. Специальная комиссия из сорока заслуженных спайдеров молча наблюдала, как отщепенец грузил на космический корабль горючее, запас продуктов, лабораторное оборудование и библиотеку. Затем он поднялся на борт, крикнул: «Я еще вернусь, слизняки! Ждите!»— и захолопнул люк. Корабль улетел, самой большой мусорной свалке на Спайде присвоили имя Крэга-Душегуба.

А Крэг вернулся. Триста тысяч лет назад он высадился на Спайде с эскадрой из пяти космических дредноутов и привел с собой это чудовище алчности и жестокости, Великого Спрута, а также целый полк головорезов-тарантулов, целую контору административного отребья всевозможных рас и пород и целую толпу затюканных до полусмерти рабов и слуг. И великой цивилизации спайдеров пришел конец. Наступило черное время владычества Великого Спрута.

Нет и не было во все времена и во всех пространствах более меланхолической и миролюбивой расы, нежели спайдеры. Каждый из них

готов был умереть за каждого, но они не умели и не хотели драться. Правда, передняя пара лап у спайдера оканчивается ядовитыми когтями — рудиментом незапамятных веков, когда предки спайдеров обитали на дне океана, — но никто и помыслить не мог пустить в ход это ужасное средство хотя бы для самозащиты.

Бешеный артиллерийский разгром нескольких городов навсегда подавил их робкие попытки протестовать и сопротивляться. Власть беспощадных и скорых на расправу пиратов сделалась абсолютной. Кое-кто бежал в леса — их выслеживали с воздуха и истребляли инсектицидами. Другие пытались укрыться в открытом океане — их топили словно бы для развлечения. Третьи объявили сидячую забастовку — их облили напалмом и сожгли заживо...

(— Но это было давно, — снова вмешался Рамкэг. — Теперь никто лапой не смеет пошевелить. Чуть что — негодяя грозятся залить мазутом инкубаторы, в которых выводятся маленькие спайдеры, или взорвать тротильные мины, заложенные под площадки для молодняка. А лет десять назад они потехи ради обрушили массу соленой воды в котлован, в котором тысячи наших самок готовились к несению яиц...)

Одним словом, несчастная Спайда живет ныне во мраке непрекращаемого злодейства. Правда, массовые избиения как будто прекратились. Великий Спрут вкюпе с предателем Крэгом и оголтелой Конопатой Сколопендрой действуют по отношению к спайдерам по принципу одного нашего древнего диктатора: «Хякусе коросадзу икасадзу» — «Не убивай холопа, но и жить ему не давай».

— Таково положение, — заключил свой рассказ флагман Макомбер.

Ваня был ошеломлен. У него голова кругом шла от всех этих жестокостей и умертвий, и никак не укладывались в сознание все эти миллионы и сотни тысяч лет. Он прокашлялся, потряс головой и сказал:

— Надо помочь.

Флагман Макомбер пожал плечами:

— Разумеется! Иначе наше пребывание здесь теряет всякий смысл. Но необходимо все тщательно продумать и взвесить...

— А я так хоть сейчас готов! — объявил Двуглавый Юл и принялся с оттяжкой откидывать назад ногами мусор, скопившийся на полу.

— Какой удалец! — благоговейно прошипел Рамкэг.

Ваня невольно хихикнул, а флагман Макомбер нетерпеливо произнес:

— Не валайте дурака, Юл. Сядьте, пожалуйста. Поговорим серьезно. Какие есть вопросы?

— Вопрос такой, — сказал Ваня. — Где мы, собственно, сейчас находимся?

Сразу же после захвата Спайды бандиты принялись устраивать себе уютное гнездышко.

Поскольку Великий Спрут питал отвращение к океанским просторам (и к просторам вообще), место было выбрано на плоскогорье в центре самого обширного материка. В течение нескольких лет была сооружена крепость, на строительстве которой погибли от истощения многие тысячи спайдеров, а выжившие были перебиты для сохранения тайны. Крепость пышно назвали Цитаделью. Та часть Цитадели, которая выступает над плоскогорьем, имеет вид уступчатой пирамиды в сотню метров вышиной, сложена она из обтесанных базальтовых блоков, на верхних уступах размещены пушки и ракетные установки, снятые с космических дредноутов. В подвальных этажах Цитадели, как водится, оборудованы склады, тюрьмы и пыточные камеры. Мы находимся как раз в одном из этих подвальных этажей. Выше располагаются казармы и кантины для тарантульего воинства, еще выше — лаборатория Искусника Крэга и зловонное обиталище Конопатой Сколопендры, а на самом вершине — апартаменты Великого Спрута. Судя по всему, взять Цитадель снаружи невозможно, если не применять запрещенные виды боевой техники — вроде ядерных снарядов или излучателей антиматерии. Взять же Цитадель изнутри...

— Между прочим, — сказал флагман Макомбер, — а чем вооружены тарантулы? Тюремный смотритель, который здесь шляется, таскает на себе какой-то меч или палаш...

— Я знаю! — произнес вдруг Двуглавый Юл. — Насчет этого, ребята, я могу вам все доподлинно обказать. Имею кое-какой личный опыт, да и здесь уже кое-что подметил.

Двуглавый Юл обказал весьма любопытные и важные вещи. Оказывается, огневого оружия тарантулы не знают и знать не хотят. Пушки, ракеты и торпеды в пиратской армии Великого Спрута обслуживаются богомолами, единственными из его наемников, кто имеет что-то похожее на руки. Тарантулы же — мастера ближнего боя, виртуозы рукопашной, им бы только сойтись с неприятелем вплотную... Во-первых, у них ядовитые челюсти, не слабее, чем у Конопатой Сколопендры. Во-вторых, рубящим и колющим оружием они тоже не пользуются, держат нечем, а этот урод-смотритель таскает свой меч или там палаш скорее всего ради понта. Оружие у тарантулов страшнее, чем всякие мечи-палашки-кинжалы...

(— Так, именно так, — удрученно прошипел Рамкэг.)

Как все членистоногие, тарантулы дышат трахеями. А трахеи у них, особенно на брюхе, будь здоров, палец просунуть можно. Так вот, в отверстия этих трахей, в так называемые стигмы, вставляются духовые трубки, заряженные этикими железными гарпунчиками с зазубренным острием, по пять, а то и по десять трубок на брата. В нужный момент тарантул резко сокра-

щает мышцы у себя в брюхе, воздух в трахее предельно сжимается и с силой выдувает из трубки гарпунчик по врагу. Ему, Двуглавному Юлу, приходилось на Планете Негодяев своими глазами видеть, как тарантул пробивал таким гарпунчиком сантиметровую доску на двадцати шагах. А уж воткнется этот гарпунчик в тело — его назад только вместе с кишками вытащишь...

(— Так, так, именно так! — шипел Рамкэг.)
Вот чем вооружены тарантулы.

— Понятно, — сказал флагман Макомбер. — Вы сами видите, друзья, нам есть над чем подумать. Совершенно не исключено, что в создавшейся ситуации наилучшей тактикой будет выжидание...

— Выжидание! — презрительно отозвался Двуглавый Юл. — Я на вас удивляюсь, флагман! Чего ждать-то? «Гречко»? Так он, может, и вообще не придет... Застрел где-то между «матрешками»... или след наш потерял. Пятые сутки пошли!

— Я понимаю ваше нетерпение, милый Юл, — с необычайной мягкостью сказал флагман Макомбер. — Но в отношении космохода я настроен более оптимистически. Вы обратили внимание на то, что вторжение Великого Спрута на Спайду произошло триста тысяч лет назад? А с Планеты Негодяев он удрал двадцать лет назад. Даже принимая во внимание факторы, нам неизвестные, напрашивается вывод, что время в этом пространстве течет в десятки тысяч раз быстрее, нежели в нашем. За эти четверо суток там, у нас, прошло не более минуты. И хотя мне лично почти ничего не известно о межпространственных перемещениях, я совершенно уверен, что наш «Гречко» движется к нам и непременно будет здесь самое большее через неделю...

Воцарилось молчание. Ваня встал и нервно заходил по клетке. Двуглавый Юл безнадежно махнул рукой и уселся на кучу мусора. Рамкэг печально шипел и шуршал за решеткой. Вдруг Ваня остановился перед ним и спросил:

— За что вас заключили в тюрьму, Рамкэг?

— Нас, спайдеров, сажают в тюрьму не за что, а почему, — тихо прошипел Рамкэг.

— Ладно, почему. Так почему вы сидите в тюрьме, Рамкэг?

— Потому что мы пища. Завтра у пиратов Сытная Пятница. Рано утром всех нас, двести спайдеров, по двое и по трое отведут на поварню и изрубят на куски.

Глава одиннадцатая

Ваня сел. Флагман Макомбер вскочил на ноги. Только Двуглавый Юл остался на своей мусорной куче и принялся кивать обеими головами, словно бы говоря: «Ну вот, так я и знал! А вы тут рассусоливаете...» Флагман Макомбер

посмотрел на Ваню. Ваня глядел на него с упреком. Флагман посмотрел на Рамкэга. Рамкэг глядел на него с видом полной покорности судьбе. Флагман снова сел.

— Гм... — произнес он. — Что же вы раньше молчали, коллега Рамкэг! Это, разумеется, несколько меняет дело.

— Мы не будем сидеть и смотреть спокойно, — горячо сказал Ваня, — как погонят на убой носителей разума!

— Две сотни штук! — напомнил Двуглавый Юл.

— Гм... — повторил флагман Макомбер. — Придется драться. Но шансов у нас прискорбно мало...

— Ха! — воскликнул Двуглавый Юл. — Шансов мало! А много ли было у нас шансов, флагман, когда мы с вами дрались в подземельях Планеты Негодяев?

— Будем драться, — решил флагман Макомбер. — Ну, в крайнем случае погибнем, так когда-то же надо...

— Мужественно погибнем! — подхватил Двуглавый Юл.

— Народ Спайды никогда вас не забудет! — прочувствованно прошипел Рамкэг и из всех его двенадцати глаз полились слезы.

Двуглавый Юл немедленно накинудся на него.

— Только не воображайте, будто вы будете отсиживаться по клеткам! — заорали наперебой обе его головы. — Драться будем все вместе! Один за всех, и все за одного! Что у вас там — ядовитые когти? Даешь ядовитые когти! Долой идиотские предрассудки! Смело пускать когти в ход! Во имя свободы! Чтобы ни один мерзавец не ушел от вас! А знаете ли, кто поведет вас в бой и к победе? Сам флагман Макомбер! Самый искусный полководец самой драчливой планеты во всех вселенных! Испытанный во множестве сражений! И я вас поведу, Двуглавый Юл, тоже испытанный! И вот этот парень, Ваня! Хотя ему еще не приходилось сражаться, но его воспитывали лихие вояки — Атос, Портос и Арамис! Так что он тоже не подведет! Готовьтесь к бою, спайдеры! Точите ваши ядовитые когти! Помните о счастливых летах вашей цивилизации! Не бойтесь смерти в бою — она прекрасна! Не то что на поварне! Исполняйте решимости!

Голоса его гулко раскатывались по всей тюрьме, и сначала замерли в своих клетках обреченные узники, потом зашипели и зашуршали, пригикли головогрудями к решеткам, а когда Двуглавый Юл умолк, запыхавшись, отовсюду понеслось свистящей поземкой:

— Мы готовы! Ведите нас, земляне! Веди нас, полководец Макомбер! Веди нас, Двуглавый Юл! Положись на нас, храбрый парень Ваня! Победа или смерть! Мы вонзим наши когти в ненавистного врага!

И тут же из всех клеток послышались зловещие чиркающие звуки: спайдеры принялись точить свои когти.

— Что значит хорошая зажигательная речь! — гордо сказал Двуглавый Юл.

— Еще лучше хороший зажигательный пример, — осадил его флагман Макомбер. — Для начала необходимо открыть клетки и вывести спайдеров в коридор.

— Для начала нам самим надо выбраться из клетки, — проворчал Двуглавый Юл.

— А что сказал д'Артаньян? — лукаво произнес флагман Макомбер.

— Он много чего говорил, — отозвался Ваня, улыбаясь.

— Кто это такой — д'Артаньян? — осведомился Двуглавый Юл.

— Лучший друг Атоса, Портоса и Арамиса, — ответил флагман.

— Никогда о нем не слышал, — проговорил Двуглавый Юл.

— Это не суть важно, дорогой Юл... А дело в том, что в аналогичных обстоятельствах д'Артаньян сказал: «Эта мышеловка была достаточно прочна для двоих, но для троих она уже слабовата». По моим расчетам примерно через час должен явиться этот тип — тюремный смотритель. Его надо заманить к нам в клетку.

— Вас понял, — проговорила левая голова Двуглавого Юла.

— Ох-х-х, ох-х-х, ох-х-х... — восторженно-испуганно пропыхтел Рамкэг.

И смотритель своевременно появился, старый подслеповатый тарантул, потерявший в каких-то давно забытых драках две ноги и половину морды, и Двуглавый Юл окликнул его и попросил добавочную порцию жратвы в обмен на золотую цепь, и смотритель, натурально, пожелал взглянуть на эту цепь, а Двуглавый Юл предложил ему искать дураков в другом месте, цепь же будет предъявлена против жратвы, а без жратвы не видать смотрителю этой цепи, как своих... гм... как своей спины. Сразу было видно, что смотритель либо никогда не имел дела с землянами, либо привычка к абсолютной власти над узниками вошла в его плоть и кровь. Не теряя ни секунды драгоценного времени, он отомкнул замок стержневым ключом, прикрученным к его единственному уцелевшему жвалу, распахнул дверь и молча ринулся на Двуглавого Юла. Тут-то и бросились на него с двух сторон флагман Макомбер и Ваня. В два счета тарантула перевернули на спину, расчленили за лапы посередине клетки (Рамкэг и сосед слева поднатужились и отпустили на это дело по десятку аршин отборной паутины) и забили ему ядовитую пасть мусором, чтобы не орал без толку.

Флагман Макомбер снял со смотрителя двуручный меч с обоюдоострым лезвием, Двуглавый Юл отвязал от тарантульего жвала ключ,

и друзья выскочили в коридор. В клетках возбужденно шипели и пыхтели спайдеры, подскакивали на задранных углами мохнатых лапах, блестя лошадиными глазами.

Немало, ох, немало времени понадобилось для того, чтобы освободить и вывести в коридор всех узников. Двуглавый Юл взмок, бегая от двери к двери, — шутка сказать, отомкнуть двести замков! Ваня подхватывал спайдеров, ошалевших от нетерпения и готовых мчаться, куда глаза глядят, и подталкивал их к флагману Макомберу, который выстраивал их шеренгами, похлопывал по щетинистым головогрудям и произносил ободряющие слова. Наконец построились — плотной колонной в сорок шеренг по пяти чуть ли не на всю длину тюремного коридора. Земляне встали во главе колонны перед закрытыми воротами. Ваня туго намотал на правый кулак свой кожаный пояс с металлическими бляхами, а Двуглавый Юл ничем не стал вооружаться — стоял и сжимал и разжимал костлявые кулаки.

Флагман Макомбер повернулся лицом к шеренге.

— Друзья! — негромко произнес он.

Стало тихо, только неровным зудением слышалось взволнованное дыхание через бесчисленные трахеи.

— Друзья! — произнес флагман Макомбер. — Сейчас мы вступим в бой. Там, за воротами тюрьмы, нет никого, кроме наших врагов. Пощады не ждите, и потому сами не давайте пощады. Возможно, мы все погибнем, но все равно, зря свободы встанет сегодня над Спайдой!

Он повернулся к Двуглавному Юлу.

— Ворота! — приказал он.

Двуглавый Юл выбежал вперед и откатил широкую воротину.

За воротами открылся ярко освещенный тоннель с влажными от пахучей слизи стенами. А поперек тоннеля, во всю его ширину, неподвижно, безмолвно, грозно стоял тупым концом вперед строй тарантулов.

Глава двенадцатая

— Кажется, нам конец, — с отвращением произнес флагман Макомбер.

Ваня всей спиной почувствовал, как подалась назад колонна спайдеров.

— Привет, голубчики! — глумливо проскрипела Конопатая Сколопендра, поднимая верхнюю часть туловища над строем тарантулов. — Не ждали, а?

И сейчас же где-то под потолком тоннеля раздался жирный голос:

— Кончай с ними, Конопатая! В гробу я видел таких заложников. Сдохни, Двуглавый! Сдохни и ты, храбрый сопляк! Ты слишком храбрый, что-

бы дозреть до старости... И ты сдохни, флагман Макомбер, у меня от тебя голова болит! Кончай их, Конопатая ведьма!

Теперь представьте себе эту картину. Поперек тоннеля стоит боевой строй тарантулов, из шеренг которого высовывает свою гнусную башку Конопатая Сколопендра. В двадцати шагах перед их фронтом стоят флагман Макомбер с мейом и Ваня, за ними, стиснутая решетчатыми стенами тюрьмы, теснится зыбкая колонна спайдеров. А слева, если смотреть со стороны Вани, еще держится за откинутую воротину Двуглавый Юл.

— Впрочем,— произнес флагман Макомбер, едва замолк голос Великого Спрута,— сделаем, что сможем.

И тут Ваня выскочил вперед. Он ведь был прирожденный артист, этот Ваня, что бы ни думал о нем Атос. Он весело и угрожающе запел:

А как известно, мы —
Народ могучий
И не выносим
Мерзости паучьей,
И любим мы трясти
Паучьи души...

(— Ваня, Ваня! — укоризненно прошептал флагман Макомбер.— Как тебе не стыдно! Ведь спайдеры тоже в некотором смысле пауки...

— Ничего, ничего, пусть поет, это он про тарантулов! — прошипел за его спиной Рамкэг.)

Пусть они скрипят,
Пусть они скулят,
А ты послушай! —

пел Ваня, на ходу переиначивая песенку из любимых своих «Бременских музыкантов».—

Мы раз...
Мы бо...
Мы бойники!
Разбойники! Разбойники!
Раз в глаз,
И вы покойники!
Покойники! Покойники!

Невооруженным глазом было видно, что тарантулы слегка обалдели. Конопатая Сколопендра застыла, выпучив свои гнойные бельма. Ваня пел:

А кто увидит нас,
Тот сразу ахнет,
И для кого-то
Жареным запахнет
И кое-что
За пазухой мы держим...

(— Правильно, Ванька! Давай! — восторженно шептал Двуглавый Юл.— Давай, все правильно!

Да, было, было кое-что за пазухой, только Ваня этого не знал, а Двуглавый Юл знал отлично!..)

Ну-ка, пауки!
Ну-ка, дураки!
Держись, невежи!

Тарантулы, да и сама Конопатая Сколопендра, словно замороженные, глядели на поющего Ваню. Такого они еще не видывали. Противник не сражается, не просит пощады, не клянчит выпить и закусить, а что-то такое воет, это надо же! А флагман Макомбер — недаром был он выдающимся полководцем самой драчливой планеты во Вселенной! — потихоньку разводил передовые шеренги спайдеров по флангам. Перед тупым углом тарантульего строя образовывался вогнутый строй — в миниатюре это становилось похоже на построение войск Александра Невского перед «свиньей» тевтонских псов.

А Сколопендру мы
В гробу выдали!... —

пропел с соответствующими телодвижениями Ваня. И тут Сколопендра вынырнула из трансa. Она зашипела, забрызгала ядом и одним неуправляемым движением перелилась через передние шеренги своих головорезов. Ее всю трясло от ярости.

— Я сама!.. — иступленно бормотала она. — Сама! Я их сама... Мальчишка будет первым!

Она изогнулась, готовясь к смертельному прыжку. Ваня побледнел, замолчал и стал отводить кулак, обмотанный ремнем. Флагман Макомбер встал рядом с ним и поднял меч. И в то же мгновение Двуглавый Юл гаркнул в обе глотки:

— Эй, ты, дрянь! А ну, повернись ко мне!
Он сорвал с правой своей головы черную повязку.

Дальше счет пошел на секунды.

Когда-то, еще первоклашкой, выслушав в сотый раз от своего закадычного двухголового друга легенду о взятии Планеты Негодяев, Ваня спросил его, как он относится к Великому Спруту сейчас, когда все уже позади. Двуглавый Юл ответил на своем кухонно-пиратском жаргоне:

— Я его терпеть ненавижу, не то чтобы что.
— Почему? — с любопытством осведомился Ваня.— Ведь ты сам бывший пират.

— То-то и оно! — сразу отозвалась правая голова.— Да, я был пиратом. Грабил, пленял, убивал. Лил кровь всех цветов и оттенков. Но при этом я сам рисковал жизнью, у меня вся шкура в дырах, подо мной три корабля пошли ко дну, обломки их и по сю пору носятся где-то на границах обозримой Вселенной... А эта скотина Великий Спрут сидел жирным мешком в своем медном купоросе и только денежки подсчитывал... Эксплуататор!

Униженно кланяясь, представал он перед Галей, любящей и нежной Ванькиной мамой, нелов-

ко подносил ей самодельные натюрморты из голотурий, морских звезд и морских ежей, но так и не дождался от нее ничего более любезного, нежели холодная улыбка и холодные слова благодарности. Нет, так и не забыла ему Галя ни похищения через экран телевизора, ни грязного карцера, ни угрозы быть сожранной заживо. И допустила его дружбу с младшим сыном только под настойчивым нажимом добродушного мужа и старших сыновей...

— Ты знаешь, Ванька,— как-то сказал задумчиво Двуглавый Юл своему маленькому закадычному другу,— тысячи лет болтался я по Вселенной и ни разу не встретил никого, похожего на меня. Решительно не знаю, откуда я взялся. Носитель разума без родины— подумать только! Самое раннее воспоминание мое— держит меня на теплых щупальцах старая полипиха с планеты Желтых Трав... Я там побывал спустя несколько веков, разграбил и сжег один тамошний город... Да, добрая она была старуха, кормила меня полупереваренной хлореллой, без нее я бы сдох, конечно. А обретались мы в трюме у знаменитого тогда работарговецца, Кровососа Танаты. Потом в трюме разразилась чумка, Кровосос Таната приметил меня и взял к себе каютным слугою. Бил он меня зверски и укатал бы насмерть, да тут команда взбунтовалась, Танату бросили в реактор, и сделался я юнгой на пиратском корабле... И пошло, и пошло. Вот. А родины своей я так и не знаю. Сначала спрашивал— у приятелей по налетам, в кабаках, у пленных, а потом и спрашивать бросил, никто не знает. Так-то вот, друг мой Ванька...

Счет пошел на секунды.

Напомним еще раз диспозицию.

Поперек тоннеля, ведущего от ворот тюрьмы, тупым углом вперед стоит строй тарантулов.

В двадцати шагах перед ним стоит вогнутый строй спайдеров.

Перед строем тарантулов пригнулась к прыжку разъяренная Сколопендра.

Перед строем спайдеров стоят готовые к смертельной схватке флагман Макомбер с поднятым мечом и Ваня с кулаком, отведенным назад для встречного удара.

А слева, правым боком к ним, стоит у откинутой воротины Двуглавый Юл.

— Эй, ты, дрянь! А ну, повернись ко мне! — гаркнул он в обе глотки и сорвал с правой головы черную повязку.

И пораженный Ваня увидел: из пустой правой глазницы выдвинулся вороненый ствол пулемета.

На крик Конопатая Сколопендра круто повернулась к Юлу.

— Первым хочешь ты быть? Изволь!.. — присипела она.

Последнее, что в своей многовековой зловонной жизни увидела Конопатая Сколопендра, было черное дуло, уставившееся на нее в упор. Затем из дула брызнуло сине-багровое пламя, загремела длинная очередь, и из правого уха правой головы Двуглавого Юла посыпались, звонко ударяясь о каменный пол, горячие гильзы.

Так и кончилась в одночасье Конопатая Сколопендра, длинное многоногое туловище, битком набитое страхами и неистовой злобой. Гнилыми клочьями разлетелись крытые хитином сегменты, и грохнулась на пол срезанная пулями тупая башка, бессильно грызя камень грязными от яда серповидными челюстями.

— Сарынь на кичку! — взревел в две глотки Двуглавый Юл и полоснул второй очередью по тарантулам.— Вперед, братишки-спайдеры.

Но тарантулы уже поднялись на задние лапы. «Пшшш! Пшшш! Пшшш!» — ударили духовые трубки. В страшной тишине после пулеметного грома было отчетливо слышно, как железные гарпунчики с мягким треском пробивают грудь Двуглавого Юла, и Ваня с отчаянием увидел: друг детства его, бывший вольный пират и незаменимый вратарь Нарьян-Марской любительской команды качнулся под смертельными ударами, попятился и упал.

И умер Двуглавый Юл.

— За мной, в атаку! — произнес флагман Макомбер и зашагал вперед.

Спайдеры всей массой двинулись на врага.

Сошлись в воротах. Ну и бой начался! Знатный бой. Спайдеры пошли жестоко и яростно. То ли заря свободы, зажженная в их сердцах землянами, то ли самоотверженная гибель Двуглавого Юла, то ли тысячелетняя ненависть к поработителям, а скорее всего, и то, и другое, и третье вместе, но погасло в одно мгновение в их душах миролюбие и смирение, и отвращение к убийству. Тупой угол тарантульего строя был мгновенно стиснут с флангов. Бешено заработали ядовитые когти. Острые угла искрошил мечом флагман Макомбер и размазал по полу Ваня — сила кулака его равна была удару задней ноги лошади, и головогруды тарантулов расквашивались под ним, как тухлые яйца под сапогом. И тесно-тесно сделалось в тоннеле.

— Не давать им отрываться! — хрипел флагман Макомбер, работая мечом.— Гонитесь за ними по пятам!

Победа далась удивительно легко. Лишившись вождихи, впервые за много тысяч лет встретившись с достойным противником, тарантулы с каждой минутой дрались все более вяло и неуверенно. Затем они побежали. Добивая удиравших (пленных не брали), спайдеры рассыпались по закоулкам и переходам. Сейчас же

поднялись разноплеменные рабы, обслуживавшие Цитадель. Мечущихся в поисках спасения охранников и холоев рубили вручную, и запыхавшийся Рамкэг, со свистом дыша через тысячи своих трахей, пошутил с мрачной наивностью одного средневекового автора, что туши их жирны и хорошо удобряют почву планеты...

Однако, стоп. Не стоит утомлять читателя описанием жестокостей этой уникальной битвы. Восставший угнетенный всегда прав, и этим все сказано. Да и в памяти у Вани сохранилось весьма немного. Она ведь милосердна бывает, память человеческая.

Вот он бежит по широкому, ярко освещенному коридору. В руках тяжелая секира. (Откуда, как попала в руки?) За ним, не отставая ни на шаг, мчится Рамкэг и мчатся еще два взъерошенных спайдера, они волочат с собой како-

го-то холоя, отвратительного пупырчатого слизня, непрерывно извергающего со страху вонючий помет. Кто-то бросается на Ваню сбоку. Какая-то тварь — то ли гигантский скорпион, то ли рак... Ваня, не останавливаясь, бьет наотмашь секирой — тварь с треском разламывается, на колени выплескивается коричневая жижа...

— Где? — задыхаясь, кричит Ваня.

— Здесь, здесь! — пищит слизень.

Дверь. Заперто. Удар секирой. Еще раз, еще раз... Дверь исчезает. В лицо — дикая кислотная вонь, от которой слезы вытекают из глаз. Вот оно, логово Великого Спрута. Ах, поздно... Жирными червяками корчатся на ковре щупальца, покрытые жадно зевающими присосками и роговыми крючьями. Насмерть перепуганный сине-фиолетовый раб трясущейся рукой рассказывает... Великий Спрут, весьма деловой носитель

разума и неизмеримо богатый мерзавец, кончил самоубийством — обкусил себе все щупальца и утопился в унитазе. Ваня смотрит на жирную студенистую тушу, плюет и спускает воду. Кончено с Великим Спрутом.

— Ваня, сюда! — шипит за спиной Рамкэг.

Ваня оборачивается. Вояки-спайдеры намертво зажали в углу своего соотечественника, жирного спайдера в двенадцатилинзовых очках в золотой оправе.

— Крэг-Душегуб, — коротко сообщает Рамкэг.

Искусник Крэг поправляет очки и обращается к Ване.

— Прошу оградить меня от произвола этих пошляков, — с достоинством произносит он. — Я могу, я очень могу, я бесценен, я ученый и изобретатель. Я могу пригодиться любой расе и любой власти. Мозг мой является хранилищем множества тайн о природе и духе, я пригоден для служения любой цивилизации!

Рамкэг бесстрастно глядит на Ваню.

— Что? — подавляя бешенство, говорит Ваня. — Что вы на меня смотрите, Рамкэг? Кончайте эту гадину, не валяйте дурака!

Многому, ох многому научился Ваня за несколько минут экспедиции в преисподнюю.

Три пары ядовитых когтей погружаются разом в лысую спину Искусника Крэга. Короткий визг... Все. Нет больше изобретателя контрактора, машин на мозгах носителей разума и еще многих других подлостей. Позорно издох предатель родной планеты, виновник мучительной гибели мириад соотечественников, подлый холуй подлого диктатора. И да будет эта бесславная смерть назиданием всем разумным существам в огромном и разнообразном мире!

И еще помнит Ваня.

Они стоят на верхнем уступе Цитадели. Тупо и бессмысленно торчат в разные стороны лазерные пушки и ракеты на лафетах, валяются возле них изрубленные и искусанные богомолы, у стены выстроились, задрав углами мохнатые лапы, усталые и потрепанные победители. Тут же лежит накрытый белым шелковым покрывалом труп Двуглавого Юла. А над головой, в серо-зеленом небе ползут неправильные белесые пятна — спутники Спайды, обломки развалившейся некогда огромной луны. А внизу, насколько хватает глаз, бурая шевелящаяся равнина, тысячи тысяч спайдеров, сошедшихся к Цитадели.

Флагман Макомбер отбрасывает испачканный меч и трясущейся ладонью вытирает лоб.

— Ваня, — произносит он. — Ты должен им что-нибудь сказать.

— Почему же я? — вяло возражает Ваня. — И что говорить?

— Ваня, — строго произносит флагман Макомбер. — Надо!

Ваня делает несколько шагов и останавливается на самом краю уступа.

— Товарищи! — кричит он и прокашливается. — Граждане Спайды! Самки и самцы! Мы, земляне, приветствуем...

И тут его прерывают. Громовой голос с неба гаркает:

— Эй, где вы там! Флагман, Ванька, Юл, отзовитесь!

И с серо-зеленого неба, расталкивая крутыми боками обломки древней Спайдовой луны, пошел спускаться прямо на Цитадель межпространственный космоход «Гречко», стометровый утюг из лучших земных сплавов, оцетиненный гравитонными пробойниками, с биопарализатором в боевом положении.

— Ну, вот и все, — произносит флагман Макомбер.

Эпилог

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 ноября 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции 305-го.

Атмосферники весело раскрутили коварный тайфун «Катенька» в обратную сторону.

Работники Мадридской лаборатории биосинтеза запустили в жизнь инфузорию с белком на германиевой основе.

Во Внукове, на окраине Москвы, открыли мемориал Чести и Славы Российской, работы знаменитого Сиверса.

У берега острова Сокорро выбросили в подпространство еще восемьдесят тонн древних радиоактивных отходов.

Замяукали и закричали сотни тысяч новорожденных, будущих врачей, учителей и воспитателей, мастеров, ученых и спортсменов, и — чего только не бывает? — великих писателей, художников и философов.

В купольном городе на Венере молодая мама отшлепала по попке свою десятилетнюю дочь, создавшую робота, который писал за нее сочинения по литературе.

Уходили в Глубокий Космос и возвращались на родные базы сверхдальние звездолеты, опаздывали на свидания, целовались и ссорились влюбленные; поэты конструировали стихи, а мастера создавали поэмы из металла и электроники; кто-то бесстрашно входил в испытательные камеры, а кто-то с бесконечной осторожностью и с неизмеримым терпением обследовал загадочнейшего вдруг младенца...

В этот день на берегу некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана справляли свадьбу. Трубадур женился на своей Принцессе. Все было очень скромно, из посторонних присутствовали только флагман Макомбер и спайдер

Рамкэг, стажировавший на Земле для овладения теорией и практикой межпространственной связи. Даже из «Бременских музыкантов» кроме жениха и невесты никого не было.

На любой взгляд это была примечательная пара: пепельноволосая красавица-девочка с зелеными глазами в половину лица и седой, как лунь, двадцатилетний парень с лицом, словно бы опаленным страданиями и смертельной битвой. Галя украдкой прижимала к глазам платочек, Портос гулко кричал и усиленно наполнял бокалы, Атос старательно улыбался одними губами, Арамис же время от времени механически вскрикивал «горько!» и в каком-то оцепенении смотрел, как молодые целуются. И при всем при том каждый из присутствующих отчетливо понимал: жить друг без друга Ваня и Тзана не могут.

И вот в разгар этого чинного уныния случилась поразительная вещь.

Ночь была, бесконечная полярная ночь, как вдруг распахнулось окно, и вместе с шорохом волн на пологом галечном берегу в залу влетел черный носатый грач. Сделав круг над столом, он уселся на люстру и сказал:

— Ванька, не дрейфы! Все будет хорошо! Это я тебе говорю, Пупа, он же Пузатый Пацюк! Благославляю тебя с твоею Тзаной. Знай, паршивец этакий, что твой далекий потомок, чудо-доктор Итай-Итай произойдет от твоего брака с нею, от вашей великой любви!

И, сказавши это, грач улетел, и захлопнулось само собой окно. И — ах! как все изменилось за свадебным столом! Но стоит ли об этом?

Кто же он такой, этот Пупа, Пузатый Пацюк? Может быть, пришелец из совершенных миров? Или совершенных времен? Кажется, чего проще — спросить его самого. Да нет, язык не повернется. Да и стоит ли? Время летит, а дел много, ох как много! А праздное любопытство есть проявление бестактности и невежества, самых отвратительных пороков после трусости. Будем же просто счастливы тем, что Пупа, Пузатый Пацюк, на нашей стороне...

Поздно ночью, когда все стихло в доме на берегу океана, Галя и Портос неслышно вышли и сели в самолет. Летели всего час, а летели они на восток, и утро было в разгаре, когда из зеркала Великого океана выросла Черная Скала.

Там, на каменистой вершине, была могила. И на могильную плиту, низко склонившись, мать и отец Вани положили по букету северных цветов.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЕНИСА ДАВИДОВА

ДИТЯ УДАЛОЕ РОССИИ

Нина
ШИРОКОВА

Рисунок
О. Ашмаринной

Утром, вставя ногу в стремя, —
Ах, какая благодать! —
Ты в сегодняшнее время
Умудрился доскакать.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

«Пусть грянет Русь военною грозю, —
Я в этой песне запеваю!»

«— Что же ты не пьян нынче? — сказал Несвицкий Денисову, когда он подъехал к нему.

— И напиток-то вгемени не дадут! — отвечал Васька Денисов. — Целый день то туда, то сюда таскают полк. Дг'аться так дг'аться. А то чег'т знает что такое!

— Каким ты щеголем нынче, — оглядывая новый ментик... сказал Несвицкий.

— Нельзя, в дело иду! Выбг'ился, зубы почистил и надушился».

Так и хочется добавить — даже к самому Толстому! — любимое выражение Дениса Давыдова: «Атака — любезное дело!» Ради нее стоит выбриться и надушиться...

...Лев Толстой скажет потом в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»: «М. Д. Афросимова и Денисов — вот исключительно лица, которым невольно и необдуманно я дал имена, близко подходящие к двум особенно характерным и милым действительным лицам тогдашнего времени... Все же остальные... совершенно вымышленные и не имеют даже для меня определенных первообразов».

«Васька Денисов был маленький человечек с красным лицом, блестящими черными усами и волосами», —

такой портрет даст Л. Н. Толстой одному из любимых своих героев.

Однако вот более документальная характеристика, данная одним из современников Дениса Васильевича Давыдова: «Не хорош собою, но физиономию имел умную, живую, выразительные глаза, писклявый голос, росту среднего, сложения крепкого, на коне, как прикован к седлу».

Денис Давыдов... Адьютант Багратиона, соратник Кутузова, участник всех войн своего времени, вышедший в отставку генерал-лейтенантом... Это молодецкое имя до сих пор звучит как боевой сигнал; в нем — энергия звенящего клинка, удаль, честь и отвага. Воин, поэт, военный мемуарист — след его сабли и его пера остались навечно. Придерживая ножны, позванивая шпорами, вразвалочку, по-кавалерийски идет по русской истории этот удивительный человек...

Суворов, легендарный «генерал Вперед», напросился ему в детстве: «Еще я не умру, а он уже три сражения выиграет». Видно, что-то и в самом мальчишке предвещало его судьбу, помимо того, что и дед, и отец Дениса, и все братья, даже двоюродные — вся семья — были военные. Перед Суворовым он преклонялся. Представитель офицерских кругов, Денис Давыдов прилеживался всю жизнь суворовского, человеческого отношения к брату-солдату.

И в молодых годах, и в зрелости, будучи опытным, закаленным в боях воином, исповедовал Денис Давыдов и суворовский принцип: не числом, а умением. Воспитанный на традиционных, классических правилах ведения войны, он, однако, первый применил партизанскую тактику в Отечественной войне 1812 года. И Кутузов поддерживал его: «Поелику осеннее время наступает, через то движение большою армией делается совершенно затруднительным, наиболее с многочисленною артиллериею... то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подадут мне более способов истреблять его...»

Партизанских отрядов было много. Но Денис Давыдов со своими 50 гусарами и 80 казаками был первым. И Кутузов особо выделял его: сообщал о движении армии, уведомлял о неприятельских транспортах, следующих по Смоленской дороге, следил за его действиями.

Давыдов «играл» с французами на Смоленской дороге... Что такое «вентерь», старый казачий прием? Военный прием, но и военная игра — со своей хитростью, с одурачиванием: заманить врага небольшой горсткой всадников, затуманить его голову легкой победой и, «удирая» от него, вывести на крупную засаду и разбить в пух и прах. Денис Давыдов был мастер на эти штуки. «Играючи», он взял в плен под Лиховым двухтысячный отряд наполеоновского генерала Ожеро, под Копьсом уничтожил французское кавалерийское депо, под Бельничями рассеял силы врага, вдвасятеро превосходящие его собственные...

Будьте уверены: под мужичком армяком, надетым поверх мундира, чтобы не смущать жителей деревень, у него были эполеты... Но — кадровый военный и офицер — он на всю жизнь сохранил партизанские замашки, проявляя истинно народную хитрость: где нельзя в лоб — надо искать обход.

Любопытна одна история из жизни его, связанная с судьбой Баратынского, разжалованного за волюндумие и девять лет тянувшего солдатскую ляжку. Пока влиятельные друзья Баратынского действовали «на главном направлении», обстреливая просьбами об изменении его судьбы царский дворец, Давыдов по старой партизанской привычке «выскачил во фланг». Он «обстреливал» письмами военного губернатора Финляндии Закревского, где в Нейшлотском пехотном полку служил Баратынский: «Сделай милость... Постарайся за Баратынского...» — и «стрелял» до тех пор, пока не добился, что опального поэта произвели в прапорщики.

«Малую» войну ему подсказала природная смекалка. И на «малую», и на большие войны звал его долг солдата и патриота, сына своего отечества. Он напишет после

в «Автобиографии», рассказывая о ратных подвигах и о переменной судьбе своей: «Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика...»

«Я каюсь! я гусар давно, всегда гусар...»

В некоторых энциклопедиях написано: «...получил блестящее домашнее образование». Сам Денис Давыдов другого мнения: «Как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества; учили лепетать по-французски, танцевать...»

При всем при том он был воспитан на Буало и классиках, сам писал подражания Тибуллу, Горацию. Горяч был, но учтив. И, попробуй, кто с ним самим обойдись неучтиво!..

Гусарство дало рисунок и цвет его стихам. Но сам он, будучи ярким представителем этого славного сословия офицеров, был несравненно выдержаннее, «степеннее» восплаемых им гусаров-забулдыг. Пушкин, конечно, живописек:

...И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою:
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спиною
И кивер-чудо набекрень.

Но, справедливости ради, стоит привести слова Вячеславского, знавшего Дениса Давыдова более всех его друзей: «Он... духом и складом ума был моложав. Не лишним заметить, что певец вина и веселых попок, он в этом отношении несколько поэтизировал. Радужный и приятный собутыльник, он на самом деле был довольно скромен и трезв. Он не оправдывал собой нашей пословицы: пьян да умен, два угодыя в нем. Умен он был, а пьяным не бывал».

Гусарство давидовское, оно боевое — не бытовое. Так он себя и охарактеризовал в своих стихах:

Мой пречистенский дворец,
Тесен он для партизана:
Сотоварищ урагана,
Я люблю, казак, боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налетов удалых,
Где могу гостей моих
Принимать картечью в ухо,
Пулей в лоб иль пикой в брюхо...

Интересно, что у другого, столь же известного гусара того времени — «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой в «Записках» упоминается Давыдов: «...Я молчала и пока думала, пристать или нет к разговору, Давыдов, один из нашей собратии ординарцев, сидевший подле меня, вдруг воскликнул, ударив меня по колену: «Что нам в ваших Амазонках! вот у нас своя девочка! Не правда ли? Тонкок, как спичка, краснеет при каждом слове...»

Тот или не тот Давыдов?..

Сам Денис Давыдов пишет: «Дурову я знал... Полк, в котором она служила, был всегда в арьергарде, вместе с нашим Ахтырским гусарским полком... Я ее видел на фронте, на ведетах, словом, во всей тяжелой того времени службе, но много ею не занимался...»

Однако «Записки» ее Давыдов читал и довольно вездливо подмечал неточности. В письме Пушкину, излагая свое мнение по поводу написанного Н. А. Дуровой, он пишет: «Она говорит... «сама поехала на гору к стенам монастыря, чтобы сменить главный ведед». За то, что в ночное время барышня-корнет Александров поместил ведед на горе, за то можно было бы ему сказать дурака. Ночные ведеды становятся под горой, имея ее впереди себя. Как бы небо ни было темно в ночное время, оно все-таки светлее самой светлой горы и всякого человека или лошади, на верх ее вошедших... Это, азбука казачьего ремесла...»

Всю Отечественную войну 1812 года проведший в седле, он и партизанством своим доказал, что гусарство — не бесшабашное ухарство. И не шитый золотом белый мундир. И не серебряные шпоры. И не блестящая жизнь гвардейской молодежи... «Коли враг ожесточенный нам дерзнет противустать, первый долг мой, долг священный — вновь за родину восстать...» — в этом видел Денис Давыдов весь смысл своей жизни и своей гусарской «профессии». «Моя жизнь — борьба» — напишет он эпиграфом к «Военным запискам».

Силой своего обаяния, чудным человеческим даром общения, природным талантом, а главное — беспредельной верностью отечеству он заразил целое поколение. Не было поэта, который не посвятил бы ему стихи. Портрет гусарусача со знаменитой седой прядью на лбу висел в кабинете Вальтера Скотта. А Грибоедов, ироничный Грибоедов, сдержанный на похвалу, сказал о Денисе Давыдове: «Все сонливые меланхолики не стоят выкурки из его трубки».

«За правду колкую, за истину святую...»

При всем смутном времени, при обилии тайных обществ, при собственном недовольстве царем и глубоком сочувствии к друзьям-лекабристам, Денис Давыдов не сунул свою бесшабашную голову ни в одно из тайных обществ. Не будучи поклонником абсолютизма, он, однако, даже допускал мысль о своей главной роли, случись какой государственный переворот, но, при всем уме своем и рассудительности, видя кругом покорность народа, отодвигал возможность какой-либо государственной перестройки на более дальние времена...

Как мог относиться царь к Денису Давыдову после

таких строк: «...И можем иногда, споткнувшись, твое Величество о камень расшибить!»? Сатиру «Голова и Ноги» Давыдов написал в молодости и сам потом говорил: «Всю жизнь отчесьваюсь за эти басни...» Конфликт его с царем был глубокий и давний. Для начала Давыдова из гвардии отослали в армию. Его подвиги не замечали во дворце. Его обходили наградами и повышением. Его вынуждали в цвете лет засесть в деревне. С горьким юмором Денис Давыдов пишет в «Автобиографии»: «...застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до пуза надоедает до того... что решился на распашной образ одежды и жизни».

С поля битвы — на пашню... Генерал Ермолов неоднократно подавал прошение о том, чтобы доблестного офицера послали в его распоряжение, на Кавказ: «...я просил о Денисе, но мне отказано таким образом, что я и рта не могу более разинуть». Царя выводили из себя любые просьбы по поводу гусара Давыдова.

Да и было почему... «Домовой, который душит всю Россию», домовой — царь... За одно это сравнение Давыдова ждала бы каторга, если бы не его громкая слава... А как «нравилась» «генералам, танцующим на бале при моем отъезде на войну», такая эпиграмма:

Мы несем едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы отгавлены на племя,
Я назначен на убой.

По всем, кто шаркает ножкой по паркетам, кто готов «теперь бы крестик взять, только чтоб без службы», Денис Давыдов хлестал эпиграммами, баснями. Он брезговал салонами, где «столько пуз затянута в корсеты». И царские прихлебатели во главе с Его Величеством платили ему скрытой под лицемерной маской ненавистью. «Ужасен меч его отечества врагам, ужаснее перо — надменным дуракам» — так верно определял прицел давидовских строк Федор Толстой.

«Нет, ты не «баловень счастливый»... На барскую ты половину ходить с поклоном не любил, — писал Денису Петр Вяземский, — и скромную свою судьбину ты благородством золотил».

Давыдовская «партизанщина» сидела в царских печенках. Нет уж, лучше оставить гусара-партизана без награды, без повышения — и никакого Кавказа!..

...И сидел славный боец помещиком в деревне, ждал, когда друзья выхлопочут ему назначение. «Я как червонец в денежных погребках... Но погоди, кто знает, что будет!.. И червонцы в курс пойдут!»

«Я вас люблю затем, что это — вы!»

Давыдов — Вяземскому:

«Пушкина возьми за бакенбард и поцелуй за меня в ланиту. Знаешь ли, что этот черт, может быть, не думая, сказал прошедшее лето... одно слово, которое необыкновенно польстило мое самолюбие?.. Он, хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать круче и приравниваться к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку».

Пушкин признавался, что еще в лицее почувствовал возможность быть «оригинальным от Давыдова». Бьющий жизненной силой, привлекающий просторечием, завораживающий своей неподдельностью талант гусара Давыдова отвлек молодого Пушкина от повального в то время увлечения модными классическими поэтами с их высоким «литическим» выпренным слогом. Пушкин был очарован Денисом.

Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех...

Я вас люблю без страха, опасенья,

Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы —

Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...

Я вас люблю затем, что это — вы!

О СУВОРОВЕ

Из „Военных записок партизана Дениса Давыдова“

Да, в то время так не писали...

«Поэт-наездник, кому и струны волшебные, и меткий гром войны равно любезны и равно даны», по выражению Вильгельма Кюхельбекера, и в мыслях не держал прослыть поэтом.

«Не искал авторского имени, и как приобрел оное — сам того не знаю». «...Никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству».

Большая часть стихотворений Дениса Давыдова, по его собственному признанию, «писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний...»

Он сам далеко не помнил, что написал. Сатиры его, эпиграммы, гусарские шутки ходили по альбомам в дворянской среде, переписывались в армейских кругах, иной раз вызывая удивление самого Дениса Васильевича.

«Никогда бы не решился на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы и на помещение ее на неперемные к в а р т и р ы у книгопродавца, если бы хорошие люди не сказали, что одно и то же — покоиться ей розно или вместе». Прошло немало времени, и немало записных книжек со стихами Дениса Давыдова замусолилось в карманах офицерских мундиров, пока он не решился, по его собственному выражению, «обскадронить» все, что можно, и представить на суд читателю свои «строфы с горчинкой табака».

Как поэт, по признанию современников, он относится к «самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии».

О его военных мемуарах Белинский писал: «Предоставляем военным людям судить о военном достоинстве... что же касается до литературного, с этой стороны они — перлы нашей бедной литературы... Как прозаик Давыдов имеет полное право стоять наряду с лучшими прозаиками русской литературы».

Л. Н. Толстой широко использовал в «Войне и мире» давыдовские «Записки». Многие эпизоды развернуты им, будучи взятыми из «Дневника партизанских действий», например, эпизод с пленным французским барабанщиком, или пляшущим на обеде в штабе генералом, или знаменитый эпизод на батарее капитана Тушина, который на самом деле звался майор Экономов и описан у Дениса Давыдова.

«Как Русь святая, горит родимая звезда...»

«Родимая звезда» — Полярная звезда, неизменная спутница в ратных походах, неизменный ориентир в ночи на маршах и в партизанских вылазках...

Звездой яркой славы отметила Россия буйное чело одного из любимых сыновей своих, вписав его в энциклопедию, в отечественную литературу и в память народную.

Неразрывна связь — Денис Давыдов и Россия.

Провидение сделало одно из его родовых имений — Бородино — полем сражения и полем русской славы еще на его веку.

История провела параллель другую. Как ему отчаянно хотелось громить неприятельские отряды именно на столбовой Смоленской дороге!.. Спустя полтора века партизаны Великой Отечественной войны снова отметят этот столбовой российский путь былью и песней: «И на старой Смоленской дороге повстречали незваных гостей. Повстречали, огнем угощали...» Непосильное для Европы дело совершила Россия, разгромив в 1812 году наполеоновскую армию; и снова повторила этот подвиг в 1941—1945 гг. — когда сокрушила гитлеровские полчища.

...И сегодня с нами Денис Давыдов. И сегодня звучат его слова: «Еще Россия не поднималась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется!»

...Предводительствуя российскими армиями пятьдесят пять лет сряду, он не сделал несчастным ни одного... рядового; он, не ударив ни разу солдата, карал виновных лишь насмешками, прозвищами в народном духе, которые врезывались в них, как клейма.

...В это время здравствовал еще знаменитый Румянцев, некогда начальник Суворова, и некоторые другие вожди, украшавшие век чудес — век Екатерины; но блеск имен их тонул уже в ослепительных лучах этого самобытного, неразгадываемого метеора, увлекавшего за собой весь мир чувств, умов, вниманий и доверенности своих соотечичей, и увлекавшего тем, что в нем не было ни малейшего противозвучия общей гармонии мыслей, поверий, предрассудков, страстей, исключительно им принадлежащих. Сверх того, когда и по сию пору войско наше многими еще почитается сборищем истуканов и кукол,двигающихся посредством одной пружины, называемой страхом начальства, — он, более полустолетия тому назад, положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение. Он уверился, вопреки мнения и того и нашего времени мнимых наблюдателей, что русский солдат если не более, то, конечно, не менее всякого иностранного солдата причастен воспламенению и познанию своего достоинства, и на этой уверенности основал образ своих с ним сношений. Найдя повинование начальству — сей необходимый, сей единственный склей всей армии — доведенным в нашей армии до совершенства, но посредством коего полководец может достигнуть до некоторых только известных пределов, — он тем не довольствовался. Он удесятерил пользу, приносимую повинованием, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в мире, — чувством, которого следствию нет пределов.

...Он предал анафеме всякое оборонительное, еще более отступательное действие в российской армии и сорок лет сряду, то есть от первого боевого выстрела до последнего дня своей службы, действовал не иначе как наступательно.

...Из кратких выписок его приказов или так называемых заметок мы видим лишь похвалы штыку и презрение к ружейной пальбе; это значило, что надо было, избегая грома, часто мало вредящего и отсрочивающего развязку битв, сближаться с неприятелем грудь с грудью в ру-

копашной схватке. Везде видна решительность и быстрота, а не действие ошупью. Он любил решительность в действиях и лаконизм в речах; длинные донесения и рассказы приводили его в негодование. Он требовал «да» или «нет», или лаконическую фразу, выражающую мысль двумя-тремя словами. Он был непримиримым врагом немогузнаек, о которых говорил: «От проклятых немогузнаек много беды». Однажды Суворов спросил гренадера: «Далеко ли отсюда до дальнейшей звезды?» — «Три суворовских перехода», — отвечал гренадер.

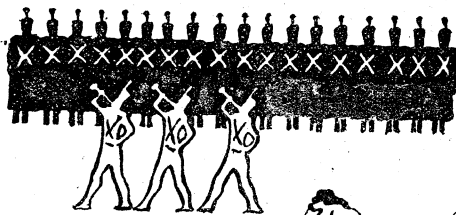
...Все немало изумлялись постоянству, с которым Суворов с юных лет стремился к достижению однажды избранной им цели, и выказанной им твердости душевной, необходимые для всякого гения, сколько бы он ни был глубок и обширен. Я полагаю, что еще в юности Суворов, взвесив свои физические и душевные силы, сказал себе: «Я избираю военное поприще и укажу русским войскам путь к победам; я приучу их к перенесению лишений всякого рода и научу их совершать усиленные и быстрые переходы». С этою целью он укрепил свое слабое тело упражнениями разного рода, так что, достигнув семидесятилетнего возраста, он ежедневно ходил до десяти верст; употребляя пищу простую и умеренную, он один раз в сутки спал на свежем сене и каждое утро обливался несколькими ушами воды со льдом.

Пятидесятилетнее служение его не было ознаменовано ни одной неудачей; им были одержаны блестящие победы над знаменитейшими полководцами его времени, и имя его до сих пор неразлучно в понятиях каждого русского с высшею степенью военного искусства.

...И этого-то человека судьба позволила мне видеть и, что еще для меня лестнее, разменяться с ним несколькими словами в один из счастливейших дней моей жизни!

...Лагерь полка отстоял от дома не далее ста шагов. Я и мой брат жили в лагере.

...Когда он несся мимо нас, то любимый адъютант его, Тищенко, закричал ему: «Граф! что вы так скачете, посмотрите, вот дети Василья Денисовича». — «Где они? Где они?» — спросил он и, увидя нас, поворотил в нашу сторону, подскакал к нам и остановился. Мы подошли к нему ближе. Поздоровавшись с нами, он спросил у отца моего наши имена; подозвав нас к себе еще ближе, благословил нас весьма важно, протянул каждому из нас свою руку, которую мы поцеловали, и спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава». — «О, помилуй бог, какой удалой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот (указав на моего

брата) пойдет по гражданской службе». И с этим словом вдруг поворотил лошадь, ударил ее нагайкою и поскакал к своей палатке.

Суворов в сем случае не был пророком: брат мой весь свой век служил в военной службе и служил с честью, что доказывают восемь полученных ран, — все, кроме двух, от холодного оружия, ран, издавна не получаемых; я не командовал ни армиями, ни даже отдельными корпусами, следовательно, не выигрывал и не мог выигрывать сражений. При всем том слова великого человека имели что-то магическое: когда спустя семь лет подошло для обоих нас время службы и отцу моему предложили записать нас в Иностранную коллегию, то я, полный слов героя, не хотел другого поприща, кроме военного.

Рисунок
Е. Охотникова

МАЯКОВСКИЙ В ВЯТКЕ

Михаил
РЕШЕТНИКОВ

За три дня до приезда поэта в городе появились большие афиши-программы:

«Вятский городской театр. 2-е февраля 1928 года.

Публичное выступление поэта современности Владимира Владимировича Маяковского.

1-е отделение. Поэт прочтет лекцию-доклад на темы: современная поэзия; как я работаю над стихом; мое отношение к Пушкину, Есенину; мой впечатления о заграничье и т. д.

2-е отделение. Поэт прочтет свои произведения и ответит на вопросы слушателей».

Мне вспомнилось лето 1926 года в Крыму, где я впервые увидел Маяковского, присутствуя на его выступлении в Ялте, в саду имени Третьего Интернационала. Ялтинское выступление поэта было одним из первых в его литературных турне по России. На меня, тогда еще совсем молодого человека, начинающего педагога и журналиста, оно произвело волшебное впечатление. И вот, через полтора года, мне снова предстояло увидеть и услышать Маяковского!

Узнав утром 2 февраля по телефону, что Владимир Владимирович приехал с утренним поездом и остановился в новой гостинице «Эрмитаж», трое поэтов, возглавлявших тогда литературную группу «Перевал», в их числе и я, направились в гостиницу, чтобы приветствовать поэта, да заодно и просить его, кроме официального вечера, выступить в молодежной аудитории в педагогическом институте. Дверь в номер Маяковского была закрыта неплотно. Я раздвинул щель и тихонько спросил:

— Владимир Владимирович, к вам можно?

И тотчас же, откуда-то сбоку, услышал ответ:

— Нет, нельзя!...— А через секунду:— Ну да ладно, коли уж пришли, так влезайте.

Мы вошли в комнату.

Владимир Владимирович лежал на кровати, положив ноги в штиблетах на ее спинку. Он был без пиджака, в пуловере и с галстуком. Рядом с кроватью в изголовье стояла

тумбочка, а на ней — бутылка нарзана.

Когда мы вошли, Маяковский сел на кровати и нам предложил взять стулья и тоже садиться. Мы устроились против него полукругом.

— Мы хотим,— начал старший из нас, поэт Степан Шихов,— приветствовать вас, Владимир Владимирович, в нашем городе от имени местной литературной организации «Перевал» и от всех литераторов и журналистов города и вятского края...

Слова вытверженного, по провинциальному несколько наивного приветствия поэт выслушал сидя на кровати, немного подавшись вперед и положив скрещенные руки на колени. Потом распрямился и, не вставая, попросту, задушевно сказал:

— Ну, что ж, спасибо, друзья. Если это вы искренне, то мы пойдем друг друга... Но я думаю, что вы пришли не только за этим. Выкладывайтесь.

— Да, у нас есть просьба к вам...

— Если вы хотите попасть ко мне на выступление, то я вам сейчас напишу записку, и вы пройдете бесплатно.— И он, вырвав из блокнота листок, приготовился писать, добавив:— Мне уж сообщили, что все билеты проданы.

— Нет, билеты мы купили...

— Тогда чего же вы еще хотите от меня?

— Мы хотели просить вас...— я замялся,— посвятить еще одно выступление литературной и студенческой молодежи.

Я заметил, что в глазах поэта заблестели еле уловимые искорки смешливого оживления. Он встал с кровати, отошел на середину комнаты и, взяв из коробки папиросу, вдруг спросил, вытянув по направлению к нам правую руку и потирая друг о друга концы большого, указательного и среднего пальцев:

— Вот вы хотите устроить вечер с Маяковским, а эти у вас есть?

Мы сразу поняли, что он говорит о «пети-мети», как тогда назывались на нэповском жаргоне деньги, и, признаться, смутились.

— Нет, этих у нас нет, собрать мы их не сможем...

— Вот видите, денег у вас нет, а хотите устроить литературный вечер, да еще с Маяковским.— Сказа-

но это было с серьезным лицом и тоном морализации.— Вы слышали, что называется подножным кормом?

Нам оставалось только кивнуть согласно головами.

— Понимаете, это когда крестьянин увидит весной пробившуюся из земли травку, он выпускает на нее свою лошаденку, и она ходит и шиплет эту траву и кормится таким образом... Так вот также и мы — поэты, артисты, лекторы — едим по разным городам и селениям и шиплем гонорары за свои выступления и так же кормимся, запасаемся деньжонками на дальнейший прокорм себя и семьи. Иначе не проживешь...

Он отвернулся от нас к окну и, глядя в него, курил.

Мы встали со своих стульев, готовясь уйти.

— До свиданья, Владимир Владимирович, у нас — все.

Поэт резко повернулся к нам:

— Обиделись? Это хорошо!.. Помешенные есть?

— Да, есть! В пединституте, мы там часто выступаем...

— Когда вы хотите? Сегодня и завтра я занят. Впрочем, завтра — днем. Согласны на третье вечером, то есть завтра?

— Конечно, согласны... Еще бы! Будем вам благодарны...— зачистили мы, довольные и успехом своей миссии и тем, что вдруг догадались, что поэт с нами вначале пошутил.

Маяковский же, светло улыбаясь, протянул нам каждому свою широкую ладонь для прощания и мы ушли.

Вечером мы все трое были в театре.

Желающих слушать и видеть Маяковского оказалось очень много: зрительный зал, фойе и даже буфет были буквально забиты людьми. Студенты, ученики и красноармейцы заняли верхний этаж — амфитеатр и галерею. В первых рядах партера разместились цвет вятской интеллигенции.

Но вот из-за черных сукон, в которые была задрапирована сцена, вышел Маяковский и сразу заявил:

— Здравствуйте! Я — Маяковский.— Ответом были дружные и долгие аплодисменты.

Выступление поэта шло по объявленной программе. В некоторых местах лекции-доклада вспыхивали аплодисменты, иногда слержанный, солидарный с поэтом смех.

Во втором отделении Владимир Владимирович читал стихи «О советском паспорте», «Юбилейное», «Товарищу Нетте», «Сергею Есенину», стихи об Америке и написанную к десятилетию Октября поэму «Хорошо!».

Поэт читал стихи на смерть Есенина и говорил о своей первой встрече

с ним, но говорил несколько про-
нически. Есенина в те годы знали и
любили многие, у него было значи-
тельно больше поклонников, чем у
Маяковского. Поэтому нотка насто-
роженности едва уловимо звучала в
голосе Владимира Владимировича.
Все однако шло тихо. Но в середи-
не чтения поэмы «Хорошо!», среди
сосредоточенной тишины в зале, на
сцену, у ног поэта, шлепнулось яйцо,
брошенное с галерки. Маяковский
резко оборвал чтение.

— Не попал!.. Да разве тебе
попасть? Ты же трус и мальчишка.
Уж позвонил бы, что ли, в колоколь-
чик, чтобы я встал,— вот тогда бы
и кидал..

Но вдруг лицо его резко изме-
нилось — подбородок его словно стал
крупнее и тяжелее, на лицо набежа-
ла грозой туча. Он широко и быстро
шагнул к самой рампе. Голос пони-
зился до шепота.

— Я знаю, это яйцо брошено
мне за Есенина! — с напряжением
выдохнул он в публику. Потом, не-
сколько отступив, продолжал громче:
— Но знаете ли вы, что оно пред-
назначалось не только мне, оно бро-
шено всему пролетариату. Я здесь
представляю литературу победившего
класса..

В зале раздались возмущенные
возгласы: «Удалить хулигана!»,
«Убрать из театра!», «Где милиция?»
Маяковский возвратился к столику
на середине сцены, налил из графи-
на воды и, не спеша, выпил ее. В это
время двое милиционеров выводили
с галерки белокурого парня с взве-
рошенными волосами..

Через минуту Маяковский про-
должал чтение прерванной главы.
Потом он отвечал на записки слуша-
телей. Отвечал остроумно и наход-
чиво.

В Вятке Маяковский выступил
еще в двух местах: на XII обще-
губернском съезде профсоюзов во
Дворце труда и в педагогическом
институте имени В. И. Ленина.

Павел Лавут в своей кни-
ге «Маяковский едет по Союзу»
писал:

«Многое ему пришлось здесь по
душе: статья в газете ко дню приез-
да, встреча со школьниками на вок-
зале, хороший вечер в театре и, на-
конец, новая гостиница с простой и
удобной мебелью, с большой пепель-
ницей на столе (он много курил и не
терпел маленьких пепельниц).

— Такой небольшой город, а
сколько удовольствия! — говорил
Маяковский о Вятке».

ЕЩЕ ОДИН «АПОСТОЛ»

**Виталий
ПАШИН**

Неучтенный экземпляр «Апосто-
ла», изданного во Львове первопечат-
ником Иваном Федоровым, обнару-
жен в фондах Костромского истори-
ко-архитектурного музея-заповедни-
ка — бывшего Ипатьевского мона-
стыря.

О неординарности находки гово-
рит такая статистика. До сего време-
ни в мире было известно местонахож-
дение семидесяти семи экземпляров
этого редчайшего издания (хотя све-
дения имеются о 93-х). В течение двух
последних десятилетий список выяв-
ленных львовских книг И. Федоро-
ва не пополнялся новыми наход-
ками.

В Кострому эта книга попала в
середине прошлого века в качестве
дара Ипатьевскому монастырю. Из-за
отсутствия последних страниц с вы-
ходными данными и обновленного
переплета фолиант значился как из-
дание 17—18 веков. С этой неопреде-
ленной «датой рождения» он числился
и в музее. И только теперь при под-
готовке выставки старопечатных книг
музейные работники решили уточнить
год издания костромского экземпляра
«Апостола».

За разгадку тайны взялся дирек-
тор музея кандидат исторических
наук Владимир Соболев. Начал со
скрупулезного изучения бумаги. Во-
дяные знаки некоторых листов обоз-
начали подкову с крестом внутри,
другие — ладью на гербовом щите.
У московских изданий «Апосто-
ла» бумага была с другими симво-
лами.

Может быть, во Львове, куда
впоследствии переехал И. Федоров?
В организованной им первой на тер-
ритории Украины типографии в
1574 году тоже был издан «Апостол».
В том издании имеется знаменитое
послесловие И. Федорова, где расска-
зывается об истории львовской дру-
карни. В костромском экземпляре, к
сожалению, последней страницы не
сохранилось. Но по количеству и рас-
положению заставок, букв и других
типографских украшений он целиком
совпал с описанными в литературе
львовскими изданиями «Апостола».

Последним и самым веским до-
казательством львовского происхож-

дения костромского фолианта были
водяные знаки на его листах — подко-
ва и корабль. В формах с такими
филигранями отливались бумажные
листы, на которых в львовской типо-
графии И. Федоров в 1574 году отпе-
чатал весь тираж «Апостола» — около
двух тысяч экземпляров.

НЕСЫГРАННЫЕ РОЛИ

**Борис
ЗЕЛИЧЕНКО**

Когда на Свердловской киносту-
дии началась работа над художест-
ственным фильмом «Сильные духом»,
на роль знаменитого советского раз-
ведчика Николая Кузнецова были
приглашены семь актеров. Помнится,
как в павильон входил Пауль Зи-
берт — артист Николай Олялин —
тогда еще молодой актер Краснояр-
ского ТЮЗа. В сцене с Вией Артма-
не пробовался грузинский актер
Отар Коберидзе. Победил в этом
творческом соревновании артист Гу-
нар Цилинский из Риги. Теперь он
народный артист СССР, известный
кинорежиссер.

Выдающийся японский кино-
режиссер Акира Куросава долго
искал актера на роль Арсеньева для
фильма «Дерсу Узала», он просмотр-
ел десятки фильмов из разных стран
и остановился на советском артисте
Юрии Соломине, посмотрев много-
серийный телевизионный фильм
«Адъютант его превосходительства».
Куросава назвал тогда Соломина од-
ним из лучших современных актеров.

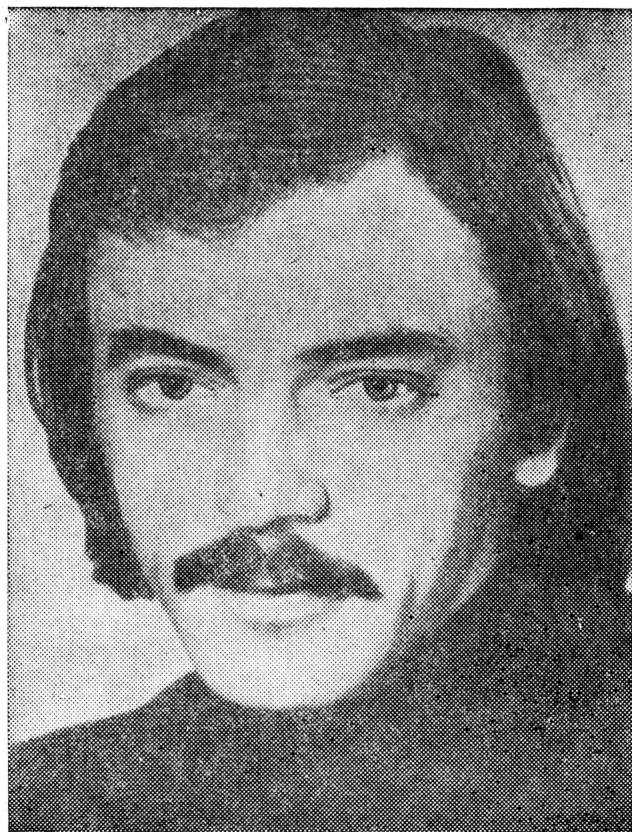
Юрий Соломин — капитан Коль-
цов. Слава знаменитого чекиста-раз-
ведчика затмила все роли, созданные
Соломиным ранее. Однако шесть раз
художественный совет студии отклю-
нял кандидатуру Соломина на эту
роль. И только в седьмой раз ре-
жиссер Евгений Ташков упрямил
утвердить его на роль Кольцова.
Ташков «увидел» своего капитана
Кольцова в художественном фильме
Свердловской киностудии «Сильные
духом», где Юрий Соломин сыграл
роль шефа гестапо.

Можно вспомнить случаи, когда
на одну роль пробовались сотни че-
ловек. На Свердловской киностудии
на роль Вани Солнцева — героя филь-
ма «Сын полка» — было приглашено
более пятисот человек. А сыграл
Ваню ленинградский школьник Игорь
Носов.

Бывает и так: вызывается артист на пробы одной роли, а сыграет другую. Борис Чирков пробовался на роль Демы, а Максима должен был играть Эраст Гарин. Но в последний момент режиссеры все же отдали роль Максима Б. Чиркову. Борис Бабочкин, приглашен был в группу «Чапаева» на роль Петьки. А потом сыграл... Чапаева. Петр Глебов уже начал сниматься в эпизодической роли офицера в «Тихом Доне», но Сергей Герасимов, режиссер фильма, попробовал его на роль Григория Мелехова — это стало выдающимся открытием и находкой.

...Этот парень в свитере и кепке — артист Олег Даль. Таким он должен был выглядеть в роли Мити в фильме «Просто Саша». Но Митю сыграл другой актер. Артистка Елена Коренева из московского театра «Современник» сфотографирована в роли Аллы в телевизионном фильме «Транзит». Но по разным причинам она так и не снялась в нем. Михаил Боярский дал согласие сниматься в художественном фильме «Однофамилец», но тоже так и не исполнил роль молодого ученого...

На снимках: О. Даль, Е. Коренева, М. Боярский.

Фронтовые
новеллы

Виталий
МАТВЕЕВ

член президиума Московской
группы совета ветеранов
Первой гвардейской армии

ПРЫГАЮЩИЕ МИНЫ

«Студебеккер» остановился. Командир саперного взвода младший лейтенант Медведин прыгнул из кузова в темноту, словно нырнул в густую черную нефть.

— Второй батальон там, — сказал шофер.

Пришлось потрогать руку шофера, чтобы понять, в какую сторону идти. Медведин постоял. Осмотрелся. Ничего, кроме светлячков, не увидел. А светлячков было так много, будто звездное небо упало на землю, и казалось, Млечный путь начинается здесь, под ногами.

Неожиданно с длинным огненным хвостом вверх понеслась осветительная ракета, за ней — другая. И тут же — та-та-та-та — длинными цепочками полетели продолговатые звездочки — трассирующие пули. Медведин упал на землю. Когда ракеты погасли, он услышал:

— Ползи сюда...

В окопе сидели три солдата. Один взялся проводить офицера к командиру батальона. В блиндаже Медведина встретил пожилой капитан. Он смотрел хмуро. Этот наивный мальчишка-офицер в солдатской пилотке пришел один, без саперного взвода. Капитан подошел к телефону, позвонил командиру саперной роты и узнал, что взвод саперов был послан в батальон на «студере» раньше Медведина на целый час.

— Мне нужны саперы, у меня не детский сад! — кричал командир в телефонную трубку. Потом бросил трубку и сказал:

— Случилось там что или не случилось, а ты, младшой, обязан проделать в минном поле два прохода. И дается тебе на это два часа.

Фашисты установили шпрингмины под прошлогодней травой. Сама мина сидит в земле, а стальные усики взрывателя торчат наружу. Наступи ногой или нажми рукой на усики — стальной стакан, заполненный металлическими шариками, выпрыгнет из земли и взорвется в воздухе. Шрапнель изрешетит всех, кто окажется поблизости. Правда, если вовремя упасть рядом с местом, откуда выпрыгнула мина, можно остаться живым.

Выслушав приказание, Михаил, не торопясь, пополз к минному полю, осторожно прикасаясь руками к траве. Вот рука ощутила что-то острое. Медведин осторожно выкрутил взрыватель из мины, отбросил в сторону...

Время летело быстро. Светало. Он посмотрел на часы. До наступления оставалось полчаса, а нужно проделать еще один проход. Начал торопиться, а торопиться саперу нельзя. Земля содрогнулась. Красный огненный шар лопнул над головой. Михаил вздрогнул, пилотка упала на землю. И сразу мелькнула мысль: «Все!» Следом за ней — другая: «Нет, не все». Он вскочил на ноги, побежал к усикам ближайшей мины, наступил на них и тут же упал, уткнувшись головой в землю. Потом, после взрыва, снова вскочил...

— Вперед! — крикнул командир батальона.

И в этот момент Медведин заметил под ногами еще одни усики. Что делать? Наступить? Поздно. Мина выпрыгнет, а солдаты уже рядом.

Михаил упал грудью на мину; солдаты, перепрыгивая через него, рванулись к вражеским окопам.

...Он ощутил под собой взрыв. Понял: взрыватель

сработал, а сама мина — нет. «Может, она еще выпрыгнет?»

Он стремительно перевалился на бок, резко подобрал под себя ноги. Но шпрингмина не сработала. На земле виднелась небольшая воронка. Произошел тот редчайший случай, который выпадает один из тысячи.

Днем младший лейтенант Медведин доложил командиру саперной роты Авдееву, что задание выполнено.

Авдеев сказал:

— Твой взвод мы нашли. «Студер» подорвался на противотанковой. Шофер убит. Остальные живы. В другой раз не теряй подчиненных.

Медведин посмотрел на командира роты, на его орден Отечественной войны, сказал: «Слушаюсь» — и пошел к солдатам. Шагая по дороге, он думал о мине, взрыватель которой сработал под его грудью. Странно, ни одной пуговицы не оторвало на гимнастерке. Рассказать, никто не поверит. Мама поверила бы. Но разве можно маме такое рассказывать?!

Он взглянул на небо, на яркое весеннее солнце и улыбнулся. Ему было восемнадцать лет, он любил жизнь и не умел думать о смерти.

Рисунок
В. Ганзина

ЯБЛОНЬКА

Другие яблони не торопились расцветать. Должно быть, ждали мая, солнца, тепла. А эта, молоденькая, небольшая, как невеста в свадебном наряде, распустила свои бутоны, встала утром 15 апреля 1945 года словно специально для лейтенанта Володи Казурова, двадцатидвухлетнего богатыря в защитной гимнастерке, с семью боевыми орденами на широкой груди. Слева направо серебро и золото орденов Славы всех трех степеней, двух орденов Отечественной войны и двух орденов Красной Звезды. Ниже правительственных наград у Казурова блестел знак «Отличный разведчик».

О подвигах Владимира Казурова знал сам командующий фронтом. Не одну задачу, поставленную командующим, выполнил отважный командир взвода разведки. А сколько раз врвался в окопы и землянки противника! Несколько десятков «языков» притащили в штаб разведчики Казурова, от них наше командование получило ценные сведения. А еще лейтенант слыл умелым знатоком замыслов врага. Казуров установил, что противник постоянно переносит огневые точки, оставляет те или иные траншеи глубоко эшелонированного рубежа, действует так, что его передний край становится гибким, мало уязвимым при бомбардировках и артподготовках.

15 апреля 1945 года войска 4-го Украинского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии начали прорывать оборонительную полосу противника. Артиллерия ударила по переднему краю, враг отошел во вторую линию. Лейтенант выстрелил из ракетницы, давая знать, что путь открыт. Артиллеристы перенесли огонь на следующий рубеж. Гитлеровцы отошли в третью линию траншей, надеясь, что вся сила огненного вала обрушится в окопы, которые они только что оставили. Но лейтенант Казуров не выпускал из поля зрения маневры врага, — взлетали

над полем битвы его зеленые ракеты. Он словно дирижировал войсками, идущими в наступление.

Пуля ударила его в грудь. Но он успел в последний раз дать корректировку артиллерийского огня. Он уже не видел, как заработали, заговорили, запели «катюши», как бросились наутек гитлеровцы.

Лейтенанта Владимира Казурова похоронили в маленьком городке Струмене. Возле деревянного обелиска с красной звездой кто-то из солдат-разведчиков положил яблоневую ветку с бело-алыми лепестками.

Рисунок
В. Красильникова

ШКОЛА СПОРТА И ТРУДА

**Михаил
АЗЕРНЫЙ**

*Снимки
А. Лысякова*

«Стройте сами, стройте с нами!»

Этот лозунг — девиз школы. Он, конечно, напоминает название популярной телепередачи. Но мальчишки твердо знают: их пригодность к хоккею на «Спартакорце» проверяется умением трудиться. И тренеры постоянно напоминают: «Сначала — мозоли от лопаты, потом — от клюшки».

Школа «Спартакорец» в детском парке имени Энгельса — это бетон, профильный алюминий, дерево и стекло. И еще — руки, головы и души энтузиастов.

Когда архитекторы Свердловского горисполкома предложили Л. П. Мишину земельный участок в парке, он сразу согласился. Правда, тренеры школы встретили сообщение Льва Павловича без восторга: «Здесь торфяные разработки надо открывать, а не хоккейный корт ставить». У Мишина нашлись свои аргу-

менты: «Зато на это место больше никто не позарится».

И начались хождения по инстанциям: проект, стройматериалы, транспорт... Единственное, что не беспокоило директора, — это рабочая сила. Он надеялся на своих коллег — тренеров, на своих маленьких хоккеистов и их родителей. А в перспективе слишком заманчивыми на словах выглядели планы Мишина: специализированный детский хоккейный стадион с искусственным льдом!

За глаза Мишина многие называли Маниловым, а о его новом деле говорили: «Мартышкин труд». Впрочем, не только «за глаза». И в открытую тоже. А некоторые тренеры — недавние товарищи по хоккейному делу — вообще не выдержали, подали заявления об увольнении. Директору было жаль расставаться с ними — все-таки вместе многое сделали, прошли через сложные испытания. Но насильно мил не будешь. Да и понимал он своих коллег — все же они были специалистами хоккея, а не строительства.

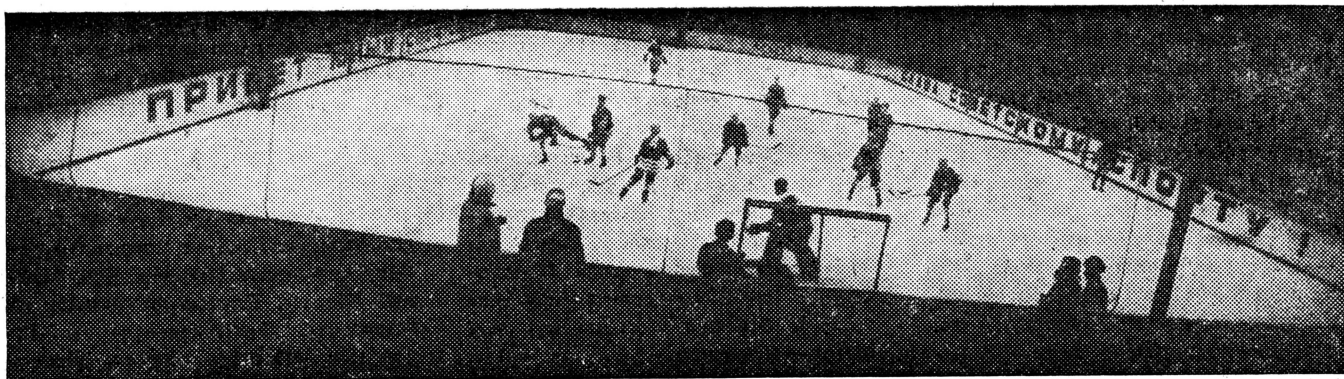
Поэтому не осуждал. И не уговаривал остаться.

Но лозунг и сейчас, много лет спустя, остается одним из законов, по которым живет «Спартакорец».

Школу на задах парка имени Энгельса построили — корт и деревянный павильон. Со льдом поначалу трудности были. Зальют с вечера, а утром — «блины» на нем, неровности. Понятное дело, корт стоял на болотце, вот и пучило лед. Кое-как зиму откатались. А летом — снова за работу. И какую! Рыть траншеи — заниматься мелиорацией. Подсаживать влаголюбивые деревца и кустарник, подсеивать кругом траву, чтоб высасывала грунтовые воды. В сторонке стали ставить новый павильон — из бетона и стекла. Гимнастический городок строить. Трибуну возводить. И... заготавливать трубы для искусственного льда.

Мясокомбинат списал за старостью два компрессора, свез их на «Вторчермет», в утиль. Мишин узнал об этом от крановщика за-

вода Г. Ческидова, чей сынишка занимался в «Спартаковце». Помчался на «Вторчермет», упрямил директора: «Мы вам металлолома в десять раз больше сдадим, а компрессоры нам продайте».

Директор согласился.

Компрессоры привезли в парк. Мишин собрал родительский комитет. Пригласил для консультаций инженера-механика по холодильным установкам со стадиона «Юность» К. М. Чикоту. Стали всем миром мозговать, как их отремонтировать. На месте разбирали узлы, что-то варили, что-то клепали, что-то пилили. Чикота так увлекся новым делом — каток для детей! — что уволился с «Юности» и поступил в «Спартаковец».

Словом, через год стали возводить корт с искусственным льдом — 52×25 метров. Чертежи и все расчеты на общественных началах выполнила группа молодых инженеров «Свердловскгражданпроекта».

И опять была стройка. Как и ранее, деньги отпускались только на стройматериалы. Создали штаб. В него вошли председатель облсовета общества «Спартак» В. Кот, работники СУ-26 «Свердловскгражданстроя», члены родительского комитета, добровольные помощники А. Александров, Н. Жидков, В. Лапин... Руководил всем делом Л. Мишин. Через полтора года на искусственном катке состоялся праздник. 100 мальчишек, активно участвовавших в стройке, получили подарки — клюшки, которыми играют мастера. Еще пятьдесят юных хоккеис-

тов — шлемы. И еще вручались грамоты.

Через пару лет стали навещать в «Спартаковец» спортивные работники из других городов и даже из других республик: «Так у вас же все условия!..»

Визитеры почему-то выбирали для знакомства со «Спартаковцем» раннюю осень и позднюю весну. Впрочем, и это можно понять — в хоккейных кругах то и дело ссылались на эту школу: «Там у них лед с сентября по май. Неплохо бы перенять опыт».

В сентябре и мае искусственный лед под открытым небом, в обрамлении первой осенней позолоты деревьев или весенней молодой листвы — это действительно интересно. Приезжали из Риги, Челябинска, Киева, Москвы, Тюмени... Слушатели Всесоюзной школы профсоюзных работников провели здесь не один день — расспрашивали, смотрели, записывали. Интересовались: «Как это в Свердловске сумели?»

Но зимой наступала настоящая беда. За ночь площадку заносило чуть ли не до верхнего края бортов. И старшие ребята, придя на тренировку, должны были сначала расчистить корт. Потом залить лед. И все — сами! Это тоже стало правилом школы и одной из форм трудового воспитания: место, на котором проводятся занятия, готовит сама группа, сама команда — хоккейный класс во главе с тренером. И рассматривалось это как общефизическая подготовка, как часть разминки перед тем, как взять в руки клюшки.

...Но Урал есть Урал. В иные зимы морозы — до сорока градусов, случались и ниже — минус 46. В общеобразовательных школах отменялись уроки. А в «Спартаковец» мальчишки все равно шли на тренировки. Между тем корт был открыт всем снегам, ветрам и стужам. Тренеры заставляли своих воспитанников теплее одеваться, побольше двигаться. В двусторонней тренировочной игре с каждой стороны одновременно участвовало по десять человек.

Но выдумка не могла компенсировать отсутствие крыши над головой. Выход напрашивался один: перекрывать стадион, возводить стены.

Легко сказать! А как осуществить задумку? Мишин и тренеры школы не боялись новой работы. Надеялись они опять-таки на помощь ребят и их родителей. Но финансирование, проект, стройматериалы... А сарказм недоброжелателей?! Только на словах легко махнуть рукой на злые языки.

Один тренер, считавший себя крупнейшим теоретиком и организатором хоккейного дела, даже распространил мнение: «Мишин потому много занимается строительством, чтобы оправдать неумение растить хоккеистов. Ломать да строить — ума не надо...»

Зато Мишин и его единомышленники получили понимание и полную поддержку во всех инстанциях — обкоме и горкоме КПСС, облисполкоме, облсовпрофе, областном спорткомитете. Потому что Мишин пришел в эти организации и

учреждения не просто с идеей, а с конкретной (готовой!) ее разработкой и предложениями. В руках у него был проект реконструкции. Она предусматривала расширение хоккейной площадки, перекрытие катка, возведение вокруг него стен.

Но это — только первая очередь работ. Далее мыслилось строительство подвесного балкона для зрителей, учебных кабинетов и методических классов, небольшой гостиницы-пансионата и т. д.

Расчеты и проектирование выполнили кандидат технических наук, заведующий кафедрой архитектурного института А. Г. Хрущев и архитектор института «Свердловскгражданпроект» Ю. М. Шаповаленко. На общественных началах. Эти специалисты в давней дружбе со «Спартаковцем», его директором и тренерами. Для них «Спартаквец» — место смелых экспериментов и реализации своих творческих идей.

...Летом при ДЮСШ «Спартаквец» в парке имени Энгельса с помощью гороно, облсовета «Спартак» и облсовпрофа организуется спортивно-трудовой лагерь старшеклассников, занимающихся в хоккейной «школе Мишина». Распорядок дня: четыре часа — физкультура в различных ее проявлениях, четыре часа — труд, вместе с тренерами. За каникулы успели увеличить раз-

меры корта — с 52×25 до 56×26,5 метра — дело это очень непростое, надо было наварить 270 трубок холодильного полотна, каждая трубка диаметром в 45 мм, — филигранная работа! Ее выполнили сварщики высших разрядов братья Юрий и Борис Пузыревы. Причем во время своего отпуска. И опять-таки на общественных началах. Подручными у них были воспитанники тренера В. Зобнина и среди них сын Юрия — Станислав.

Группа старшего тренера школы Г. Чумачека поднимала фермы перекрытия и настилала крышу. Группа тренера В. Войнова заливала фундамент и выкладывала опорные колонны...

...Получился красивый дом детского хоккея!

«УЧИТЬСЯ ХОККЕЮ!»

Поселок Елизавет — самый отдаленный населенный район Свердловска. Час езды на автобусе, потом — трамваем. Но не было случая, чтобы Игорь Захаров пропустил тренировку. В дождь, жгучий мороз направляется юный хоккеист в родную школу. А между тем по дороге проезжает мимо нового стадиона завода резино-технических

изделий, мимо прекрасной «Юности», где тоже созданы детские команды, но в обязанности ребят не входит работа на строительстве корта — там уже все сделано взрослыми.

В «Спартаквец» едут с Уктуса, из Нижне-Исетска. Тоже путь не близкий — 15—20 км. Едут из городов, примыкающих к Свердловску, — Среднеуральска, Березовского, Верхней Пышмы. Присылают письма из Норильска, Благовещенска и Тобольска: «Просим принять нашего сына». Приходится и этот непростой вопрос решать — отказывать не хочется и в то же время как устраивать для ребят жилье? Кого-то помещают в школу-интернат, кто-то временно живет у тренера, кого-то из мальчишек взяла к себе свердловская семья, чей сын тоже занимается в «Спартаквце».

Но все это — набор стихийный. Есть и другая форма комплектования школы — отбор, поиск нужных хоккею ребят. Через тесты физические, функциональные, психологические, наконец, нравственные. Дело это сложное, порой субъективное. И очень многое зависит от опыта тренера, его рискованности.

Л. П. Мишин как-то высказался: — Люблю, когда мальчишка сам находит нас.

В этом Лев Павлович видит будущую мужскую надежность. Мне

привелось стать свидетелем, как Мишин был недоволен тем, что 6-летнему Толе Ц. мама шнуровала ботинки перед выходом сына на лед. Маме он деликатно заметил: «Вы лишаете мальчика самостоятельности. Эдак он и в игре будет надеяться на то, что шайбу ему поднесут на блюдечке с голубой каемочкой!»

Без таких требований 30 выпускников «Спартаковца» не стали бы мастерами спорта. Еще 40 воспитанников школы выступали за различные команды высшей, I и II лиг класса «А». По итогам сезона 1983 года кандидатами в юношескую сборную команду СССР были названы Олег Абдурахманов, Андрей Скоморох, Андрей Серебряков — все ученики Германа Чумачека. Ранее в составе такой сборной выступали Николай Нариманов и Сергей Коршунов (сейчас они в киевском «Соколе»), Леонид Трухно и Андрей Мартемьянов, приглашенные в ЦСКА...

Понятно, что не все воспитанники школы станут мастерами спорта. Еще меньше — знаменитыми чемпионами. Но каждый из выпускников этой необычной школы будет полезным человеком в нашей жизни. Как инженер-строитель Александр Жуков, токарь-универсал Алексей Грачев, кинорежиссер Георгий

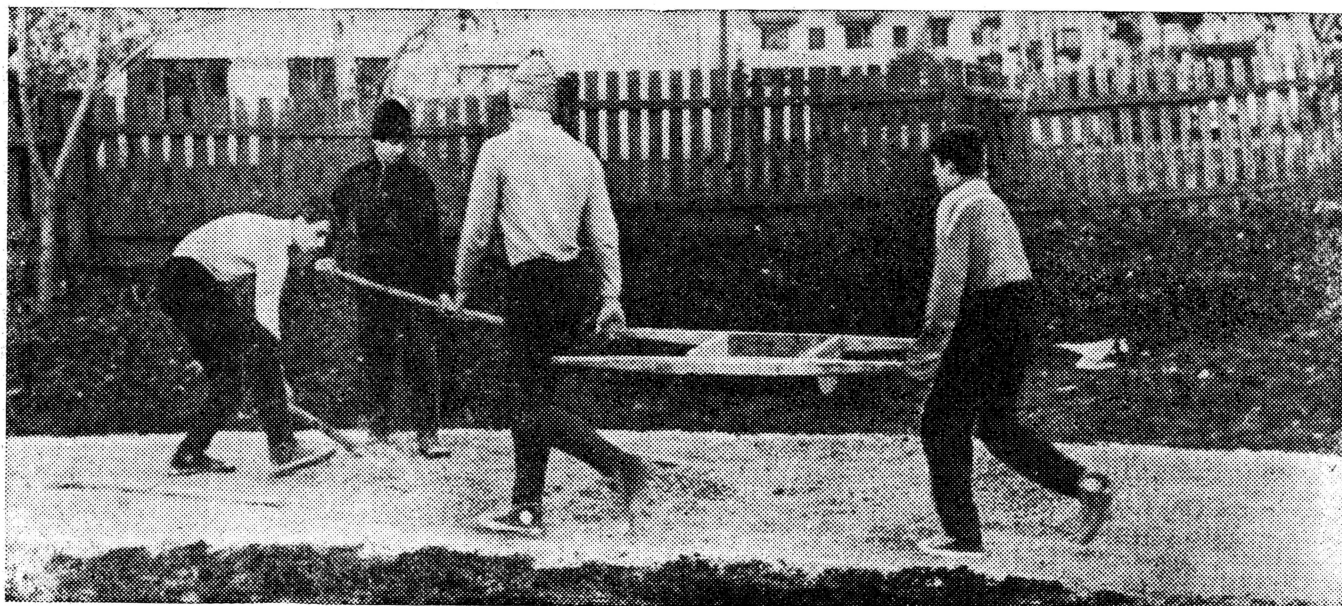
Негашев, армейский политработник Олег Борисов, тренер московских «Крыльев Советов» Владимир Игошин, военный летчик Павел Хионин и две тысячи их бывших спортивных одноклассников, а нынче рабочих, учителей, солдат, прошедших школу «Спартаковца». А чем не победа учителя (еще одна!), если его воспитанники идут по пути своего наставника! Таких немало. И лучших из них Л. П. Мишин приглашает на работу в родную школу. В свое время прошли в ней все классы, а затем (после окончания физкультурных вузов) вернулись в «Спартаковец» на должность тренеров Герман Чумачек, Юрий Тараненко, Валерий Зобнин. И успешно продолжают «спартаковскую линию» — учат ребят двум наукам: держать в руках молоток и владеть клюшкой.

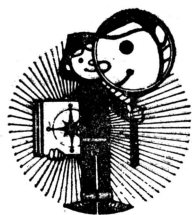
...Мне вспоминается один из вечеров осени 1979 года, когда в свердловском Дворце спорта профсоюзов при заполненных до отказа трибунах в день открытия чем-

* Его фильм «Последнее ампула Олега Юртайкина» (демонстрировался на Всесоюзном кинофестивале телевизионных фильмов 1980 года, сценарий В. Хайдарова) посвящен родной школе и рассказывает об участии ее маленьких воспитанников в спортивной судьбе своего одноклассника. Фильм удостоен Почетного диплома.

пионата СССР по хоккею Льву Павловичу вручали Почетный знак ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле». Тысячи зрителей аплодировали скромному седому человеку, получавшему награду. Зрители помнили Мишина-хоккеиста. Зрители знали его как сегодняшнего организатора хоккейного дела и спортивного педагога.

«...Есть у школы девиз. Он, собственно, отражает весь смысл жизни этого коллектива. Девиз одобрен Советом капитанов (форма мальчишечьего руководства школой): «Считать гербом-эмблемой «Спартаковца» перекрещенные клюшку и молоток на фоне раскрытой книги. На книге — слова: «Наш девиз: дружат Книга, Труд, Хоккей».

МИР НА ЛАДОНИ

● На глазах ученых спокойная гладь озера вдруг заволновалась, через мгновение в небо взметнулся мощный фонтан... Предания горцев Памиро-Алтая утверждали, что в этом озере на леднике Куганды обитает неизвестное животное. Гляциологи, однако, быстро установили: озеро связано внутренними каналами с расположенной выше в горах ледниковой полостью, в которой собираются талые воды. Лишь когда их объем достигает определенной величины, каналы открываются, освобождаются от ледяных пробок, и озеро «выдыхает» мощный фонтан.

● Псковская земля преподнесла сюрприз: при раскопках древнего свайного поселения на озере Сенница в Невельском районе найдена лыжа, возраст которой не менее 4 тысяч лет. До сих пор самой старой лыжей в мире считалась та, что хранится в музее Осло. Норвежской находке, увы, только 2500 лет. Любопытно, что псковская древнейшая лыжа свидетельствует: за четыре тысячи лет форма снегоходного снаряжения у людей не изменилась. Современные лыжи отличаются от древних наличием желобка на скользящей поверхности.

● А во время раскопок на берегу озера Туркан (север Кении) обнаружен череп человекообразного существа, которому 300 тысяч лет. Это существо, как считают ученые, умело говорить, пользовалось огнем, изготовляло орудия труда. Возможно, оно было тем самым переходным звеном от обезьяны к человеку, доказательства существования которого стремятся найти антропологи всего мира.

● С помощью советских спутников в Ливийской пустыне разведано громадное подземное озеро. Предварительная оценка его запасов говорит о том, что под толщей песка хранится такое количество чистой пресной воды, какое мог бы составить 200-летний сток могучего Нила. Ливии хватит этих запасов на 400 с лишним лет.

● По эху слабых подземных толчков можно судить о возможных крупных землетрясениях. Это установили сотрудники Института вулканологии Дальневосточного центра АН СССР. При возрастании напряжения в сейсмически активных зонах сначала возникают мелкие трещины. Они резко уменьшают амплитуду эха слабых толчков. Значит, впереди — сильное землетрясение. Оказалось, резкий спад «голоса» небольших толчков происходит примерно за год до сильных землетрясений.

● Немногом больше десяти лет назад на Среднем Урале были замечены кабаны. Тогда охотоведы Свердловской области решили помочь животным освоить новые уголья: за последние годы сюда завезено более шестисот кабанов из Белоруссии, Киргизии, с Дальнего Востока... Теперь отдельных кабанов можно увидеть даже на крайнем севере Среднего Урала — вблизи поселков Сосьвы и Полуночного.

● Анализируя движение звезд, астрономы пришли к выводу: 90 процентов вещества во Вселенной существует в невидимой форме — не наблюдается с помощью телескопов. В нашей Галактике зримой является только половина ее массы. Не исключено, что половину ненаблюдаемой массы составляют элементарные частицы, а вторую половину — «черные дыры», подчеркивает лондонский журнал «Новый ученый».

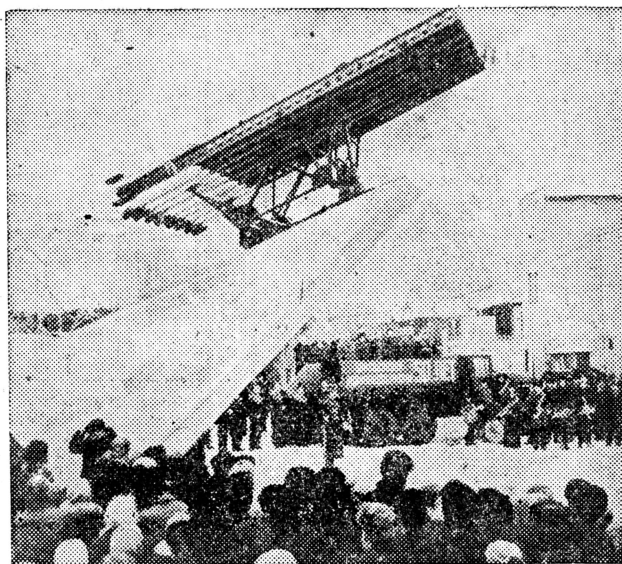
ВОТ ЭТО КРАН!

Уралхиммаш несколько лет производит так называемые шаровые краны для магистральных газопроводов. Но кран, который собрала в нынешнем году комсомольско-молодежная бригада Юрия Хорошина, и здесь удивляет многих. Новое запорное устройство способно справляться с давлением газа в 125 атмосфер!

Интересно, что в то самое время, когда был создан на Урале сверхмощный шаровой кран, во французском местечке Обер-Гайльбах официально и торжественно зажгли факел газа, поступившего из Западной Сибири.

А. ПЕТРОВ

ЗДЕСЬ РОЖДАЛИСЬ «КАТЮШИ»

Тысячи советских реактивных установок в годы Великой Отечественной войны обрушили на врага 12 миллионов ракетных снарядов. Грозную боевую технику выпускал Уральский компрессорный завод, отметивший недавно свое 50-летие. В заводском поселке открыт памятник-монумент легендарной «катюше».

Б. СОСЕДОВ

ДОСТАЕТСЯ ЖЕ ДУБАМ!

Установлено, что молния ударяет чаще в дубы, чем в другие деревья. Статистика подсчитала, что из ста ударов молний в деревья 56 приходится на дубы. А почему? Ученые выяснили это: корневая система дуба уходит очень глубоко в землю и достигает водоносных слоев, имеющих повышенную проводимость. Но вот интересно: липа тоже имеет глубокие корни, но молнии щадят ее. На это тоже есть объяснение: у липы своеобразное строение ствола, древесина ее плохой проводник электротока, к тому же кора липы всегда сухая.

В. РОЩАХОВСКИЙ

ОДА КОЛЮЧКЕ

Жил-был солдат. Нормально служил, не одни сапоги стоптал в походах. И вот однажды на привале глянул солдат в свой «сидор», а чай-то там нет... Порылся хорошенько — нет ничего! А служил он в краях знойных. Пить хочется...

Посмотрел солдат — колючка верблюжья под ногами. Солдат грамотный был, вспомнил он, что читал где-то, будто кочевники ею не брезговали. Заварил вместо чая... И пока шел солдат, всюду на привалах свое варевое прихлебывал. Странное дело: живот у солдата не болит, пить меньше хочется и аппетит отменный. А значит, и служить солдату хорошо!

...Сказка — ложь, да это не сказка. Солдаты на полигоне часто варят себе чай из верблюжьей колючки. Цвет у него приятный, и вкус хороший, и жажду утоляет. Говорят, имеет колючка бактерицидные свойства. Проверено ли это опытом медицинским, фармакологическим — кто знает. Но то, что народом проверены полезные свойства верблюжьей колючки, — это точно. Казахской народной медицине она известна: местное население лечит ею органы пищеварения.

Написано про верблюжью колючку в специальных книгах немного, но внушительно — что есть в ней калий, кальций, микроэлементы, витамины; что настой из растения снимает усталость, восстанавливает работоспособность.

Как после этого не забывать скромную верблюжью колючку?!

Д. ШИРОКОВ

«ПЕТР ПЕРВЫЙ» НА УРАЛЕ

Фильм «Петр Первый» вышел на экраны страны незадолго до Великой Отечественной войны (в 1937 году — первая серия, в 1938 году — вторая) и сразу завоевал огромную популярность в народе. Историческая эпопея, насыщенная переломными для России событиями, известные и любимые всеми артисты — Н. Черкасов, М. Жаров, А. Тарасова, М. Тарханов, В. Гардин ну и, конечно, сам Петр Первый, талантливо сыгранный артистом Ленинградского драматического театра имени А. С. Пушкина Николаем Константиновичем Симоновым, способствовали успеху картины.

Тридцать лет назад, в августе 1953 года, я был на производственной практике в редакции газеты «Красный Курган» (сейчас «Советское Зауралье»). Тогда в городе появились афиши, извещающие о двухдневных гастролях народного артиста СССР, трижды лауреата Государственной премии Н. Симонова. Мне повезло — пришлось быть на той встрече.

Переполненный зал старого курганского драмтеатра, где проходило выступление, взорвался аплодисментами, когда из-за кулис неторопливо, в светлом летнем костюме, на котором поблескивали лауреатские медали и орден Ленина, вышел Н. Симонов. Он начал рассказывать о своем артистическом пути, о сыгранных в театре ролях. Потом перешел к работе в кино, вспомнил Артема в фильме «Каин и Артем», Жихарева в «Чапаеве», ряд других ролей и переключился на «Петра Первого»...

В газете напечатали рецензию на гастроли артиста, поместили его портрет. Тогда-то одну из этих фотографий я взял себе на память.

Б. КОЗУЛИН

ВЕКОВ МИНУВШИХ ПИСЬМЕНА

В фондах Пермского краеведческого музея хранятся около 30 тысяч книг. Начало этому собранию положили книги из библиотеки и архива Пермской губернской архивной комиссии, из библиотеки Пермского архиерейского дома, а также из частных коллекций — А. А. Дмитриева, Д. Д. Смышляева, В. Н. Шишонко, И. Я. Кривошекова, П. Н. Серебrenникова.

В музейную библиотеку поступали книги из старообрядческих семей, из закрывающихся в первые годы Советской власти церковей и монастырей, продолжают они поступать к нам и сейчас — от коллекционеров. Наше книжное собрание охватывает период от середины XVI века до 1940 года.

Среди рукописных и старопечатных книг — редчайшее анонимное Евангелие, напечатанное в 1554 году в Москве за десять лет до появления знаменитого «Апостола» Ивана Федорова. Кроме богослужебной литературы в этом фонде есть сочинения по истории, медицине, праву, естественным наукам, рассказы о путешествиях, к примеру, «Путешествие Арсения Суханова в Иерусалим». Есть в нашей коллекции и старообрядческие певческие книги «на крюках». Они очень красивы: доски обтянуты сафьяном с золотым тиснением, по обрезу — чекан, а заставки и инициалы расписаны акварельными красками и сусальным золотом.

Есть здесь и книги Петровской эпохи: учебник по арифметике и букварь; есть издания русских просветителей, например Н. И. Новикова. Литература XIX — начала XX века представлена книгами почти всех ведущих русских издателей: Смирдина, Вольфа, Маркса, Сытина. Очень много литературы исторической. Это труды крупнейших дореволюционных историков С. М. Соловьева, Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского.

Первые советские книги... Прижизненные издания В. И. Ленина и других деятелей партии и Советского государства. Просто оформленная книга 20—30-х годов, призывающая к борьбе с голодом, послевоенными трудностями, болезнями, неграмотностью.

В библиотеке музея хранится коллекция грамот XVII—XVIII веков. Ценнейшие документы — крестьянские акты, купчие, закладные кабальные записи, завещания, написанные самими крестьянами Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии. Эти документы показывают, как в среде черносошного крестьянства начался процесс имущественного расслоения.

Фонд письменных источников богат и разнообразен. Он изучается. Помощь музею оказывают сотрудники археографической лаборатории исторического факультета Уральского университета. Описание этого фонда позволит ввести в научный оборот коллекцию, собранную несколькими поколениями уральских ученых и краеведов.

М. ПРОКУРОВА

На снимках (см. 4-ю стр. обложки): сверху — «Букварь», изданный в 1701 году в Москве. Он был составлен справщиком, а впоследствии директором Печатного двора Федором Поликарповым. Книга эта теперь крайне редкая, как и вся литература эпохи Петра; внизу — гравюра из «Букваря словенскими, греческими, римскими письмены», впервые в учебниках того времени изображающая школу.

Снимки
А. Лыскова

В НОМЕРЕ:

- В. КУДРЯВЦЕВА 2 Максимка, сын директора
В. ОЛЕШКО 7 Две жизни солдата Григорова
Н. МЕРЕЖНИКОВ 10 И все село отозвалось...
12 Следопытский телеграф
Е. КОЛЕЗЕВ 15 Робот Миша
Е. МАТВЕЕВА 16 Остров. Повесть
Ю. ОРЛИЦКИЙ 32 Вдохновение
А. ГОЛЬД 33 Северный репортаж
С. АХМЕТОВ 41 Демантоид из Каменного Пояса
А. БАРКОВ 42 Вертуха. На мякине не проведешь. Звуки флейты в березах
С. ЯРОСЛАВЦЕВ 44 Экспедиция в преисподнюю. Сказка. Окончание
Н. ШИРОКОВА 64 Дитя удалое России
67 О Суворове
М. РЕШЕТНИКОВ 69 Маяковский в Вятке
В. ПАШИН 70 Еще один «Апостол»
Б. ЗЕЛИЧЕНКО 70 Несыгранные роли
В. МАТВЕЕВ 72 Прыгающие мины, Яблонька. Фронтальные новеллы
М. АЗЕРНЫЙ 74 Школа спорта и труда
78 Мир на ладони

Рисунок на 1-й стр. обложки З. БАЖЕНОВОЙ.

Редакция

- Ю. Борисихин, заведующий отделом публицистики
В. Бугров, редактор отдела научной фантастики
Л. Будрина, технический редактор
М. Бурангулова, корректор
Л. Гончарова, секретарь-машинистка
А. Кононова, заведующая редакцией и отделом писем
Ю. Липатников, заведующий отделом науки и техники
Е. Пинаев, художественный редактор
Н. Широкова, редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353 ул. 8 Марта, 22-в

Телефоны:

- 51-22-40 (секретариат)
51-55-56 (отделы писем, публицистики)
51-09-71 (отдел прозы и поэзии, научной фантастики)
51-09-69 (отдел краеведения)
51-53-20 (отделы следопытской жизни, науки и техники)

Сдано в набор 30.03.84. НС 11137.

Подписано к печати 17.05.84. Формат бумаги 84×108¹/₁₆.

Бумага типографская № 3.

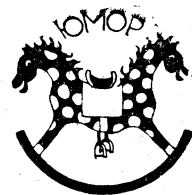
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.

Усл. кр.-отт. 10,92. Учетно-издательских листов 10,5.

Тираж 307 000. Заказ 535. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Александр
КИРИЙ

История Сергея Корзикова

Увлечения в классе были разные. Одни собирали фантики от жевательных резинок, другие — металлические рубли, а Серега Корзиков любил летать. Мысленно. Он представлял, что вот сейчас, в перемену открывает окно и взлетает, и летит, летит... Он так и застыл на парте с раскинутыми в стороны руками.

Сначала все думали, что он шутит.

Однажды Корзиков сдал математичке необыкновенное решение простой задачи. Та схватилась за голову:

— Тут и академия наук, Корзиков, не разберется.

— Но ведь ответ сходится?!

— Мне нравится полет твоей мысли, — добавила учительница. — Однако у нас обыкновенная школа, нечего витать в облаках.

Класс внимательно следил за спором. Последняя фраза математички смутила ребят.

Как-то Сухоносос, сосед Корзикова по парте, язвительно спросил Сергу:

— Ну, как там, наверху?

— Удивительно! — воскликнул тот, не замечая издевки.

— И не скучно в одиночестве, так сказать, — вне коллектива? — хмыкнул сосед.

— Ты не поверишь, — доверительно сказал Серега. — Но у меня там есть друг.

— Кто? Друг?!

— Да, одна старая ворона.

Все рассмеялись.

— Очень мудрое существо, — сказал Корзиков.

Действительно время от времени к школе стала прилетать большая черная ворона и Серега подкармливал ее.

— Не верьте глазам своим, — говорил классу Сухоносос. — Научкой доказано, что современный человек принципиально не в состоянии летать.

— Но ведь он летает! — восторженно воскликнула Леночка с первой парты.

И тогда Сухоносос подрезал Корзикову крылья, двигая за его спиной пальцами. Тот, конечно, ничего не заметил, но у него вдруг поднялась температура.

Участковый врач, не найдя у него ничего особенного, сказал:

— ОРЗ.

Спустя три дня Корзиков снова пришел в класс. Внешне он почти не изменился, разве что в глазах появилась грусть.

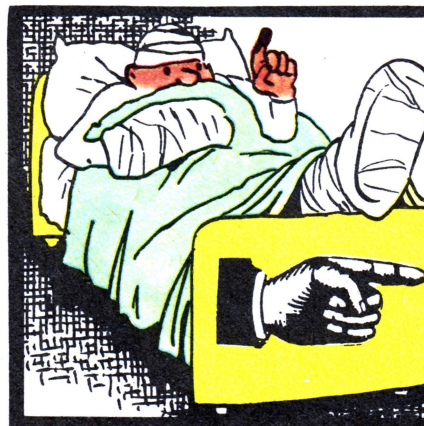
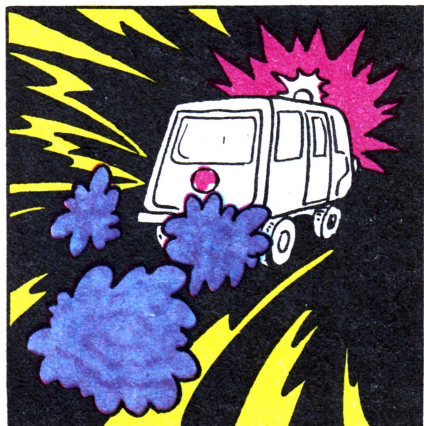
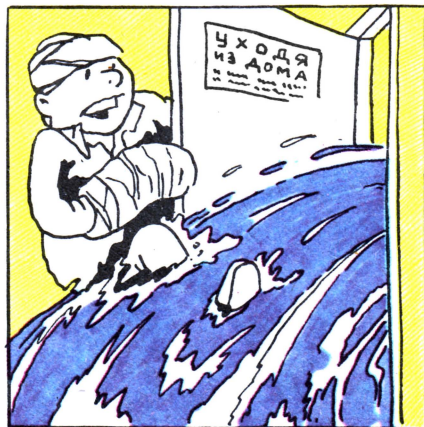
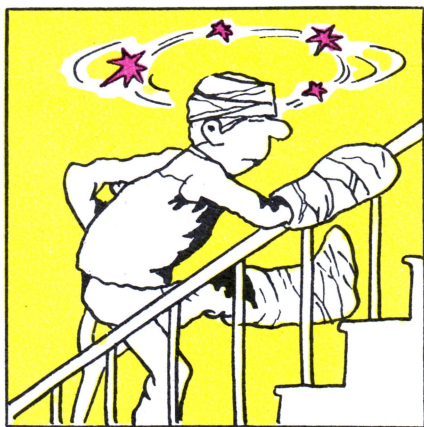
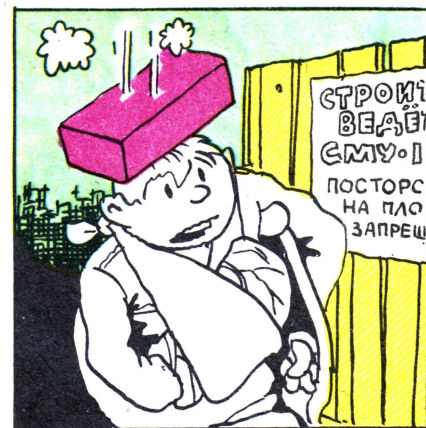
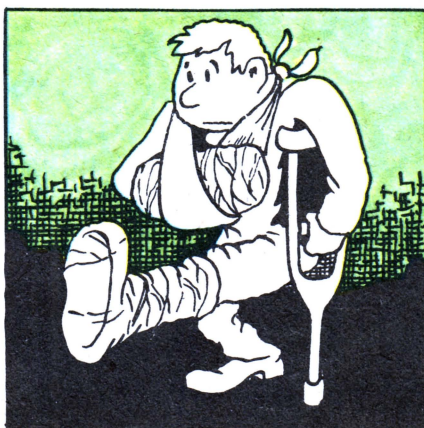
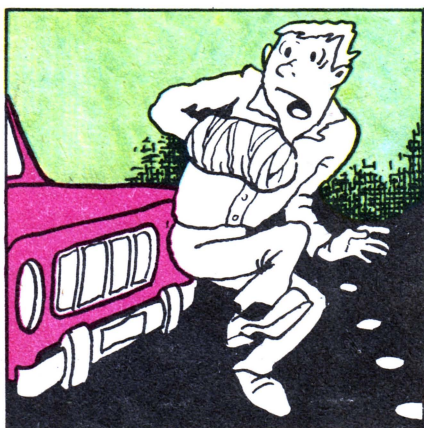
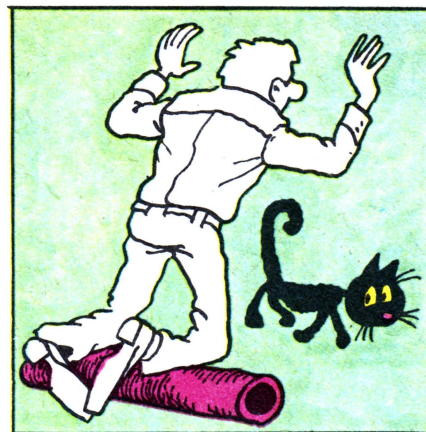
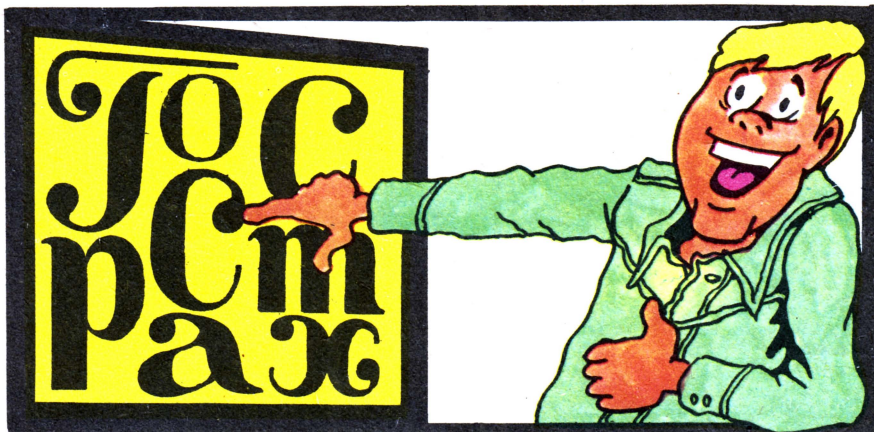
В большую перемену появилась ворона. Серега выбросил в форточку кусочек сыра, отвернулся.

Ворона, зажав добычу в клюве, улетела.

— Что же ты не составил ей компанию? — усмехнулся Сухоносос.

— Боюсь, — почти шепотом ответил Серега.

Он вздохнул, молча уткнулся в тетрадь, решая простую задачу обычным способом.

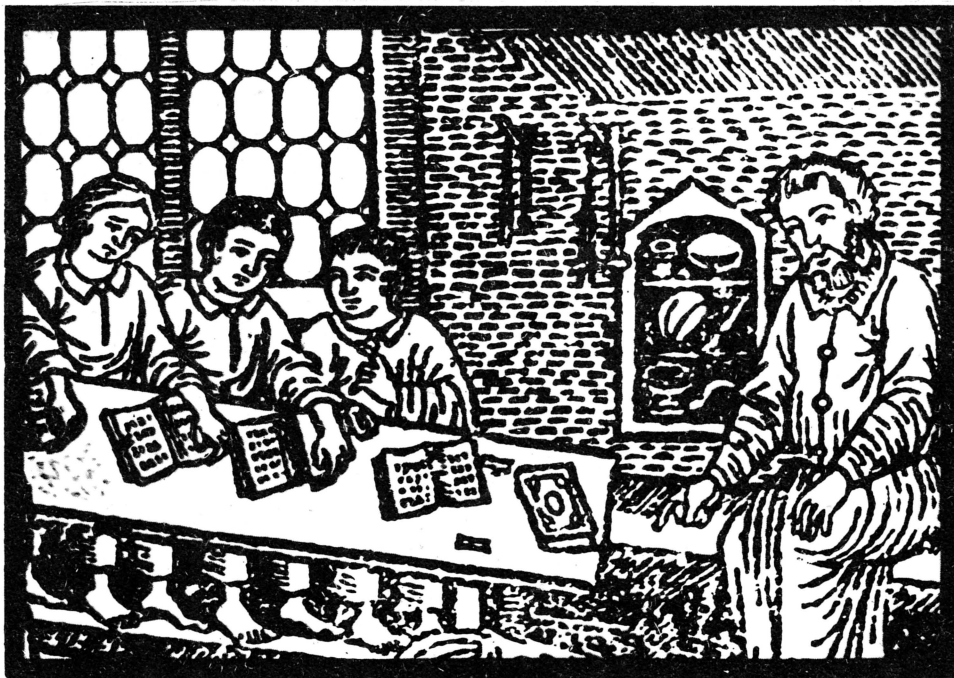
УПРАВЛЕНИЕ
ГОССТРАХА
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

**ЗАКЛЮЧАЙТЕ
ДОГОВОРЫ
СТРАХОВАНИЯ
ОТ НЕСЧАСТНЫХ
СЛУЧАЕВ!**

ВЕКОВ МИНУВШИХ ПИСЬМЕНА

40 коп.
Индекс 73413

Снимки А. Лысякова

Читайте стр. 79.